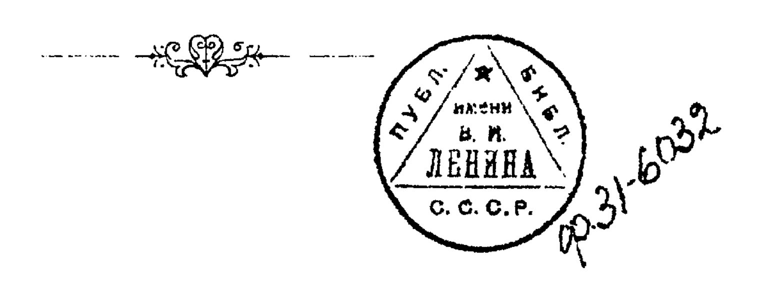
„ПЕРВАЯ АНАЛИТИКА“

АРИСТОТЕЛЯ.

Н. Н. ЛАНГЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева и К°, Наб. Фонтанки, д. № 95.
1894.

Оглавленіе.

Книга I.

СТРАН.

Книга II.

СТРАН.

„ПЕРВАЯ АНАЛИТИКА“ АРИСТОТЕЛЯ [1]).

КНИГА ПЕРВАЯ.

Содержаніе первой книги. Давъ общія опредѣленія сужденія и умозаключенія (гл. 1), Аристотель прежде всего разсматриваетъ превращеніе сужденій (гл. 2 и 3), а затѣмъ обращается къ *первому* изъ трехъ *основныхъ* вопросовъ этой книги, именно къ вопросу о томъ, какія соединенія посылокъ даютъ какія заключенія; при этомъ онъ изслѣдуетъ по тремъ фигурамъ силлогизма соединенія изъ двухъ простыхъ посылокъ (гл. 4—7), затѣмъ соединенія изъ двухъ необходимыхъ посылокъ (гл. 8), изъ одной необходимой и одной простой (гл. 9—12) и соединенія съ посылками возможными (гл. 13—22); все это изслѣдованіе заканчивается общими замѣчаніями о значеніи первой фигуры (гл. 23), объ общихъ условіяхъ умозаключеній (глава 24) и о числѣ въ нихъ понятій, посылокъ и выводовъ (гл. 25). *Второй* главный вопросъ книги состоитъ въ нахожденіи метода, какъ доказывать каждое данное положеніе; при этомъ Аристотель показываетъ, вопервыхъ, какія положенія доказывать легче и какія—труднѣе (гл. 26), вовторыхъ, даетъ самый методъ для нахожденія доказательствъ и показываетъ его общую приложимость (гл. 27—30) и заканчиваетъ критическими замѣчаніями о платоновскомъ методѣ доказательствъ (гл. 31). *Третій* главный вопросъ книги есть собственный анализъ, то есть ученіе о томъ, какъ сводить каждое уже данное доказательство къ тремъ фигурамъ силлогизма; эта часть представляетъ рядъ отдѣльныхъ указаній (гл. 32—44). Первая книга заканчивается дополнительными замѣчаніями о сведеніи фигуръ одна къ другой (гл. 45) и о значеніи отрицанія (гл. 46).

---

[1]) Изъ сочиненій Аристотеля, посвященныхъ логикѣ, до насъ дошли тѣ, что извѣстны подъ общимъ именемъ *Органа.* Въ его составъ входятъ пять трактатовъ: 1) *Категоріи* (наиболѣе общія сказуемыя), 2) *О смыслѣ сужденій,* 3) и 4) *Первая и Вторая Аналитика* (анализъ мышленія), 5) *Топика,* которой послѣдняя книга носитъ особое названіе: *о софистическихъ доказательствахъ.* Изъ этихъ трактатовъ двѣ книги *Первой Аналитики* имѣютъ предметомъ ученіе о силлогизмѣ. Предлагаемый переводъ сдѣланъ по изданіямъ Вайтца и Дидо. Прямыя скобки [ ] указываютъ слова, внесенныя переводчикомъ для ясности.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Содержаніе Аналитики [1]). — Опредѣлені и виды сужденія, термины и умозаключенія.

Прежде всего мы должны указать, что составляетъ предметъ нашего изслѣдованія и какого оно рода: этотъ предметъ—доказательства, а изслѣдованіе принадлежитъ къ доказательному знанію [2]). Затѣмъ должно опредѣлить, что такое сужденіе, терминъ и умозаключеніе, какое умозаключеніе совершенно, а какое—не совершенно, и наконецъ, что значитъ [выраженіе] „нѣчто во всемъ другомъ находится" или—„не находится", и что мы выражаемъ, когда нѣчто утверждаемъ или отрицаемъ за инымъ, какъ цѣлымъ.

Сужденіе есть рѣчь, что нибудь о чемъ нибудь утверждающая или отрицающая; она бываетъ или всеобщей, или частной, или неопредѣленной; всеобщей я ее называю, когда [нѣкоторое А] присуще или неприсуще всякому [В],—частной, когда [А] присуще или неприсуще нѣкоторымъ или не всѣмъ [В], а неопредѣленной, когда [А] свойственно или несвойственно [В], но безъ указанія, всѣмъ-ли или части; таковы, напримѣръ, сужденія: „противоположности изучаются одною и тою же наукой" [3]) или „удовольствіе не есть благо". [Кромѣ того] сужденіе доказательное (аподиктическое) отличается отъ сужденія правдоподобнаго (діалектическаго): первое есть утвержденіе одного изъ членовъ противорѣчія [4]) (ибо доказывающій не спрашиваетъ, но самъ утверждаетъ), второе же—вопросъ относительно членовъ противорѣчія [5]). Но нѣтъ никакой разницы при составленіи умозаключеній изъ сужденій того и другаго вида: и тотъ, кто доказываетъ, и тотъ, кто вопрошаетъ, [одинаково] строятъ умозаключеніе изъ поло-

---

[1]) Анализъ, по Аристотелю, есть разложеніе даннаго на составные элементы или отысканіе его условій. Аналитика есть теорія научнаго анализа, а въ болѣе тѣсномъ значеніи, теорія доказательствъ.

[2]) *Къ доказательному знанію*: Аристотель называетъ эту область Аподиктикой, въ противоположность Діалектикѣ: перваго рода знанія имѣютъ предметомъ общее, необходимое и разумное, втораго же—частное, чувственное и лишь правдоподобное. Ср. ниже гл. 24.

[3]) Напримѣръ, математика изучаетъ и большія и малыя величины, политическая экономія явленіе и бѣдности и богатства.

[4]) То есть, А или не—А.

[5]) Точнѣе: діалектическое сужденіе есть *отвѣтъ* на вопросъ *о предпочтеніи* того или другаго изъ противорѣчащихъ положеній.

женій о томъ, что нѣчто присуще или не присуще иному; такъ что входящее въ умозаключеніе сужденіе мы должны опредѣлить, какъ вообще утвержденіе или отрицаніе чего-нибудь за чѣмъ нибудь другимъ, при чемъ аподиктическимъ сужденіемъ будетъ то, которое истинно и выведено изъ предположеній [1]), а діалектическимъ—то, которое для вопрошающаго есть вопросъ [2]) [о томъ или другомъ членѣ] противорѣчія, а для строющаго умозаключеніе—утвержденіе правдоподобнаго и распространеннаго мнѣнія, какъ о томъ сказано въ Топикѣ. Впрочемъ, о томъ, что такое сужденіе, и чѣмъ различаются сужденія силлогистическія, аподиктическія и діалектическія, будетъ съ большей точностью сказано ниже; пока же достаточно и указаннаго.

Терминомъ я называю то, на что сужденіе разлагается, то-есть, то, что сказывается, и то, о чемъ нѣчто сказано [3]), все равно—соединены ли они черезъ „есть" иля черезъ „не есть".

Умозаключеніе есть рѣчь [логическій процессъ], въ которой, разъ нѣчто полагается, съ необходимостью вытекаетъ нѣчто иное [чѣмъ положенное] и при томъ, благодаря бытію перваго; подъ словами „благодаря бытію перваго" я разумѣю, что второе происходитъ черезъ него, то-есть, что для происхожденія этой необходимости нѣтъ нужды ни въ чемъ, кромѣ [силы] термина [4]). Совершеннымъ умозаключеніемъ я называю не нуждающееся ни въ чемъ другомъ, кромѣ данныхъ сужденій, для обнаруженія необходимости [вывода], не совершеннымъ же—нуждающееся въ одномъ или нѣсколькихъ сужденіяхъ, которыя, хотя и необходимо слѣдуютъ изъ данныхъ терминовъ, но [прямо] въ посылкахъ не выражены.

Выраженіе „[В] находится во всякомъ [А]" и выраженіе „[В] утверждается за всѣми [А]"—тождественны, и мы говоримъ, что [В] утверждается за всѣми [А] тогда, когда нѣтъ ни одного [А], которому бы не было присуще [В]; подобное же должно сказать и о выраженіи „[В] отрицается за всѣми [А]".

---

[1]) То-есть, аксіома.

[2]) Точнѣе: отвѣтъ на вопросъ.

[3]) То-есть, логическое сказуемое и логическое подлежащее.

[4]) То-есть, средняго термина умозаключенія, о значеніи котораго см. ниже.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Объ обращеніи сужденій [1]).

Всякое сужденіе есть сужденіе или о свойственности, или необходимой свойственности, или о возможной свойственности [2]); изъ этихъ сужденій иныя бываютъ по характеру связки утвердительными, иныя—отрицательными; и наконецъ, изъ утвердительныхъ и отрицательныхъ сужденій иныя бываютъ всеобщими, иныя—частными и иныя—неопредѣленными. [Изъ этихъ видовъ] всеобще отрицательныя сужденія о свойственности [3]) должны быть по своимъ терминамъ обратимы, такъ напримѣръ: если никакое удовольствіе не благо, то и ничто благое не будетъ удовольствіемъ. Сужденія же всеобще-утвердительныя тоже необходимымъ образомъ обратимы [4]), но не вполнѣ, а лишь отчасти; если, напримѣръ, всякое удовольствіе благо, то и иное изъ благъ будетъ удовольствіемъ. Изъ сужденій же частныхъ—утвердительныя имѣютъ необходимое обращеніе тоже лишь частное (если напримѣръ нѣкоторыя изъ удовольствій суть благо, то и иныя изъ благъ суть удовольствія), а отрицательныя сужденія необходимаго превращенія неимѣеютъ: если напримѣръ иныя изъ животныхъ не суть люди, то отсюда не слѣдуетъ, что иные люди не суть животныя.

Пусть, вопервыхъ, мы имѣемъ всеобще отрицательное сужденіе АБ; если А не присуще ни одному Б, то и Б не будетъ присуще

---

[1]) Та перестановка сказуемаго на мѣсто подлежащаго и наоборотъ, о которой пойдетъ рѣчь въ этой главѣ, называется обыкновенно *превращеніемъ* сужденія, но мы предпочитаемъ называть ее *обращеніемъ*.

[2]) *Сужденіе о свойственности*, то-есть сужденіе о свойственности предиката субъекту: предикатъ *свойственъ* субъекту. Въ другихъ случаяхъ мы переводимъ тотъ же терминъ словомъ *присущъ*. Предикатъ, говоритъ Аристотель, можетъ быть трoякимъ образомъ присущъ субъекту: или просто (А есть В), или возможнымъ образомъ А можетъ быть Б), или необходимо (А необходимо есть Б). Это, слѣдовательно, различіе ассерторическихъ, проблематическихъ и аподиктическихъ сужденій.

[3]) То-есть, сужденія вида: ни одно А не есть Б.

[4]) Необходимымъ образомъ превратимы значитъ не то, что эти сужденія должны быть всегда превращаемы, а то, что если они правильно превращены, то превращенное сужденіе *такъ же* необходимо, какъ и то, изъ котораго оно получено. Въ этомъ же именно смыслѣ Аристотель называетъ ниже и выводы изъ умозаключеній (категорическихъ) необходимыми.

ни одному А; ибо если Б было присуще хотя какой-нибудь части А, напримѣръ В, то было бы не вѣрно, что А не присуще ни одному Б, такъ какъ В есть часть и Б [1]). Если [вовторыхъ] всякому Б, присуще А, то и нѣкоторымъ изъ А присуще Б, ибо не будь оно присуще ни одному А, ни одно Б не было бы присуще А, а по предположенію, оно присуще всякому Б. То же самое относится и къ частно-утвердительному сужденію: если нѣкоторымъ Б присуще А, то и нѣкоторымъ А по необходимости присуще Б, ибо не будь оно присуще ни одному А, ни одно А не было бы присуще Б. Если, наконецъ, инымъ изъ Б не присуще А, то при этомъ нѣтъ нужды, чтобы и инымъ изъ А не было присуще Б; пусть, напримѣръ, Б будетъ животное, А—человѣкъ: хотя не всѣ животныя не люди, но всякій человѣкъ—животное.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Обращеніе сужденій необходимыхъ и возможныхъ.

Такимъ же образомъ происходитъ обращеніе и необходимыхъ сужденій: всеобще-отрицательное сужденіе обратимо всецѣло, оба [рода] утвердительныхъ—отчасти. Если А необходимо не присуще ни одному Б, то и Б необходимо—ни одному А, ибо если бы оно было присуще хотя инымъ изъ А, то и А было присуще инымъ изъ Б [2]). Если А съ необходимостью присуще всякому или только иному Б, то и Б съ необходимостью присуще нѣкоторому А, ибо не будь это необходимымъ, не было бы необходимымъ и для А быть присущимъ иному изъ Б. Сужденіе частно-отрицательное не превращается по той же причинѣ, о которой сказано выше.

Возможность имѣетъ различный смыслъ, такъ какъ мы назы-

---

[1]) Доказательство ведется, слѣдовательно, такимъ образомъ: ни одно Б не есть А, слѣдовательно ни одно А не есть Б; ибо еслибы хотя нѣкоторая часть А, напримѣръ В, была Б, то они имѣли бы нѣчто общее—В, то-есть объ Б, именно по скольку оно В, мы могли бы утверждать, что оно есть и А. Это доказательство ведется, слѣдовательно, безъ превращенія частно-утвердительнаго сужденія (нѣкоторыя А суть В), что было бы „кругомъ въ доказательствѣ", такъ какъ доказательство превратимости такого сужденія само основано на превратимости обще-отрицательныхъ сужденій (см. ниже); доказательство же Аристотеля основано на методѣ „выдѣленія" изъ субъекта и предиката той части ихъ, которая въ нихъ обоихъ одинакова.

[2]) Это сокращенное доказательство вполнѣ сходно съ тѣмъ, что приведено въ предыдущей главѣ.

ваемъ возможнымъ и то, что по необходимости возможно, и то, что безъ необходимости возможно, и то, что собственно возможно [1]); но въ утвердительныхъ сужденіяхъ возможности обращеніе для всѣхъ этихъ видовъ одинаково: если А можетъ быть присуще всякому или нѣкоторымъ Б, то и Б можетъ быть присуще нѣкоторымъ А, ибо если бы оно не могло быть свойственно ни одному А, то и А—ни одному Б, какъ то показано *выше* [2]). Въ сужденіяхъ же отрицательныхъ обращеніе не одинаково. По скольку именно возможнымъ называется необходимое бытіе или бытіе [дѣйствительное, но] не необходимое, превращеніе таково же [какъ въ соотвѣтственныхъ сужденіяхъ необходимости и простаго бытія]; возьмемъ, напримѣръ сужденія: всякій человѣкъ можетъ не быть лошадью" и „всѣ одежды могутъ не быть бѣлыми"; изъ этихъ сужденій первое есть сужденіе о необходимомъ небытіи, а второе о бытіи не необходимомъ, и оба они обращаются такъ-же [какъ обыкновенныя сужденія необходимости и простаго бытія], ибо если всякій человѣкъ можетъ не быть лошадью, то и всякая лошадь можетъ не быть человѣкомъ, и если всѣ одежды могутъ не быть бѣлыми, то и все бѣлое можетъ не быть одеждою; все это доказано уже выше; то же самое должно сказать и о сужденіяхъ частно-отрицательныхъ. По скольку же подъ возможнымъ мы разумѣемъ обыкновенно бывающее и природѣ вещей свойственное—мы такъ опредѣляемъ собственно возможное,—обращеніе отрицательныхъ сужденій иное, а именно всеобще-отрицательное сужденіе не обратимо, частно же отрицательное—обратимо. Это будетъ объяснено, когда рѣчь пойдетъ о возможномъ [3]).

Здѣсь же достаточно будетъ замѣтить еще, что сужденія: „возможно, что то-то не присуще ничему изъ того-то" или—„кое-чему изъ того-то", имѣютъ утвердительную форму [4]), ибо выраженіе „воз-

---

[1]) Аристотель различаетъ два вида возможнаго: логически возможное и реально возможное. Логически возможно все, что существуетъ, а тѣмъ болѣе все, что необходимо должно существовать; реально же возможно то, что «свойственно природѣ вещей", постоянно *стремится* осуществиться и чего осуществленіе не заключаетъ ничего невозможнаго. Впрочемъ, болѣе точныя опредѣленія см. ниже въ главахъ 13 и 17 и относящихся къ нимъ примѣчаніяхъ.

[2]) То-есть, въ ученіи о превращеніи сужденій необходимыхъ.

[3]) То-есть, въ главахъ 13 и 17.

[4]) Въ первой части главы Аристотель говорилъ о сужденіяхъ, въ которыхъ терминъ „возможно" относится къ предикату (всѣ одежды могутъ не быть бѣлыми), здѣсь же о тѣхъ, въ которыхъ этотъ терминъ составляетъ главное предложеніе

можно“ имѣетъ значенiе подобное выраженiю „есть“, а выраженiе „есть“, къ чему бы оно ни было присоединено, производитъ всегда и вообще утвержденiе, напр. въ выраженiяхъ: „это есть не добро“, „это есть не бѣлое“, или попросту „это есть не то“ (и это будетъ доказано впослѣдствiи). Поэтому эти сужденiя превращаются такъ-же, какъ и прочiя утвердительныя.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Заключенiя по первой фигурѣ.

Послѣ этихъ опредѣленiй обсудимъ теперь, черезъ что, когда и какимъ образомъ происходитъ каждое умозаключенiе; а послѣ этого придется говорить о доказательствѣ; но объ умозаключенiи мы должны говорить раньше, чѣмъ о доказательствѣ, такъ какъ умозаключенiе есть нѣчто болѣе общее: всякое доказательство есть умозаключенiе, но не всякое умозаключенiе—доказательство.

Если три термина относятся между собой такъ, что послѣднiй заключенъ или не заключенъ во всемъ среднемъ, а среднiй—во всемъ первомъ [1]), то два крайнiе члена необходимо составляютъ совершенное заключенiе. Я называю среднимъ терминомъ тотъ, который и самъ заключенъ въ другомъ, и въ которомъ заключенъ иной; этотъ терминъ среднiй и по своему положенiю въ умозаключенiи; крайними же членами я называю, вопервыхъ, тотъ терминъ, который заключенъ въ другомъ, а вовторыхъ, тотъ, въ которомъ заключенъ другой [2]).

и опредѣляетъ характеръ всего утвержденiя (возможно, что всѣ одежды не бѣлы); такiя сужденiя, говоритъ Аристотель, даже заключая отрицанiе, имѣютъ утвердительное значенiе.

[1]) Послѣднимъ Аристотель называетъ (въ первой фигурѣ) меньшiй терминъ, а первымъ—большiй, по ихъ внѣшнему положенiю (см. ниже). Это опредѣленiе первой фигуры, слѣдовательно, значитъ: „если меньшiй терминъ заключенъ (какъ подлежащее) въ объемѣ средняго (какъ сказуемаго), а среднiй—въ объемѣ большого, то“ и т. д.

[2]) Порядокъ терминовъ силлогизма у Аристотеля иной, чѣмъ общепринатый и, должно прибавить, болѣе естественный:

Общепринятый { всякое Б есть А,
всякое В есть Б;
слѣдовательно, всякое В есть А.

У Аристотеля { А присуще всякому Б,
Б присуще всякому В;
слѣдовательно А присуще всякому В.

А означаетъ постоянно (въ первой фигурѣ) большiй терминъ, Б—среднiй, В—меньшiй.

Если А присуще всякому Б, а Б—всякому В, то необходимо А будетъ присуще всякому В [1]); это вытекаетъ изъ выше даннаго нами опредѣленія того, что значитъ „присуще всякому“ [2]). Равнымъ образомъ, если А не присуще ни одному Б, а Б присуще всякому В, то А не будетъ присуще ни одному В [3]). Если же первый терминъ присущъ всему среднему, а средній не присущъ вовсе послѣднему, то крайніе члены не составляютъ заключенія [4]): изъ такого отношенія терминовъ не слѣдуетъ съ необходимостью ничего, ибо при этомъ первый терминъ можетъ быть и всецѣло присущъ послѣднему и всецѣло ему не присущъ, такъ что ни частное, ни общее заключеніе не необходимо; а если изъ посылокъ ничего съ необходимостью не слѣдуетъ, то онѣ и не составляютъ умозаключенія. [Какъ] примѣръ терминовъ для того случая, когда послѣдній терминъ присущъ всему первому, [мы возьмемъ понятія]: животное—человѣкъ—лошадь, а для того случая, когда онъ не присущъ ему: животное—человѣкъ—камень [5]). Равнымъ образомъ не вытекаетъ съ необходимостью ничего, если первый терминъ всецѣло не присущъ среднему, и средній—послѣднему; понятія для утвержденія: знаніе — линія—медицина, для отрицанія: знаніе— линія—единица [6]). Итакъ, мы видимъ, въ какихъ случаяхъ въ этой фигурѣ—при всеобщихъ понятіяхъ — происходятъ заключенія, и въ какихъ—нѣтъ, и знаемъ теперь, что если заключеніе происходитъ то понятія должны имѣть указанныя отношенія, и обратно, если они имѣютъ эти отношенія, заключеніе произойдетъ.

Если же одинъ изъ терминовъ всеобщій, а другой частный, то когда всеобщій—взятъ-ли онъ утвердительнымъ, или отрицательнымъ— мы примемъ за большій крайній членъ, а частный — за меньшій, и

---

[1]) Для лучшей обозрѣваемости разбираемыхъ дальше модусовъ, мы будемъ обозначать ихъ пользуясь схоластическими символами: А—означаетъ всеобще-утвердительное сужденіе, Е — всеобще-отрицательное, I — частно-утвердительное, О—частно-отрицательное. Такимъ образомъ, указанный модусъ имѣетъ видъ: ААА.

[2]) См. гл. 1, въ концѣ.

[3]) Модусъ ЕАЕ.

[4]) Модусъ АЕ.

[5]) Въ этихъ примѣрахъ, какъ и въ слѣдующихъ (въ первой фигурѣ), первое понятіе есть большій терминъ, второе—средній, третье—меньшій, такъ что эти два примѣра получаютъ слѣдующій видъ:

1) всякій человѣкъ—животное,
ни одна лошадь не человѣкъ,
всякая лошадь животное.

2) всякій человѣкъ животное,
ни одинъ камень не человѣкъ,
ни одинъ камень не животное.

[6]) Модусъ ЕЕ.

возьмемъ его въ утвердительномъ значеніи, мы необходимо получимъ совершенное заключеніе; а когда частный терминъ примемъ за большій членъ, или вообще если термины будутъ относиться какъ нибудь иначе, заключеніе невозможно; приэтомъ я называю большимъ крайнимъ членомъ тотъ, въ которомъ заключенъ средній терминъ, а меньшимъ—тотъ, который содержится подъ среднимъ. Пусть именно А присуще всякому Б, а Б—нѣкоторымъ изъ В; если мы выраженіе „за всѣми утверждается“ понимаемъ, какъ указано выше [1]), то необходимо заключить, что А присуще инымъ изъ В [2]). Равнымъ образомъ, если А не присуще ни одному Б, а Б присуще инымъ изъ В, необходимо заключить, что А неприсуще инымъ изъ В; это тоже слѣдуетъ изъ того, какъ мы опредѣлили выраженіе „за всѣми отрицается“ [3]). Итакъ, въ обоихъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ совершенныя заключенія. То же самое будетъ, если мы возьмемъ сужденіе БВ—неопредѣленнымъ [4]) и утвердительнымъ: умозаключеніе остается то же, возьмемъ ли мы сужденіе неопредѣленное или частное.—Если же мы примемъ общій терминъ за меньшій крайній членъ—все равно возьмемъ ли его утвердительнымъ или отрицательнымъ—, заключенія не получится, каковъ бы ни былъ большій крайній членъ—утвердительный или отрицательный, если только онъ неопредѣленный или частный; пусть, вопервыхъ, А присуще или неприсуще нѣкоторымъ Б, а Б присуще всякому В [5]); [примѣръ] терминовъ, [допускающихъ] утвержденіе: благо—состояніе—благоразуміе, [примѣръ] терминовъ, допускающихъ отрицаніе: благо — состояніе—невѣжество [6]);

---

[1]) Глава 1, подъ конецъ.

[2]) Модусъ АІІ.

[3]) Тамъ же. Это модусъ ЕІО.

[4]) О неопредѣленномъ сужденіи см. въ главѣ 1.

[5]) Модусы ІА и ОА.

[6]) Аристотель доказываетъ, что при такихъ посылкахъ не будетъ заключенія, тѣмъ, что онѣ допускаютъ два противорѣчащихъ вывода и слѣдовательно изъ этихъ посылокъ ничего опредѣленнаго не вытекаетъ. Эти противуположные примѣры таковы:

1) Иныя изъ состояній суть благо,
всякое благоразуміе—состояніе,
всякое благоразуміе—благо,
(то-есть, выводъ всеобще утвердительный);

2) иныя изъ состояній—благо,
всякое невѣжество—состояніе,
никакое невѣжество не благо
(то-есть, выводъ всеобще отрицательный).

если, вовторыхъ, Б не присуще ни одному В и А присуще или неприсуще инымъ изъ В, или не всѣмъ В, мы тоже не получимъ заключенія [1]): [примѣръ] терминовъ: бѣлое—лошадь—лебедь; лошадь—бѣлое—воронъ [2]); эти же примѣры годятся и тогда, если АВ есть сужденіе неопредѣленное.—Не получается заключенія и тогда, когда сужденіе, заключающее большій крайній членъ, бываетъ всеобщимъ—утвердительнымъ или отрицательнымъ,—сужденіе же, заключающее меньшій крайній членъ—частнымъ или неопредѣленнымъ. Пусть, вопервыхъ, А присуще всякому Б, а Б—инымъ изъ В не присуще или присуще не всѣмъ В [3]): при этомъ всей той части В, которой средній терминъ не присущъ, первый можетъ и сопутствовать и всей-же ей не сопутствовать; для примѣра беремъ термины: животное—человѣкъ—бѣлое, и пусть то изъ бѣлаго, къ чему не приложимо понятіе человѣка, будетъ, напримѣръ, лебедь и снѣгъ. одному изъ нихъ понятіе животнаго всегда присуще, другому—всегда не присуще; итакъ, никакого заключенія здѣсь не получается. Пусть, вовторыхъ, А не присуще ни одному Б, а Б не присуще инымъ изъ В [4]); какъ термины возьмемъ: неодушевленное—человѣкъ—бѣлое, и пусть то изъ бѣлаго, къ чему не приложимо понятіе человѣка, будетъ напримѣръ лебедь и снѣгъ: одному изъ нихъ понятіе одушевленнаго всегда присуще, другому всегда не присуще. Далѣе [5]), такъ какъ сужденіе „Б не присуще нѣкоторымъ изъ В" неопредѣленно, оно вѣрно и въ томъ случаѣ, когда Б не присуще ни одному В, и въ томъ, когда Б присуще не всѣмъ В: въ обоихъ случаяхъ Б не присуще нѣкоторымъ В; и такъ какъ принявъ первое значеніе, мы изъ такого рода терминовъ не получаемъ заключенія (какъ это указано выше [6]), то ясно, что вообще при такихъ отношеніяхъ терминовъ заключенія не бу-

---

[1]) Модусы IE и OE.

[2]) 1) Иныя изъ лошадей (не) бѣлы,
ни одинъ лебедь не лошадь,
каждый лебедь бѣлъ;
2) Иныя изъ лошадей (не) бѣлы,
ни одинъ воронъ не лошадь,
ни одинъ воронъ не бѣлъ.

[3]) Модусъ АО.

[4]) Модусъ ЕО.

[5]) Аристотель даетъ второе доказательство модусовъ АО и ЕО.

[6]) Это былъ бы модусъ АЕ.

детъ, ибо иначе оно имѣло бы мѣсто и при первомъ значенiи [1]). Такъ-же пойдетъ доказательство и въ томъ случаѣ, когда всеобщее сужденiе отрицательно [2]). Заключенiя не происходитъ никоимъ образомъ и тогда, когда обѣ посылки взяты частными, все равно будутъ ли обѣ онѣ утвердительными, или обѣ отрицательными, или одна утвердительной, другая отрицательной [3]), или одна изъ нихъ неопредѣленной, другая опредѣленной, или обѣ неопредѣленными; примѣры понятiй для всѣхъ случаевъ: животное—бѣлое—лошадь; животное—бѣлое—камень [4]).

Итакъ, изъ сказаннаго видно, что для того, чтобы получить по этой фигурѣ частное заключенiе, термины должны имѣть указанныя отношенiя; если же этого нѣтъ, заключенiя никоимъ образомъ не получается. Далѣе, мы видимъ, что всѣ заключенiя по этой фигурѣ совершенны: всѣ они прямо получаются изъ данныхъ посылокъ. Наконецъ, замѣтимъ, что по этой фигурѣ могутъ быть доказаны всякаго рода положенiя: и всеобще утвердительныя, и всеобще отрицательныя, и частно-утвердительныя и частно-отрицательныя. Разсмотрѣнную фигуру я называю первою.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Заключенiя по второй фигурѣ.

Если одинъ и тотъ же терминъ за однимъ терминомъ, во всемъ его объемѣ, утверждается, а за другимъ, тоже во всемъ его объемѣ,

---

[1]) Суть этого доказательства состоитъ въ указанiи на двусмысленность частно отрицательнаго сужденiя: оно можетъ имѣть мѣсто и при полномъ отрицанiи и при частномъ. А такъ какъ эти два значенiя въ обыкновенной формѣ частно-отрицательнаго сужденiя не различены, то и модусъ EIO не можетъ быть здѣсь приложимъ, ибо не можетъ быть отличенъ отъ модуса EE.

[2]) То-есть относительно модуса EO.

[3]) Модусы II, OO, IO и OI.

[4]) Разберемъ эти примѣры:

Модусы II, OO, IO, OI:
Нѣчто изъ бѣлаго (не) есть животное,
нѣкоторыя лошади (не) бѣлы,
всѣ лошади животное.
Иное изъ бѣлаго (не) животныя,
иные камни (не) бѣлые,
всѣ камни не животныя.

Неопредѣленныя сужденiя:

бѣлое есть животное,	бѣлое есть животное,
лошади бѣлы,	*камень бѣлъ,*
олшади животныя;	камень не животное.

отрицается, или за обоими, во всемъ ихъ объемѣ, утверждается, или за обоими отрицается, то такую фигуру я называю второй [1]); среднимъ терминомъ называется въ ней тотъ, который утверждается или отрицается за двумя другими, а крайними тѣ, за которыми утверждается или отрицается средній; при этомъ большій крайній членъ ставится рядомъ со среднимъ, и меньшій дальше отъ него, средній же помѣщается внѣ крайнихъ членовъ и при томъ, по положенію, впереди ихъ [2]). Умозаключеніе по этой фигурѣ никогда не бываетъ совершеннымъ, возможно же оно какъ при всеобщихъ, такъ и при не всеобщихъ терминахъ. Если термины всеобщи, заключеніе получается въ тѣхъ случаяхъ, когда среднее понятіе одному изъ крайнихъ (въ его цѣломъ объемѣ) присуще, а другому (тоже въ его цѣломъ объемѣ) не присуще, при чемъ все равно, принадлежитъ-ли отрицаніе большему крайнему члену или меньшему; въ прочихъ случаяхъ заключенія никоимъ образомъ не получается. Пусть M отрицается за всѣми N и утверждается за всѣми X; такъ какъ отрицательное сужденіе превратимо, N не будетъ не присуще ни одному M; но M, по предположенію, присуще всякому X, значитъ N не присуще ни одному X, какъ это уже доказано выше [3]).

Далѣе, если M присуще всѣмъ N и не присуще ни одному X, то и N не будетъ присуще ни одному X [4]); ибо если M не свойственно ни одному X, то и X ни одному M; но M присуще всякому N, слѣд. X не присуще ни одному N: получается опять первая фигура [5]); затѣмъ, такъ какъ отрицательное сужденіе обратимо, то и N не присуще ни одному X; такъ что мы получаемъ опять такое же заключеніе [6]). Можно доказать эти два случая и черезъ сведеніе къ невозможному [7]). Итакъ, очевидно, что при такихъ соотношеніяхъ понятій,

---

[1]) Это, конечно, не общее опредѣленіе второй фигуры (ибо сюда не входятъ частные изъ ея модусовъ), но только указаніе на то, какъ сочетаются въ ней термины.

[2]) Здѣсь указывается на положеніе терминовъ при ихъ *линейномъ* (какъ въ приводимыхъ примѣрахъ) расположеніи, при чемъ средній терминъ займетъ первое мѣсто, большій—второе и меньшій — третье, соотвѣтственно Аристотелевой манерѣ ставить сказуемое впереди подлежащаго.

[3]) Для второй фигуры M — означаетъ всегда средній терминъ, N—большій X—меньшій. Это модусъ EAE.

[4]) Модусъ AEE.

[5]) Модусъ EAE первой фигуры.

[6]) То-есть, такое же, какъ въ первомъ модусѣ второй фигуры.

[7]) Напримѣръ, докажемъ такимъ образомъ модусъ EAE. Дано: ни одно N не есть M, а всѣ X суть M; доказать, что ни одно X не есть N. Еслибы это

умозаключеніе происходитъ, но несовершенное, ибо необходимость [заключенія] обнаруживается не изъ первоначальныхъ посылокъ, но черезъ [присоединеніе] еще кое-чего [1]). Если же M утверждается за всѣми N и за всѣми X, заключенія не получится; [примѣръ] терминовъ, [допускающихъ] утвержденіе заключенія: субстанція—животное—человѣкъ; допускающихъ отрицаніе: субстанція — животное — число; средній терминъ—субстанція [2]).

Не происходитъ заключенія и тогда, если M не утверждается ни за однимъ изъ N и ни за однимъ изъ X; понятія для утвержденія: линія—животное—человѣкъ, для отрицанія: линія—животное—камень [3]). Итакъ очевидно, что для полученія заключенія при всеобщихъ терминахъ они должны имѣть тѣ самыя отношенія, которыя мы указали вначалѣ; при иныхъ же отношеніяхъ ничего изъ понятій съ необходимостью не вытекаетъ.

[Возьмемъ теперь тѣ случаи], когда [только] одна изъ посылокъ всеобща [4]). Если большая посылка всеобща — [все равно] будетъ-ли она утвердительной или отрицательной, малая же — частна и [по формѣ] противоположна всеобщему сужденію (я называю противоположнымъ всеобще-отрицательное сужденіе—частно-утвердительному и всеобще-утвердительное—частно-отрицательному), необходимо вытекаетъ частно-отрицательное заключеніе. Пусть M не присуще ни одному N и присуще нѣкоторымъ изъ X, тогда N по необходимости не присуще нѣкоторымъ X [5]); ибо если мы превратимъ отрицательную по-

---

заключеніе было не вѣрно, то нѣкоторыя X были бы N; но такъ какъ ни одно M не есть N (обращенная первая изъ данныхъ посылокъ), то мы получили бы тогда, по первой фигурѣ, (переставивъ посылки), что нѣкоторые X не суть M что однако не возможно, ибо противорѣчитъ второй изъ данныхъ посылокъ. Слѣдовательно, заключеніе: ни одно X не есть N, вѣрно.

[1]) Напримѣръ, въ данныхъ случаяхъ необходимы были превращенія посылокъ, въ другихъ же бываетъ необходимо доказательство отъ противнаго; см. ниже модусъ AOO.

[2]) Раскроемъ этотъ примѣръ модуса AA: 1) всякое животное есть субстанція, *всякій человѣкъ субстанція*, всякій человѣкъ — животное; 2) всякое животное—субстанція, *всякое число субстанція*, ни одно число не есть животное.

[3]) Модусъ EE.

[4]) Въ подлинникѣ стоитъ: „когда средній терминъ относится всеобщимъ образомъ къ одному изъ другихъ“. Но мы замѣняемъ (здѣсь и въ другихъ мѣстахъ) такое выраженіе „ему равнозначущимъ“: когда одна изъ посылокъ всеобща“, такъ какъ иначе въ переводѣ было бы недостаточно ясно, къ чему относится выраженіе „всеобщимъ образомъ“, — къ среднему-ли термину (что не вѣрно) или къ подлежащему посылки.

[5]) Модусъ EIO.

сылку, N не будетъ присуще ни одному M, но M, по предположенію, присуще нѣкоторымъ изъ X, слѣд. N не присуще нѣкоторымъ X: получается первая фигура [1]). Затѣмъ, если M присуще всякому N, но не присуще нѣкоторымъ изъ X, N необходимо не будетъ присуще нѣкоторымъ изъ X [2]); ибо еслибы оно было присуще всѣмъ X, то такъ какъ M утверждается за всѣми N, M по необходимости было-бы присуще всякому X [3]), по предположенію же, оно не присуще инымъ изъ X. Равнымъ образомъ, если M присуще всѣмъ N и не всѣмъ X [4]), получится заключеніе, что N присуще не всѣмъ X; доказательство то же самое. Если же M утверждается за всѣми X, но не за всѣми N, заключенія не получается [5]); [примѣры] терминовъ: животное—субстанція—воронъ; животное—бѣлое—воронъ. Не получается заключенія и тогда, когда M отрицается за всякимъ X и утверждается за иными изъ N [6]); термины для утвержденія: животное—субстанція—единица; для отрицанія: животное—субстанція—знаніе.

Итакъ, мы указали, когда происходитъ заключеніе и когда нѣтъ, въ случаѣ если одна посылка всеобщая, а другая частная, и при томъ если онѣ противуположны [по формѣ]; если же обѣ посылки однородны, то-есть или обѣ утвердительны или обѣ отрицательны, заключенія никоимъ образомъ не получается. Пусть, вопервыхъ, обѣ онѣ отрицательны и при томъ всеобщимъ будетъ большій крайній членъ, то-есть пусть M не присуще ни одному N и не присуще нѣкоторымъ изъ X [7]): N можетъ быть [при этихъ условіяхъ] свойственъ какъ всякому X, такъ и ни одному изъ X; понятія для отрицанія: черное — снѣгъ — животное; для утвержденія же нельзя привести и терминовъ, если только [меньшая посылка понимается такъ, что] M нѣкоторымъ X не присуще, а нѣкоторымъ присуще [8]); ибо еслибы N было присуще всякому X, а M—ни одному изъ N, то M не было бы присуще ни одному изъ X; предположено, однако, что оно инымъ изъ X присуще; итакъ, для [утвержденія здѣсь] не возможно найдти

---

1) Модусъ EIO первой фигуры.

2) Модусъ AOO.

3) По модусу AAA первой фигуры.

4) То-есть, если меньшая посылка неопредѣленная.

5) Модусъ OA.

6) Модусъ IE.

7) Модусъ EO.

8) Частно-отрицательныя сужденія имѣютъ, какъ было указано выше, два значенія.

терминовъ. Но этотъ случай можетъ быть доказанъ изъ [свойства] неопредѣленнаго [сужденія]: такъ какъ [сужденіе] „M не присуще инымъ изъ X“ вѣрно и тогда, когда M не присуще ни одному X, а при двухъ всеобщихъ отрицаніяхъ заключенія не получается [1]), то ясно, что его не будетъ и въ нашемъ случаѣ.

Возьмемъ теперь обѣ посылки утвердительными, всеобщее же понятіе помѣстимъ по прежнему [2]), то-есть пусть M присуще всякому N и нѣкоторымъ изъ X [3]); [при этомъ] N можетъ быть присуще какъ всякому X, такъ и ни одному изъ нихъ; термины для отрицанія: бѣлое — лебедь—камень, для утвержденія же нельзя найдти терминовъ, по той же причинѣ, какъ выше, но приходится доказывать изъ [свойствъ] неопредѣленнаго [4]). Если же, далѣе, мы придадимъ всеобщность меньшему крайнему термину, то-есть, M не будетъ присуще ни одному изъ X, ни нѣкоторымъ изъ N, тогда N [тоже] можетъ быть присуще и всякому X и ни одному изъ нихъ [5]); термины для утвердительнаго случая: бѣлое — животное — воронъ, для отрицательнаго: бѣлое—камень—воронъ.

Для случая же, когда [обѣ] посылки утвердительныя [6]), терминами для отрицанія возьмемъ: бѣлое—животное—снѣгъ, для утвержденія: бѣлое — животное — лебедь. Итакъ, мы [вообще] видимъ, что когда посылки однородны, и одна изъ нихъ всеобща, а другая частна, заключенія никогда не бываетъ. Заключенія не бываетъ и тогда, когда обѣ посылки частно утвердительныя или обѣ частно-отрицательныя, или одна частно утвердительная, другая частно отрицательная [7]), или когда онѣ неопредѣленныя; термины общіе для всѣхъ случаевъ: бѣлое—животное—человѣкъ; бѣлое—животное—неодушевленное.

Изъ сказаннаго видно, что когда термины относятся между собой

---

[1]) По модусу EE.

[2]) То-есть въ большую посылку.

[3]) Модусъ AI.

[4]) Именно положеніе „M присуще нѣкоторымъ изъ X“ вѣрно и тогда, когда M присуще всѣмъ X, но двѣ обще-утвердительныя посылки во второй фигурѣ заключенія не даютъ, какъ то показано выше.

[5]) Модусъ OE.

[6]) При чемъ продолжаетъ сохраняться прежнее условіе, то-есть одна изъ нихъ всеобщая, другая частная. Слѣдовательно, здѣсь идетъ дѣло о модусахъ IA и AI, а такъ какъ второй уже разобранъ выше, то о модусѣ IA.

[7]) Модусы: II, OO, IO и OI (слова ἢ μηδ' ἑτέρῳ я опускаю, какъ излишній синонимъ предыдущаго).

такъ, какъ то указано [выше], заключеніе съ необходимостью происходитъ, и обратно, для того чтобы было получено заключеніе, понятія должны соотноситься указаннымъ образомъ. Мы видимъ также, что всѣ умозаключенія въ этой фигурѣ несовершенны (ибо всѣ они получаются черезъ присоединеніе еще иныхъ сужденій, которыя или бываютъ съ необходимостью заключены въ [данныхъ] терминахъ [1]), или берутся по предположенію, какъ напримѣръ, когда мы доказываемъ отъ невозможнаго). Наконецъ, мы видимъ изъ сказаннаго, что по этой фигурѣ нельзя получить утвердительнаго заключенія, но всѣ ея заключенія отрицательны, какъ всеобщія, такъ и частныя.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О заключеніяхъ по третьей фигурѣ.

Если одному и тому же термину во всемъ его объемѣ присущъ другой и не присущъ третій, или если оба они ему всему присущи, или оба не присущи, то такую фигуру я именую третьею [2]); среднимъ членомъ я называю въ ней то понятіе, которому присущи [или не присущи] оба другія, а крайними — тѣ, которыя присущи [или не присущи] среднему; [при этомъ] большой крайній членъ ставится дальше отъ средняго, а меньшій ближе, средній же помѣщается внѣ крайнихъ членовъ и при томъ по положенію послѣднимъ [3]). Умозаключеніе и по этой фигурѣ никогда не бываетъ совершеннымъ; возможно же оно какъ при общихъ посылкахъ, такъ и при частныхъ. Если обѣ посылки всеобщи, и именно если и P и R присущи всякому S, необходимо P будетъ присуще инымъ изъ R [4]): такъ какъ утвердительное сужденіе превратимо, S будетъ присуще инымъ изъ R; по этому P присуще всякому S, а S инымъ изъ R; P, слѣдовательно, необходимо будетъ присуще инымъ изъ R, ибо происходитъ заключеніе по первой фигурѣ [5]). Можно доказать то же и

[1]) То-есть, получимы изъ нихъ черезъ обращеніе данныхъ посылокъ.

[2]) Это не опредѣленіе третьей фигуры (ибо сюда не подходятъ ея частные модусы), но только указаніе на то, какъ сочетаются въ ней термины.

[3]) Здѣсь указывается на положеніе терминовъ при ихъ линейномъ (какъ въ приводимыхъ примѣрахъ) расположеніи, причемъ большій терминъ ставится первымъ, меньшій—вторымъ, а средній — третьимъ, соотвѣтственно Аристотелевой манерѣ помѣщать сказуемое впереди подлежащаго.

[4]) Модусъ AAI. Въ третьей фигурѣ P означаетъ всегда большій терминъ, R—меньшій, S—средній.

[5]) Именно по модусу AII первой фигуры.

сведеніемъ къ невозможному [1]) и выдѣленіемъ [части понятія]: [послѣднее слѣдующимъ образомъ]: такъ какъ оба термина присущи всякому S, возьмемъ нѣкоторую часть изъ S, именно N, которой присущи и P и R, такъ что инымъ изъ R будутъ присущи P [2]). Если далѣе R присуще всякому S, а P не присуще ни одному S, необходимо получается заключеніе, что P не присуще инымъ изъ R [3]); доказывается это такъ же [4]), [именно] черезъ превращеніе посылки PS; можно доказать это и отъ невозможнаго, подобно тому, какъ въ предыдущихъ случаяхъ. Если же R не присуще ни одному изъ S, а P присуще всѣмъ S, заключенія не получается [5]); термины для утвержденія: животное—лошадь—человѣкъ, для отрицанія: животное—неодушевленное существо—человѣкъ [6]). Не получается заключенія и тогда, когда и R и P отрицаются за всѣми S [7]); термины для утвержденія: животное—лошадь—неодушевленное существо; для отрицанія: человѣкъ—лошадь—неодушевленное существо; средній терминъ—неодушевленное существо. Итакъ, мы знаемъ теперь, когда и по этой фигурѣ, при общихъ терминахъ, получаются и когда не получаются заключенія; если оба термина утвердительны, мы имѣемъ заключеніе, что одинъ изъ крайнихъ членовъ присущъ нѣкоторой части другаго; если же оба термина отрицательны, заключенія нѣтъ; если, наконецъ, одинъ утвердительный, другой отрицательный, заключеніе получается только тогда, когда большій терминъ

---

[1]) Доказательство это ведется такъ: если всѣ S суть P, и всѣ S суть R, то нѣкоторые R суть P; ибо еслибы это было невѣрно, то есть, ни одно R не было P, то такъ какъ всѣ S суть R, ни одно S не было бы P (по EAE первой фигуры), что не возможно, ибо противорѣчитъ данному.

[2]) Доказательство черезъ выдѣленіе состоитъ въ томъ, что выдѣляется та часть средняго термина (равная N), которой общи оба крайніе члена, и слѣдовательно въ объемѣ которой они общи другъ другу. Въ нашемъ случаѣ это доказательство нѣсколько затемняется тѣмъ, что N=S.

[3]) Модусъ EAO.

[4]) Съ тѣмъ однако различіемъ, что въ предыдущемъ модусѣ для доказательства мы превращали меньшую посылку, а здѣсь—большую.

[5]) Модусъ AE.

[6]) Развернемъ этотъ примѣръ:

1) всѣ люди—животныя,
ни одинъ человѣкъ не лошадь,
всѣ лошади животныя;

2) всѣ люди—животныя,
ни одинъ человѣкъ не есть существо неодушевленное,
ни одно неодушевленное существо не есть животное.

[7]) Модусъ EE.

отрицательный, а меньшій утвердительный, и именно получается заключеніе, что первое не присуще нѣкоторой части втораго; если же наоборотъ, заключенія не будетъ.

Когда одна изъ посылокъ всеобща, а другая частна, при чемъ оба сужденія утвердительны, необходимо является заключеніе, которая бы изъ посылокъ ни была всеобщей. Если R присуще всякому S и нѣкоторымъ изъ P, то P необходимо будетъ присуще инымъ изъ R [1]): такъ какъ утвердительное сужденіе обращается. S будетъ присуще инымъ изъ P; итакъ, R присуще всякому S и S—инымъ изъ P; слѣдовательно P будетъ присуще инымъ изъ R [2]), а слѣдовательно и R—инымъ изъ P. Вовторыхъ, если R присуще нѣкоторымъ изъ S, а P—всѣмъ S, необходимо P будетъ присуще нѣкоторымъ R [3]); доказательство здѣсь того же рода, но можно доказать и отъ невозможнаго, и черезъ выдѣленіе [части понятія] [4]), подобно тому какъ мы дѣлали это относительно предыдущихъ случаевъ. Если, далѣе, одна посылка утвердительная, а другая—отрицательная, и именно всеобщая утвердительна, заключеніе происходитъ, когда меньшая посылка—утвердительна. Если R присуще всѣмъ S, а P нѣкоторымъ изъ нихъ не присуще, то необходимо P будетъ не присуще нѣкоторымъ R [5]); ибо если-бы оно было присуще всѣмъ R, то, такъ какъ R присуще всѣмъ S, P было бы присуще всѣмъ S [6]), а дано, что нѣкоторымъ изъ S оно

---

[1]) Модусъ IAI.

[2]) По модусу AII первой фигуры.

[3]) Модусъ AII.

[4]) Дано, что всѣ S суть P, и нѣкоторые изъ S суть R; требуется доказать, что нѣкоторые изъ R суть P. 1) Доказательство отъ невозможнаго: предположимъ, что заключеніе невѣрно, то есть, что всѣ R не суть P; тогда всѣ P не были бы R, но такъ какъ (по большей посылкѣ) всѣ S суть P, то тогда и ни одно S не было бы P (по модусу EAE первой фигуры), что однако не возможно, ибо противорѣчитъ данному (меньшей посылкѣ). 2) Доказательство черезъ выдѣленіе части понятія: возьмемъ нѣкоторую часть S (=N), которая присуща и P и R (что возможно, ибо въ первой посылкѣ всѣ S суть P, слѣдовательно и тѣ, которые суть R); слѣдовательно, въ этомъ N — P и R отчасти совпадаютъ, то-есть нѣкоторые P суть R. Сводя разнообразныя доказательства силлогизмовъ, которыя мы встрѣчаемъ у Аристотеля, мы находимъ ихъ четыре вида:

1) черезъ примѣры съ противорѣчащими заключеніями,

2) черезъ сведеніе къ невозможному,

3) черезъ превращеніе одной изъ посылокъ (и приведеніе такимъ образомъ къ первой фигурѣ),

и 4) черезъ выдѣленіе части понятія.

[5]) Модусъ OAO.

[6]) По модусу AAA первой фигуры.

не присуще; можно доказать это и безъ сведенія къ невозможному, если именно выдѣлить ту часть S, которой P не присуще [1]). Если же большая посылка утвердительна, заключенія не будетъ, если напримѣръ P присуще всякому S, а R нѣкоторымъ S не присуще [2]); термины для всеобщаго утвержденія: одушевленное существо—человѣкъ—животное; для всеобщаго же отрицанія нельзя найдти терминовъ, если только R инымъ изъ S присуще, а инымъ—нѣтъ [3]); ибо тогда P было бы присуще всѣмъ S, слѣдовательно и P было бы присуще нѣкоторымъ изъ R [4]), что противорѣчитъ всеобщему отрицанію; поэтому для доказательства должно поступить здѣсь такъ, какъ выше: такъ какъ [выраженіе] „не присуще нѣкоторымъ“ неопредѣленно, то и о томъ, что не присуще ни одному, можно правильно утверждать, что оно не присуще и нѣкоторымъ; но если меньшая посылка была всеобще отрицательная, заключенія не получалось [5]), слѣдовательно его не будетъ [и въ нашемъ случаѣ]. Если же отрицательная посылка всеобща, при чемъ большая—отрицательна, а меньшая—утвердительна, заключеніе происходитъ. Если именно P не присуще ни одному S, а R присуще нѣкоторымъ изъ S, P не будетъ присуще нѣкоторымъ изъ R [6]): мы опять получаемъ первую фигуру, обративъ посылку PS [7]). Если же меньшая посылка отрицательная, а большая—утвердительная, заключенія не будетъ [8]); термины для утвержденія: животное—человѣкъ—дикое; для отрицанія: животное—наука—дикое; средній терминъ въ обоихъ случаяхъ „дикое“. Не будетъ заключенія и тогда, когда мы возьмемъ обѣ посылки отрицательными, при чемъ одну — всеобщей, другую — частной; термины [для случая], когда меньшая посылка всеобщая [9]): животное—наука—дикое, животное—

---

[1]) Дано, что нѣкоторые изъ S не суть P; пусть эта часть S будетъ = N; итакъ, всѣ N не суть P; но нѣкоторые R суть N (ибо вторая посылка можетъ быть выражена такъ: всѣ N суть R), слѣдовательно (по модусу EIO первой фигуры) нѣкоторые N (=нѣкоторымъ R) не суть P.

[2]) Модусъ AO.

[3]) То-есть, если понимать меньшую посылку, представляющую частно отрицательное сужденіе, какъ равную частно—утвердительному сужденію.

[4]) По модусу AII первой фигуры.

[5]) По модусу AE.

[6]) Модусъ EIO.

[7]) Именно модусъ EIO первой фигуры.

[8]) Модусъ IE.

[9]) Модусъ OE.

человѣкъ — дикое; [для случая] когда большая — всеобщая [1]): для утвержденія: воронъ — снѣгъ — бѣлое; для отрицанія же нельзя найдти терминовъ, если [только мы меньшую посылку понимаемъ такъ, что] R инымъ изъ S присуще, а инымъ нѣтъ, ибо если бы [мы имѣли] P, присущее всякому R, то такъ какъ R было присуще инымъ изъ S, P было бы присуще инымъ изъ S [2]), а по предположенію оно не присуще ни одному; можно, однако, доказать этотъ случай отъ неопредѣленнаго [3]). Наконецъ, заключенія не бываетъ никоимъ образомъ и тогда, когда оба крайніе члена присущи или не присущи части средняго, или когда одинъ изъ нихъ присущъ, а другой — нѣтъ [4]), или когда одинъ присущъ части средняго, а другой — не всему среднему или неопредѣленно; термины общіе для всѣхъ случаевъ: животное — человѣкъ — бѣлое, животное — неодушевленное — бѣлое.

Итакъ, мы знаемъ [теперь] и относительно этой фигуры, когда въ ней происходятъ заключенія и когда — нѣтъ, и что если термины находятся въ указанныхъ отношеніяхъ, заключеніе необходимо вытекаетъ, и обратно, если заключеніе имѣетъ мѣсто, то термины должны находиться въ указанныхъ отношеніяхъ. Мы видимъ также, что всѣ умозаключенія по этой фигурѣ не совершенны (всѣ они получаются лишь при извѣстныхъ добавленіяхъ) и что общихъ заключеній, ни отрицательныхъ, ни утвердительныхъ, по ней получить нельзя.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Общія замѣчанія о всѣхъ трехъ фигурахъ.

Очевидно, что во всѣхъ фигурахъ, когда въ нихъ не получается [обыкновеннаго] заключенія [5]), и вообще не выходитъ никакого заключенія, именно если обѣ посылки утвердительны или обѣ отрицательны; если же одна посылка — утвердительная, а другая — отрицательная, и при томъ отрицательная — всеобща, всегда получается за-

---

[1]) Модусъ EO.

[2]) По модусу AII первой фигуры.

[3]) Слѣдующимъ образомъ: дано, что ни одно S не P, и нѣкоторые S не R; доказать, что заключеніе невозможно. Меньшая посылка: нѣкоторые S не суть R, можетъ означать и то, что *ни одно* S не R; но модусъ EE не даетъ заключенія.

[4]) Модусы: II, OO, IO и OI.

[5]) То-есть, заключенія, въ которомъ меньшій терминъ служитъ субъектомъ, а большій — предикатомъ.

ключеніе о свойственности меньшаго крайняго термина—большему [1]), какъ напримѣръ, когда А присуще всякому или только нѣкоторымъ Б, а Б не присуще ни одному В: обративъ обѣ посылки, мы необходимо получимъ, что В не присуще нѣкоторымъ изъ А; подобное же имѣетъ мѣсто и въ прочихъ фигурахъ, именно, черезъ обращеніе всегда получается заключеніе [2]). Ясно также, что во всѣхъ фигурахъ мы получимъ тѣ же заключенія, если возьмемъ вмѣсто частно-утвердительнаго неопредѣленное [3]).

Мы видимъ также, что всѣ несовершенныя умозаключенія дѣлаются совершенными черезъ первую фигуру: въ нихъ вѣдь заключеніе достигается или прямымъ образомъ [4]), или черезъ сведеніе къ не возможному, и въ обоихъ случаяхъ является первая фигура; именно въ случаяхъ, когда заключеніе достигается прямымъ образомъ, оно всегда получается, благодаря обращенію одной изъ посылокъ, а черезъ обращеніе вѣдь и является первая фигура; въ случаяхъ же, доказываемыхъ отъ невозможнаго, предполагается [нѣчто] ложное, и заключеніе выводится [тоже] по первой фигурѣ, какъ, напримѣръ, мы то имѣли въ послѣдней фигурѣ [5]): если А и Б присуще всякому В, то А будетъ присуще нѣкоторымъ изъ Б, ибо еслибы оно не было присуще ни одному Б, то такъ какъ Б присуще всякому В, А не было бы присуще ни одному В [6]),

---

[1]) То-есть, заключеніе обратное обыкновенному. Эти модусы схоласты называли непрямыми (modi indirecti).

[2]) То-есть, въ модусахъ IE во второй и третьей фигурѣ. Во второй фигурѣ: дано, что нѣкоторые N суть M, и ни одинъ X не есть M; обращаемъ меньшую посылку: ни одно M не есть X, и принимаемъ ее за большую; тогда, по модусу EIO первой фигуры, нѣкоторые N не суть X. То же по третьей фигурѣ: дано, что нѣкоторые S суть P, и ни одно S не R; превращаемъ большую посылку: нѣкоторые P суть S, и принимаемъ ее за меньшую; тогда, по модусу EIO первой фигуры, нѣкоторые P суть R.

[3]) Аристотель потому упоминаетъ только этотъ случай, то-есть, замѣну частноутвердительнаго сужденія неопредѣленнымъ, и потому ничего не говоритъ о замѣнѣ частно-отрицательнаго, что вообще дѣло идетъ только о тѣхъ случаяхъ, когда посылки разнаго значенія, то-есть, одна—утвердительная, другая—отрицательная, и при томъ когда отрицательная всеобща; слѣдовательно, другая посылка и можетъ быть, при этихъ условіяхъ только частно-утвердительной.

[4]) *Прямымъ образомъ*, то-есть, черезъ сопоставленіе обращенныхъ данныхъ посылокъ, но безъ введенія новыхъ, какъ то имѣетъ мѣсто въ доказательствѣ отъ невозможнаго.

[5]) Именно въ модусѣ AAI.

[6]) То-есть, мы имѣемъ модусъ именно первой фигуры (EAE).

но дано, что оно присуще всякому В; такимъ же способомъ и въ другихъ случаяхъ.

Впрочемъ, возможно и всѣ заключенія свести къ всеобщимъ заключеніямъ первой фигуры [1]). Что касается [прежде всего] заключеній второй фигуры, то они, очевидно, могутъ быть сдѣланы и по первой фигурѣ, но только не всѣ одинаково, а именно, всеобщія — черезъ превращеніе отрицательной посылки, а частныя—черезъ сведеніе къ невозможному [2]). Далѣе, частныя заключенія первой фигуры [3]) получимы и сами собою, но можно доказать ихъ и по второй фигурѣ, черезъ сведеніе къ невозможному: пусть, [вопервыхъ,] А присуще всему Б, а Б—инымъ изъ В; тогда А будетъ присуще инымъ изъ В; ибо еслибы оно не было присуще ни одному В, то такъ какъ оно присуще всякому Б, Б не было бы присуще ни одному В; это мы знаемъ именно по второй фигурѣ. Подобнымъ же образомъ ведется доказательство и для отрицательнаго заключенія [4]): если А не присуще ни одному Б, а Б присуще инымъ изъ В, А не будетъ присуще инымъ изъ В; ибо еслибы оно было присуще всякому В, то такъ какъ оно не присуще ни одному В, Б было бы не присуще ни одному В; это тоже средняя фигура [5]). Итакъ, если всѣ умозаключенія средней фигуры сводимы къ всеобщимъ умозаключеніямъ первой, а частныя заключенія первой — къ умозаключеніямъ второй, то ясно, что и эти частныя заключенія тоже сводимы къ общимъ умозаключеніямъ первой фигуры. Изъ заключеній же третьей фигуры тѣ, что̀ получаются изъ общихъ терминовъ, прямо сводимы къ общимъ умозаключеніямъ первой; [6]), тѣ же, что̀ получаются изъ частныхъ, получимы изъ частныхъ умозаключеній первой фигуры [7]); а такъ какъ эти послѣднія сводимы къ общимъ, то, слѣдо-

---

1) То-есть, къ модусамъ AAA и EAE.

2) Такимъ образомъ модусы AEE и EAE второй фигуры превращаются въ модусъ EAE—первой (при чемъ для перваго необходимо еще превращеніе заключенія), модусъ AOO—въ модусъ AAA и модусъ EIO—въ модусъ EAE. О всѣхъ этихъ доказательствахъ см. выше, главу шестую.

3) То-есть, модусы AII и EIO.

4) То-есть, для модуса EIO.

5) То-есть, вторая.

6) Именно модусъ AAI третьей фигуры сводится къ модусу AII первой и модусъ EAO—къ модусу EIO.

7) Именно, модусы третьей фигуры IAI и AII сводимы къ модусу AII первой, модусъ EIO—къ модусу EIO. Но четвертый изъ указанныхъ здѣсь Аристо-

вательно, и частныя умозаключенія третьей фигуры тоже сводимы къ общимъ первой. Итакъ, мы видимъ, что всѣ умозаключенія сводимы къ умозаключеніямъ первой фигуры.

Итакъ, мы показали теперь, каковы отношенія въ умозаключеніяхъ, доказывающихъ, что нѣчто присуще другому или не присуще, и именно какъ построены сами по себѣ умозаключенія каждой фигуры и въ какихъ отношеніяхъ они находятся къ умозаключеніямъ другихъ фигуръ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

О модальности умозаключеній.

Должно различать, когда [нѣчто] присуще [другому] [просто], или необходимо присуще, или возможнымъ образомъ присуще (ибо многое присущее присуще однако безъ необходимости, а то, что ни просто не присуще, ни необходимо, все-таки *можетъ* быть присущимъ). Ясно, что и заключеніе въ каждомъ изъ этихъ случаевъ получится различное, именно иное изъ сужденій необходимости, иное изъ сужденій бытія, и иное изъ сужденій возможности, такъ какъ [въ каждомъ изъ этихъ случаевъ] самыя отношенія терминовъ различны.

Необходимыя умозаключенія почти таковы же, какъ и умозаключенія [простаго] бытія: такъ какъ при [простомъ] бытіи или небытіи термины такъ-же полагаются, какъ и при необходимомъ, умозаключенія одинаково получатся или не получатся, съ тѣмъ лишь различіемъ, что [въ необходимыхъ умозаключеніяхъ] къ терминамъ прибавится „необходимо присуще“ или „необходимо не присуще“. Ибо и отрицательное сужденіе обращается такъ-же, и выраженія „заключено во всемъ“ и „присуще всему“ понимаемъ мы одинаково [въ сужденіяхъ необходимости, какъ и въ сужденіяхъ простаго бытія [1])].

телемъ модусовъ третьей фигуры, именно ОАО, противно утвержденію Аристотеля, не сводимъ къ частнымъ модусамъ первой фигуры, а можетъ быть доказанъ только отъ невозможнаго, то-есть сведеніемъ къ общему модусу первой фигуры, именно къ ААА (о чемъ и самъ философъ говоритъ дальше, см. главу 45). Само собою разумѣется, что этотъ lapsus calami Аристотеля ничуть не мѣшаетъ вѣрности его общаго доказательства, изложеннаго въ этой главѣ, такъ какъ этотъ модусъ все-таки остается сводимымъ къ общему модусу первой фигуры.

[1]) А именно на обращеніи и на значеніи этихъ выраженій и основаны доказательства модусовъ. Ср. гл. 1, въ концѣ, и гл. 4, модусъ ААА.

Хотя во всѣхъ прочихъ случаяхъ необходимое заключеніе доказывается черезъ обращеніе такъ-же, какъ и при [простомъ] бытіи, однако въ средней фигурѣ, если именно всеобщая посылка взята въ утвердительномъ значеніи, а частная — въ отрицательномъ, и далѣе въ третьей фигурѣ, когда всеобщая посылка утвердительна, а частная—отрицательна, доказательство будетъ инаго рода: именно, здѣсь необходимо выдѣлять ту часть [средняго] термина, которой, во всемъ ея объемѣ, оба другихъ термина не присущи, и относительно нея строить заключеніе: при такихъ терминахъ заключеніе будетъ необходимо; а если мы имѣемъ необходимое заключеніе относительно выдѣленнаго термина, оно будетъ таково же и относительно части первоначальнаго термина, ибо она тождественна съ выдѣленнымъ терминомъ [1]).

---

[1]) Аристотель говоритъ о модусахъ АОО второй фигуры и ОАО — третьей. Соотвѣтственные модусы простаго бытія доказывались отъ невозможнаго. Но такое доказательство здѣсь нельзя примѣнить, потому что предположеніе, противуположное заключенію (нѣкоторые В необходимо не суть Б), было бы таково: всѣ В могутъ быть Б, то-есть, было бы сужденіемъ возможности; но каковъ выводъ изъ одного сужденія возможности, а другаго — необходимости, мы пока не знаемъ и, слѣдовательно, не можемъ сдѣлать изъ нашего возможнаго предположенія и одной изъ посылокъ вывода, который обнаружилъ бы ложность предположенія. Поэтому, говоритъ Аристотель, мы должны искать для этихъ модусовъ другихъ доказательствъ; они могутъ быть доказаны черезъ выдѣленіе части термина, а именно слѣдующимъ образомъ: 1) модусъ АОО второй фигуры: дано, что всѣ Б необходимо суть А, и нѣкоторые изъ В необходимо не суть А; доказать, что нѣкоторые изъ В необходимо не суть Б; выдѣлимъ ту часть В которая необходимо не есть А, и назовемъ ее Г; тогда всѣ Б необходимо суть А, и всѣ Г необходимо не суть А, а слѣдовательно (по модусу А,Е,Е, второй фигуры) всѣ Г необходимо не суть Б; такъ какъ Г есть часть В; слѣдовательно, нѣкоторые В необходимо не суть Б; 2) модусъ ОАО третьей фигуры: дано, что нѣкоторые А необходимо не суть Б, и всѣ А необходимо суть В; доказать, что нѣкоторые В необходимо не суть Б; выдѣлимъ ту часть А, которая необходимо не есть Б, и назовемъ ее Г; тогда ни одно Г необходимо не есть Б и всѣ Г необходимо суть В, слѣд. (по модусу Е,А,О, третьей фигуры) нѣкоторые В необходимо не суть Б.—Замѣтимъ при томъ, что выраженія Аристотеля не достаточно полны, ибо относятся только къ первому модусу; точнѣе было бы сказать слѣд. образомъ: „здѣсь необходимо выдѣлять (во второй фигурѣ) ту часть термина, которой оба другихъ термина не присущи, *или* (въ третьей фигурѣ) *ту, которой одинъ терминъ* (меньшій) *присущъ, другой же* (большій) *не присущъ* и относительно этой части построить заключеніе, *или* (въ третьей фигурѣ) *помощью этой части* (какъ средняго термина) *получить заключеніе*“; послѣдующія же слова Аристотеля („а если мы имѣемъ... она тождественна съ выдѣленнымъ терминомъ“) имѣютъ значеніе только для второй фигуры.

Каждое изъ этихъ заключеній получается по соотвѣтственной фигурѣ [1]).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Заключенія по первой фигурѣ изъ одного сужденія необходимаго и одного простаго.

Бываетъ иногда, что только одна изъ посылокъ необходима, а заключеніе все-таки необходимое; но для этого не безразлично, которая посылка необходима: таковой должна быть та, которая заключаетъ большій терминъ, какъ напримѣръ, когда примемъ, что А необходимо присуще или не присуще Б,—Б же просто присуще В; если посылки такъ взяты, А будетъ необходимо присуще (или не присуще) В [2]), ибо если А необходимо присуще (или не присуще) всѣмъ Б, а В есть одно изъ Б, то ясно, что и (всѣмъ) В будетъ необходимо присуще (или не присуще) А. Если же посылка АБ не необходима, а посылка БВ—необходима, заключеніе получится не необходимое [3]), ибо еслибы оно было необходимымъ, то А было бы необходимо присуще нѣкоторымъ Б (по первой или по третьей фигурѣ), а это не такъ, ибо мыслимо Б и такого рода, чтобы ему А могло быть вовсе не присуще [4]); можно видѣть и изъ понятій, что

---

[1]) То-есть, какъ показано въ предыдущемъ примѣчаніи, первое по модусу АЕЕ второй фигуры, а второе по модусу ЕАО третьей.

[2]) Модусы $A_{,}AA_{,}$ и $E_{,}AE_{,}$. Здѣсь, какъ и въ слѣдующемъ, виды сужденій необходимыхъ мы будемъ означать такъ-же, какъ виды сужденій о дѣйствительности, но только съ прибавленіемъ одного подстрочнаго знака, то есть $A_{,}$ означаетъ всеобще-утвердительное сужденіе необходимости, $E_{,}$ — такое же сужденіе обще-отрицательное, $I_{,}$—такое же сужденіе частно-утвердительное и $O_{,}$—такое же сужденіе частно-отрицательное.

[3]) Модусы $AA_{,}A$ и $EA_{,}E$.

[4]) Ар. говоритъ здѣсь о первомъ изъ указанныхъ модусовъ, то есть, объ $AA_{,}A$: всѣ Б суть А, всѣ В необходимо суть Б, слѣдовательно всѣ В суть Б. Еслибы, говоритъ онъ, заключеніе было здѣсь необходимымъ, то мы могли бы получить, принимая его за большую посылку, выводъ: нѣкоторые Б необходимо суть А, а именно:

1) По модусу $A_{,}A_{,}I_{,}$ первой фигуры:

Всѣ В необходимо суть А.
Нѣкоторыя Б необходимо суть В,
(обращенная меньшая посылка).
____
Нѣкоторыя Б необходимо суть А.

2) По модусу $A_{,}A_{,}I_{,}$ третьей фигуры:

Всѣ В необходимо суть А,
Всѣ В необходимо суть Б,
(меньшая посылка).
____
Нѣкоторыя Б необходимо суть А.

Но такое заключеніе (нѣкоторыя Б *необходимо* суть А), очевидно, выражаетъ

заключенie здѣсь не необходимое; пусть, напримѣръ, А будетъ движенie, Б—животное, а В—человѣкъ: человѣкъ необходимо есть животное, но движенie свойственно животному не необходимо; то же и человѣку. То же имѣемъ мы, когда посылка АБ—отрицательная [1]); доказательство то же.

Что касается до частныхъ умозаключенiй, то, если общая посылка необходима, и заключенie будетъ необходимымъ, если же—частная, заключенie—не необходимо, при чемъ все равно, будетъ ли общая посылка утвердительной или отрицательной. Пусть, вопервыхъ, общая посылка будетъ необходимой, и именно А пусть необходимо присуще всякому Б, а Б просто присуще нѣкоторымъ изъ В; отсюда необходимо слѣдуетъ, что А необходимо присуще нѣкоторымъ изъ В, ибо нѣкоторыя изъ В заключены въ Б, а всѣмъ Б необходимо присуще А [2]). То же самое и въ отрицательномъ умозаключенiи [3]): доказательство будетъ такое же. Если же частная посылка необходима, заключенie не будетъ необходимымъ [4]), ибо въ этомъ случаѣ, какъ и въ общихъ, не выходитъ ничего невозможнаго [5]); тоже и относительно отрицательныхъ умозаключенiй [6]); какъ примѣръ терминовъ возьмемъ: движенie—животное—бѣлое [7]).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Заключенiя по второй фигурѣ изъ одной посылки о необходимомъ бытiи и одной—о простомъ.

Что касается второй фигуры, то, если отрицательная посылка необходима, и заключенie будетъ необходимымъ, если же утвердитель-

---

больше, чѣмъ намъ дано въ большей посылкѣ (всѣ Б суть А), ибо этой послѣдней не противорѣчитъ предположенie, что всѣ Б *могутъ* не быть А. Слѣдовательно, и предположенное заключенie (всѣ В *необходимо* суть А) ложно.

[1]) То есть, въ модусѣ ЕА, Е.

[2]) Модусъ А,II,.

[3]) Модусъ Е,IO,.

[4]) Модусъ AI,I.

[5]) То есть, ничего не является нелѣпаго, если мы предположимъ заключенie не необходимымъ.

[6]) Модусъ EI,O.

[7]) Разсматривая соединенie необходимой посылки съ простою, Ар. останавливается, слѣдовательно, только на тѣхъ модусахъ, которые уже давали заключенie, когда обѣ посылки были простыми: если двѣ простыя посылки не даютъ заключенiя, то его не получится и тогда, когда одна изъ посылокъ станетъ необходимой, если только отношенie объемовъ терминовъ сохранится прежнее.

ная,—не необходимымъ. Пусть, вопервыхъ, отрицательная посылка необходима, и именно, А не можетъ быть присущимъ ни одному Б, и только присуще [просто] всѣмъ В; такъ какъ отрицательное сужденіе превратимо, Б не можетъ быть свойственно ни одному А; но А присуще всѣмъ В, слѣдовательно, Б не можетъ быть присуще ни одному В (ибо В содержится въ А) [1]). То же самое и въ томъ случаѣ, когда отрицаніе прилагается къ В [2]): ибо если А необходимо не присуще ни одному В, то и В не можетъ быть присуще ни одному А, но А присуще всякому Б, слѣдовательно, В не можетъ быть присуще ни одному Б: мы имѣемъ опять первую фигуру; а такъ какъ это сужденіе тоже превратимо, то Б не можетъ быть присуще ни одному В. Если же утвердительная посылка необходима, заключеніе не будетъ необходимымъ; пусть [именно] А необходимо присуще всякому Б и просто не присуще ни одному В [3]) превративъ отрицательную посылку, мы получаемъ первую фигуру: относительно же первой фигуры уже доказано [4]), что если отрицательное сужденіе, заключающее большій крайній терминъ, не необходимо, заключеніе тоже не будетъ необходимымъ; слѣдовательно, оно не необходимо и въ нашемъ случаѣ. Далѣе, еслибы заключеніе было необходимымъ, то В необходимо было бы не присуще нѣкоторымъ А; ибо если Б необходимо не присуще ни одному В, то и В будетъ необходимо не присуще ни одному Б, но Б необходимо присуще нѣкоторымъ А (ибо всѣ А необходимо присущи Б), слѣдовательно В [при такомъ условіи] необходимо будетъ не присуще нѣкоторымъ А [5]); ничто однако не препятствуетъ намъ взять А такого рода, чтобы В могло ему во всемъ его объемѣ быть присуще [6]). Наконецъ, можно доказать еще и черезъ выдѣленіе термина, что заключеніе здѣсь

---

[1]) Модусъ E,AE,, доказываемый черезъ превращеніе въ модусъ E,AE, первой фигуры.

[2]) Модусъ AE,E,, доказываемый черезъ превращеніе въ модусъ E,AE, первой фигуры.

[3]) Модусъ A,EE. Ар. доказываетъ его трояко: a) черезъ превращеніе меньшей посылки и сведеніе къ модусу EA,E первой фигуры, b) черезъ сведеніе къ невозможному и c) черезъ выдѣленіе части понятія. Второй подходящій подъ эти условія модусъ, именно EA,E Ар. не упоминаетъ отдѣльно, ибо его доказательство не представляетъ никакихъ особенностей: превративъ большую посылку, мы прямо сведемъ его къ модусу EA,E первой фигуры.

[4]) См. главу 9.

[5]) По модусу E,IO, первой фигуры.

[6]) Ср. примѣчаніе къ модусу AA,A первой фигуры (въ главѣ 9).

само въ себѣ не заключаетъ необходимости (хотя при данныхъ условіяхъ и вытекаетъ съ необходимостью); пусть, напримѣръ, А будетъ животное, Б—человѣкъ, В—бѣлое, и обѣ посылки взяты по прежнему: возможно именно, что понятіе „животное“ не присуще ничему бѣлому; тогда и понятіе „человѣкъ“ не будетъ присуще ничему бѣлому; однако это положеніе лишено необходимости: человѣкъ можетъ стать бѣлымъ, хотя, конечно, не въ то время, когда ничему бѣлому не присуще понятіе „животнаго“; итакъ, слѣдовательно, при данныхъ условіяхъ заключеніе вытекаетъ съ необходимостью, но вообще оно не необходимо.

То же самое приложимо и къ частнымъ заключеніямъ, именно, когда отрицательная посылка всеобща и необходима, заключеніе будетъ необходимымъ, когда же утвердительная всеобща, а отрицательная частна, заключеніе не будетъ необходимымъ [1]). Пусть, вопервыхъ, отрицательная посылка будетъ всеобщей и необходимой, и [именно] пусть А необходимо не присуще ни одному Б и присуще инымъ В; такъ какъ отрицательное сужденіе превратимо, Б не можетъ быть присуще ни одному А, но А присуще инымъ В; слѣдовательно, Б необходимо не будетъ присуще инымъ В [2]). Пусть, далѣе, утвердительная посылка будетъ всеобщей и необходимой, и Б войдетъ въ утвердительное сужденіе; если [именно] А необходимо присуще всякому Б и не присуще инымъ изъ В, ясно, что хотя Б и не будетъ присуще инымъ В, но безъ необходимости: для доказательства могутъ служить тѣ же термины, что и въ соотвѣтственномъ общемъ умозаключеніи [3]). Не будетъ заключеніе необходимымъ и тогда, если отрицательная посылка частная и необходимая [4]); доказывается это черезъ тѣ же термины.

---

1) О случаѣ, когда отрицательная посылка всеобща, но не необходима (то есть, о модусѣ EI,O) Ар. вовсе не упоминаетъ, ибо этотъ случай, легко сводимый къ модусу EI,O первой фигуры, очевидно, подобно этому послѣднему, необходимаго заключенія не даетъ.

2) Модусъ E,IO,, доказываемый сведеніемъ къ модусу E,IO, первой фигуры.

3) Модусъ A,OO; Ар. указываетъ здѣсь на послѣднее (третье) доказательство модуса A,EE.

4) Модусъ AO,O.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Заключенія по третьей фигурѣ изъ одной посылки о необходимомъ и другой—о дѣйствительномъ.

Въ послѣдней фигурѣ, если [крайніе] термины присущи всему среднему, и при томъ если обѣ посылки утвердительны, заключеніе будетъ о необходимомъ, которая бы изъ посылокъ ни была необходимой; если-же одна изъ посылокъ утвердительная, а другая—отрицательная, заключеніе будетъ о необходимомъ только тогда, когда отрицательная—необходима; когда же необходима утвердительная,—заключеніе не будетъ о необходимомъ. Возьмемъ, вопервыхъ, обѣ посылки утвердительными, и именно пусть А и Б присущи всѣмъ В, при чемъ сужденіе АВ—необходимое; такъ какъ Б присуще всѣмъ В, то (черезъ обращеніе всеобщаго сужденія въ частное) В будетъ присуще инымъ изъ Б; но если А необходимо присуще всему В, а В присуще инымъ изъ Б, А будетъ необходимо присуще инымъ изъ Б, ибо Б заключено подъ В: получается именно первая фигура [1]). Подобнымъ образомъ ведется доказательство и въ томъ случаѣ, когда сужденіе БВ необходимое: замѣняемъ В нѣкоторыми А [2]) и, такъ какъ Б необходимо присуще всѣмъ В, получаемъ, что Б необходимо присуще нѣкоторымъ А [3]).—Пусть, далѣе, сужденіе АВ будетъ отрицательнымъ, а сужденіе БВ—утвердительнымъ, и отрицательное пусть необходимо: такъ какъ В замѣстимо черезъ нѣкоторыя Б, и такъ какъ А необходимо не присуще ни одному В, то А будетъ необходимо не присуще инымъ изъ Б, ибо Б содержится подъ В [4]). Если же утвердительное сужденіе—необходимо, заключеніе не будетъ необходимымъ [5]); пусть БВ—утвердительно и необходимо, а АВ отрицательно, но не необходимо; превращая утвердительное сужденіе, получимъ, что В необходимо присуще нѣкоторымъ Б; но если А не присуще ни одному В, а В [необходимо] присуще нѣкоторымъ изъ Б, А будетъ не присуще нѣкоторымъ Б, но безъ необходимости: отно-

---

[1]) Модусъ A_nAI_n, сводимый къ модусу A_nII_n первой фигуры.

[2]) То-есть, превращаемъ сужденіе „А присуще всѣмъ В“ въ сужденіе „В присуще нѣкоторымъ А“.

[3]) Модусъ AA_nI_n, сводимый къ модусу A_nII_n первой фигуры.

[4]) Модусъ E_nAO_n, сводимый къ модусу E_nIO_n первой фигуры.

[5]) Модусъ EA_nO, сводимый къ модусу EI_nO первой фигуры.

сительно первой фигуры доказано уже, что если отрицательная посылка не необходима, то и заключеніе не будетъ необходимымъ [1]. Можно усмотрѣть то же и изъ примѣра: пусть А будетъ понятіе „хорошій", то, чему соотвѣтствуетъ терминъ Б—„животное", а В—„лошадь"; мыслимо, что терминъ „хорошій" не присущъ ни одной лошади, терминъ же „животное" необходимо присущъ всякой лошади; но [отсюда не вытекаетъ], чтобы необходимо иныя животныя не были хороши, такъ какъ мыслимо, что они всѣ хороши; а если этого не бываетъ, то возьмемъ [вмѣсто термина „хорошій"] терминъ „бодрствующій" или „спящій", которые [уже] приложимы ко всякому животному.

Итакъ, мы указали, когда заключеніе бываетъ необходимымъ, если крайніе термины присущи всему среднему. Если же одно изъ этихъ понятій присуще всему среднему, а другое лишь части, и если при томъ обѣ посылки утвердительныя, заключеніе бываетъ необходимымъ, когда всеобщая посылка необходима; доказательство здѣсь то же, что выше, ибо частно утвердительное сужденіе также обратимо: если Б необходимо присуще всѣмъ В, и А содержится подъ В [2], то Б необходимо присуще нѣкоторымъ изъ А; а если Б [необходимо] присуще нѣкоторымъ изъ А, то и А необходимо—нѣкоторымъ изъ Б [3]. То же самое, если и сужденіе АВ будетъ всеобщимъ и необходимымъ; ибо Б содержится подъ В [4]. Если же частное сужденіе необходимо, заключеніе не будетъ необходимымъ. Пусть именно посылка БВ частная и необходимая, А же присуще всякому В, но не необходимо; черезъ обращеніе БВ получается первая фигура, въ которой общая посылка будетъ не необходимой, а частная—необходимой; но при подобныхъ посылкахъ мы не получали необходимаго заключенія; не получимъ его, слѣдовательно, и въ нашемъ случаѣ [5]. Это ясно видно и изъ примѣра терминовъ, пусть А бу-

---

[1] Это относится, конечно, не вообще къ первой фигурѣ, а только къ тому ея модусу, который здѣсь имѣетъ примѣненіе, то-есть, къ модусу EI,O.

[2] Ибо, по превращеніи большей посылки, (нѣкоторыя) А суть С, субъектъ же всегда заключенъ подъ предикатомъ, какъ подъ болѣе общимъ понятіемъ.

[3] Модусъ IA,I, сводимый (черезъ превращеніе большей посылки, перестановку посылокъ и превращенія заключенія) къ модусу A,II, первой фигуры.

[4] То-есть, сужденіе „нѣкоторые В суть Б" превращается въ сужденіе „нѣкоторые Б суть В". Это A,II, сводимый (черезъ превращеніе меньшей посылки) къ модусу A,II, первой фигуры.

[5] Модусъ AI,I, сводимый къ модусу AI,I первой фигуры.

детъ бодрствованіе, Б—двуногое, а то, что есть В—животное: Б нѣкоторымъ изъ В необходимо присуще, А бываетъ присуще В, но А присуще Б не необходимо, ибо нѣтъ необходимости, чтобы иныя изъ двуногихъ спали (или бодрствовали). Подобнымъ же образомъ и черезъ тѣ же термины ведется доказательство и тогда, если АВ частное и необходимое сужденіе [1]). Если же одна изъ посылокъ утвердительная, а другая—отрицательная, заключеніе будетъ необходимымъ, когда общая — отрицательна и необходима; если именно А необходимо не присуще ни одному В, а Б присуще нѣкоторымъ В, то А необходимо не присуще нѣкоторымъ Б [2]). Когда же мы возьмемъ утвердительную посылку необходимой (все равно общею или частной) или когда отрицательная посылка—частная, заключеніе не будетъ необходимымъ: здѣсь имѣетъ мѣсто вообще то же, что въ предыдущихъ случаяхъ [3]); термины для случая, когда всеобщая посылка утвердительна и необходима: бодрствованіе—животное—человѣкъ (средній терминъ—человѣкъ); для случая, когда частная посылка утвердительна и необходима: бодрствованіе—животное—бѣлое; понятіе животнаго необходимо присуще иному изъ бѣлаго, бодрствованіе же можетъ не быть присуще ничему бѣлому, и нѣтъ необходимости, чтобы иныя изъ животныхъ бодрствовали; для случая, наконецъ, когда отрицательная посылка частная и необходимая, термины: двуногое — движущееся — животное (средній—животное).

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Сравненіе умозаключеній о дѣйствительномъ съ умозаключеніями о необходимомъ бытіи.

Итакъ, мы видимъ, что заключенія о [дѣйствительномъ] бытіи имѣютъ мѣсто только тогда, когда обѣ посылки взяты о [дѣйствительномъ] бытіи, заключенія же о необходимости и тогда, когда только одна изъ посылокъ необходимая [4]). Далѣе въ обоихъ слу-

---

[1]) Модусъ I,AI.

[2]) Модусъ E,IO,, сводимый къ модусу E,IO, первой фигуры.

[3]) Модусы ,OA,O, EI,O и O,AO.

[4]) Это, на первый взглядъ, странное замѣчаніе (ибо только что были показаны модусы, въ которыхъ заключеніе о дѣйствительномъ бытіи слѣдовало изъ одной необходимой и одной простой посылки) должно быть понимаемо слѣдующимъ образомъ: всякая необходимость уже заключаетъ въ себѣ дѣйствитель-

чаяхъ одна изъ посылокъ необходимо должна быть подобной заключенію, при чемъ безразлично, возьмемъ ли мы умозаключенія утвердительныя или отрицательныя. Я говорю „подобной", то-есть, если заключеніе о [дѣйствительномъ] бытіи, то и одна изъ посылокъ тоже должна быть о дѣйствительномъ, если же заключеніе о необходимомъ, то и посылка—необходимой. Слѣдовательно, мы видимъ, что заключеніе не будетъ необходимымъ или не будетъ простымъ, если мы не возьмемъ хотя одну изъ посылокъ необходимою или простою. О необходимомъ, какъ именно къ нему заключать, и каковы его отличія отъ дѣйствительнаго, сказаннаго будетъ приблизительно достаточно.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

О возможномъ и объ умозаключеніяхъ возможности.

Теперь мы поговоримъ о возможномъ, [а именно] о томъ, когда, какъ и черезъ какія посылки [къ нему] умозаключать. Я называю возможностью бытія и возможнымъ то, что хотя и не существуетъ необходимо, но въ предположеніи чего существующимъ нѣтъ ничего немыслимаго. Такъ что, если о необходимомъ и говорятъ, что оно возможно, это послѣднее слово употреблено лишь омонимически [1]). Что [значеніе] возможнаго таково [какъ сказано], видно изъ противоположныхъ другъ другу утвержденій и отрицаній: выраженія „не можетъ существовать" и „не мыслимо, чтобы существовало" и выраженіе „необходимо не существуетъ" или тождественны, или [по крайней мѣрѣ] сопутствуютъ другъ другу; поэтому и выраженія имъ противоположныя: „можетъ существовать", „мыслимо, что существуетъ" и „не необходимо существуетъ" должны или быть тождественны, или [по крайней мѣрѣ] сопутствовать другъ другу; ибо обо всемъ бываетъ или утвержденіе или отрицаніе; итакъ, возможное есть не необходимое и не необходимое есть возможное.

Всѣ сужденія, касающіяся возможнаго, способны обращаться одно въ другое; я разумѣю подъ этимъ не то, что утвердительныя сужденія обращаются въ отрицательныя, а то, что утвердительныя обра-

---

ность, но не наоборотъ; поэтому относительно тѣхъ модусовъ, которые, имѣя одну посылку необходимую, а другую — простую, давали заключеніе простое, можно безъ всякой натяжки сказать, что въ нихъ обѣ посылки о дѣйствительномъ.

[1]) „Омонимами, говоритъ Ар. (*Категоріи*, гл. 1), называются тѣ вещи, которыя имѣютъ одно имя, но которыхъ понятія различны, какъ напримѣръ, живой человѣкъ и нарисованный".

тимы [въ утвердительныя же] *по противоположности*, такъ напримѣръ, сужденіе „возможно, что то-то свойственно" обратимо въ сужденіе „возможно, что то-то не свойственно", или сужденіе „возможно, что то-то свойственно всему"—въ выраженіе „возможно, что то-то не свойственно ничему", и также и въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Ибо такъ какъ именно возможное не необходимо, а не необходимое можетъ и не быть, то ясно, что если А можетъ быть присуще Б, то оно можетъ быть и не присуще, и если оно всякому Б можетъ быть присуще, то можетъ быть всякому Б и не присуще; и то же самое относительно частныхъ утвердительныхъ сужденій: доказательство таково-же. Всѣ такія сужденія утвердительны, а не отрицательны, ибо какъ сказано выше [1]), возможность имѣетъ значеніе подобное бытію.

Давъ эти опредѣленія, укажемъ далѣе на то, что терминъ „возможное" употребляется въ двухъ смыслахъ: 1) онъ означаетъ то, что̀ обыкновенно происходитъ, но что̀ отлично отъ необходимаго, какъ, напримѣръ, человѣку сѣдѣть, или рости, или умирать, и вообще быть тому, чему естественно происходить (все это не заключаетъ прямо въ себѣ необходимости: ибо не всегда самъ человѣкъ существуетъ; а если онъ и существуетъ, то опять таки необходимо и обыкновенно [2]); 2) возможное значитъ неопредѣленное, что̀ можетъ быть и такъ и не такъ, какъ напримѣръ: животное можетъ двигаться, или во время его движенія можетъ произойдти землетрясеніе, и вообще то, что зависитъ отъ случая: при этомъ одной возможности ничуть не естественнѣе произойдти, чѣмъ другой [3]). Оба рода возможнаго обратимы

---

[1]) Въ главѣ третьей.

[2]) Если даже человѣкъ существуетъ необходимо, то всѣ указанныя выше явленія все-таки не *сами по себѣ* необходимы, а лишь подъ условіемъ бытія самого человѣка.

[3]) Аристотель понимаетъ возможное не какъ вѣроятное (то-есть, не субъективно), но какъ реально-возможное. Вмѣстѣ съ тѣмъ не все въ мірѣ, по его ученію, обусловлено законною необходимостью, но иное есть область возможнаго. Эту реальную возможность или случайность производитъ тотъ элементъ міра, который Аристотель называетъ матеріею, и въ которой онъ, слѣдуя Платону, видитъ безформенный, внѣзаконный и темный для познанія субстратъ, который міровой разумъ постепенно формируетъ, подчиняетъ закону и просвѣтляетъ. Область чисто разумныхъ отношеній есть необходимость, область чисто матеріальнаго (какъ способнаго къ воспріятію любой формы)—случайность (второй видъ возможнаго), и наконецъ, область средняя между ними, матерія, отчасти проникнутая разумомъ, есть область „обыкновенно или естественно происходящаго" (первый видъ возможнаго).

въ противоположныя сужденія [1]), но не одинаково: естественно присущее обращается въ не необходимо присущее (какъ напримѣръ, человѣкъ можетъ и не сѣдѣть [2]), неопредѣленное же превращается въ сужденіе: ничуть не возможнѣе, что будетъ такъ, чѣмъ что будетъ иначе. Нѣтъ ни науки, ни доказательныхъ умозаключеній о неопредѣленной возможности, такъ какъ для нея не существуетъ твердо установленнаго средняго понятія, но только объ естественно возможномъ; и почти всѣ понятія и изслѣдованія имѣютъ предметомъ это послѣднее: умозаключенія о неопредѣленно возможномъ, хотя и мыслимы, но обыкновенно ихъ не употребляютъ [3]).

Это будетъ болѣе выяснено впослѣдствіи, теперь же мы укажемъ, когда получается и какое именно заключеніе изъ возможныхъ посылокъ. Такъ какъ выраженіе „можетъ быть присуще сіе тому-то" имѣетъ два значенія: или это сіе само *есть* нѣчто, или и оно лишь *можетъ быть* имъ; то и выраженіе „тому, чему приписывается Б, присуще, можетъ быть А" значитъ одно изъ двухъ, или „—тому, что есть Б" или „—тому, что можетъ быть Б". Но выраженіе „тому, чему приписывается Б, присуще, можетъ быть, А" значитъ то же, что выраженіе „можетъ быть, всякому Б присуще А". Слѣдовательно, и выраженіе „можетъ быть, всякому Б присуще А" имѣетъ два значенія [4]). Итакъ, прежде всего мы укажемъ, какія умозаключенія и какого рода происходятъ, если тому, что называется В, можетъ быть присуще Б,

---

[1]) Здѣсь идетъ рѣчь объ обращеніи „по противоположности", о чемъ уже говорилось въ началѣ этой главы.

[2]) Это не противорѣчитъ ничему необходимому. Здѣсь сужденіе „возможно (естественно), что человѣкъ посѣдѣетъ" превращено въ сужденіе „человѣкъ можетъ не посѣдѣть", ибо не необходимо, чтобы человѣкъ сѣдѣлъ.

[3]) Такъ какъ они не даютъ точнаго и доказательнаго знанія. Весьма трудно сказать, въ какомъ отношеніи находится сдѣланное въ этой главѣ раздѣленіе возможнаго на два вида, къ тому, которое сдѣлано было въ гл. 3. Нѣтъ сомнѣнія, что второй видъ въ главѣ 3 есть то же, что первый въ гл. 13, но первый видъ въ главѣ 3 врядъ-ли совпадаетъ со вторымъ въ гл. 13. Вѣроятнѣе всего будетъ отождествить первый видъ въ гл. 3 съ тою возможностью, которая, какъ омонимъ, прилагается къ необходимому (необходимое — возможно), о чемъ см. выше въ началѣ гл. 13.

[4]) То-есть, или субъектъ взятъ дѣйствительно существующимъ, или и онъ лишь возможно существуетъ. Примѣнивъ это къ выводу силлогизма, мы получаемъ два ряда умозаключеній возможности, именно съ одной посылкой возможной, а другой дѣйствительной, или съ двумя возможными (когда именно и та посылка, что заключаетъ субъектъ вывода, тоже возможна).

а тому, что Б, можетъ быть—А; въ этомъ случаѣ обѣ посылки взяты возможными; если же тому, чему присуще Б (то-есть В), можетъ быть присуще А, то одна посылка заключаетъ простое бытіе, а другая — возможное. Мы начнемъ наше разсмотрѣніе съ однородныхъ посылокъ, какъ то дѣлали и выше.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Заключенія по первой фигурѣ изъ посылокъ о возможности.

Когда А можетъ быть присуще всякому Б, а Б—всякому В, получается совершенное заключеніе: А можетъ быть присуще всякому В [1]). это съ очевидностью слѣдуетъ изъ опредѣленія того, что мы понимаемъ подъ выраженіемъ „можетъ быть присуще всякому“.

Равнымъ образомъ, если А можетъ быть не свойственно ни одному Б, а Б можетъ быть свойственно всякому В, А можетъ быть не свойственно ни одному В [2]), ибо выраженіе „тому, чему можетъ быть свойственно Б, А можетъ быть не присуще“ означаетъ то же, что выраженіе „изъ всего того, что можетъ содержаться подъ Б, нѣтъ ничего, чему А не могло бы быть не присуще [3]). Если же А можетъ быть присуще всякому Б, а Б можетъ быть не присуще ни одному В, то изъ самихъ этихъ посылокъ никакого заключенія не вытекаетъ, но, обративъ сужденіе Б В „по возможности“ [4]), мы получимъ то же заключеніе, что въ первомъ изъ разсмотрѣнныхъ случаевъ: если именно Б можетъ быть не присуще ни одному В, то, какъ указано выше, оно можетъ быть присуще и всякому В; итакъ, Б можетъ быть присуще всякому В, и А—всякому Б, то-есть, мы имѣемъ прежнее умозаключеніе [5]). То же самое, когда обѣ возможныя посылки отрицательны: если, напримѣръ, А можетъ быть не присуще ни одному Б, и Б ни одному В, изъ взятыхъ посылокъ не слѣдуетъ

---

[1]) Модусъ $A_{\shortparallel}\ A_{\shortparallel}\ A_{\shortparallel}$. Двумя подстрочными значками мы будемъ обозначать возможныя сужденія, то-есть $A_{\shortparallel}$ есть всеобще-утвердительное сужденіе о возможномъ, $E_{\shortparallel}$ — такое же сужденіе всеобще-отрицательное, $I_{\shortparallel}$ такое же частноутвердительное и $O_{\shortparallel}$ такое-же частно-отрицательное.

[2]) Модусъ $E_{\shortparallel}A_{\shortparallel}E_{\shortparallel}$.

[3]) Слѣдовательно, и всему В (которое все можетъ содержаться подъ Б) А можетъ быть не присуще.

[4]) Это обращеніе, которое, конечно, должно строго отличать отъ обращенія обыкновеннаго, есть то же самое, что обращеніе „по противоположности“, о которомъ говорилось въ предыдущей главѣ.

[5]) Модусъ $A_{\shortparallel}E_{\shortparallel} = $ модусу $A_{\shortparallel}A_{\shortparallel}A_{\shortparallel}$.

никакого заключенія, но, превративъ ихъ, мы получимъ то же, что раньше [1]. Итакъ, мы видимъ, что если меньшая посылка или обѣ онѣ отрицательны, заключенія или вовсе не бываетъ, или оно не совершенное, именно получается черезъ обращеніе.

Если одна изъ посылокъ всеобщая, а другая—частная, заклюніе получается, когда всеобща большая посылка. Если, напримѣръ А можетъ быть присуще всякому Б, и Б—нѣкоторымъ изъ В, то А можетъ быть присуще нѣкоторымъ изъ В: это слѣдуетъ изъ того, какъ мы опредѣлили „присуще всякому“ [2]. Далѣе, если А можетъ быть не присуще ни одному Б, и Б можетъ быть присуще нѣкоторымъ изъ В, съ необходимостью слѣдуетъ, что А можетъ быть не присуще нѣкоторымъ изъ В: доказательство то же самое [3]. Если же мы возьмемъ частную посылку отрицательной, а общую—утвердительной, и расположимъ ихъ по прежнему [4], если, напримѣръ, А можетъ быть присуще всякому Б, а Б можетъ быть не присуще нѣкоторымъ В, то изъ принятыхъ посылокъ очевиднаго заключенія не слѣдуетъ, но, превративъ частную посылку, то-есть, положивъ, что Б можетъ быть присуще инымъ изъ В, мы получимъ то же заключеніе, что выше, подобно тому какъ въ случаяхъ вначалѣ изслѣдованныхъ [5]. Если же большая посылка есть частное сужденіе, а меньшая общее заключеніе никоимъ образомъ не получается, все равно —будутъ ли обѣ посылки утвердительныя, или обѣ отрицательныя, или различнаго рода; не будетъ его также и тогда, если обѣ посылки неопредѣленныя или обѣ частныя [6]; ничто именно не препятствуетъ, чтобы Б выходило за предѣлы А, и чтобы [по стольку] они не стояли къ чему-нибудь одному ни въ какихъ-нибудь опредѣленныхъ отношеніяхъ: то, чѣмъ Б выходитъ за предѣлы А, пусть будетъ В; [7]), объ этомъ В нельзя утверждать ни того, что ему всему, или только отчасти, можетъ быть присуще А, ни того, что ему всему, или только отчасти, А можетъ быть не присуще, хотя посылки и обратимы „по возможности“, и хотя Б можетъ быть свойственно многому и внѣ

---

[1]) Модусъ $E_{\prime\prime}E_{\prime\prime}$ = модусу $A_{\prime\prime}A_{\prime\prime}A_{\prime\prime}$.

[2]) Модусъ $A_{\prime\prime}I_{\prime\prime}I_{\prime\prime}$.

[3]) Модусъ $E_{\prime\prime}I_{\prime\prime}O_{\prime\prime}$.

[4]) То-есть, общую примемъ за большую, а частную — за меньшую.

[5]) Модусъ $A_{\prime\prime}O_{\prime\prime} = A_{\prime\prime}I_{\prime\prime}I_{\prime\prime}$. Второй относящійся сюда же модусъ ($E_{\prime\prime}O_{\prime\prime} = E_{\prime\prime}I_{\prime\prime}O_{\prime\prime}$) Ар. оставляетъ безъ упоминанія.

[6]) Модусы: $I_{\prime\prime}A_{\prime\prime}$, $O_{\prime\prime}E_{\prime\prime}$, $I_{\prime\prime}E_{\prime\prime}$, $O_{\prime\prime}A_{\prime\prime}$; $I_{\prime\prime}I_{\prime\prime}$, $O_{\prime\prime}O_{\prime\prime}$, $I_{\prime\prime}O_{\prime\prime}$, $O_{\prime\prime}I_{\prime\prime}$.

[7]) Модусъ $I_{\prime\prime}A_{\prime\prime}$; но то же доказательство легко распространить и на другіе.

А [1]). То же видно и изъ понятій; если именно посылки находятся въ указанномъ отношеніи, то бываетъ, что большее крайнее понятіе не можетъ быть вовсе свойственно меньшему, а бываетъ и то, что оно свойственно ему во всемъ его объемѣ и съ необходимостью; понятія общія для всѣхъ случаевъ: для необходимаго сопутствія: животное—бѣлое—человѣкъ; для невозможности сопутствія: животное—бѣлое—платье [2]). Итакъ ясно, что при такихъ отношеніяхъ понятій никакого заключенія не получается, ибо всякое заключеніе будетъ или о дѣйствительномъ, или о необходимомъ, или о возможномъ сопутствіи, но очевидно, что здѣсь нѣтъ заключенія о дѣйствительномъ или о необходимомъ: утвердительное заключеніе уничтожается отрицательнымъ, а отрицательное—утвердительнымъ; остается, слѣдовательно, заключеніе о возможномъ, но и это не допустимо, ибо, какъ показано, при такихъ отношеніяхъ понятій большее крайнее понятіе бываетъ и необходимо присуще всему меньшему и необходимо ему, ни въ одной его части, не присуще; слѣдовательно, нѣтъ заключенія и о возможности: необходимое, согласно вышесказанному, не есть возможное.

Итакъ, мы видимъ, что если понятія, входящія въ составъ сужденій возможности, всеобщи, заключеніе по первой фигурѣ всегда происходитъ, все равно—будутъ-ли посылки утвердительными или отрицательными, съ тѣмъ лишь различіемъ, что изъ первыхъ заключенія совершенны, изъ вторыхъ—не совершенны. Должно однако брать возможное не изъ необходимаго, а согласно данному его опредѣленію; иногда это оставляется безъ вниманія.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

О заключеніяхъ по первой фигурѣ изъ одной посылки о дѣйствительномъ и одной о возможномъ бытіи.

Если одна посылка взята о дѣйствительномъ, а другая о возможномъ, и при томъ большая о возможномъ, получаются всегда заключенія совершенныя и касающіяся возможнаго (какъ мы его опредѣлили); если же меньшая посылка взята о возможномъ, заключенія получаются всегда несовершенныя, и при томъ отрицательныя изъ

---

[1]) То-есть, „хотя Б и находится къ В въ опредѣленномъ отношеніи“.

[2]) а) Иное бѣлое можетъ (не) быть умѣстнымъ, *всѣ (иные) люди могутъ (не) быть бѣлы,* всѣ люди необходимо суть животныя;

б) Иное бѣлое можетъ (не) быть животнымъ, *всѣ (иныя) платья могутъ (не) быть бѣлы,* ни одно платье не можетъ быть животнымъ.

нихъ касаются не того возможнаго, какъ мы его опредѣлили, но того, что всему или иному присуще безъ необходимости: о томъ, что всему или иному присуще безъ необходимости, тоже говорится, что оно [можетъ быть] присуще всему или иному [1]). Пусть А можетъ быть присуще всему Б. а Б пусть присуще всему В; такъ какъ В заключено подъ Б, и всему Б можетъ быть присуще А, то ясно, что А можетъ быть присуще и всему В [2]), здѣсь мы имѣемъ, слѣдовательно, совершенное заключеніе. Равнымъ образвмъ, если посылка АБ отрицательная, а БВ—положительная, и притомъ первая касается возможнаго, а вторая—дѣйствительнаго, мы получаемъ совершенное заключеніе: А можетъ быть не присуще ни одному В [3]).

Итакъ, мы видимъ, что если дѣйствительность придана меньшему термину, заключенія получаются совершенныя; если же мы возьмемъ теперь обратные случаи [4]), то ихъ заключенія придется намъ доказывать отъ противоположнаго, то-есть, слѣдовательно, они не совершенны, такъ какъ ихъ доказательство дѣлается не черезъ взятыя посылки. Но прежде всего мы должны замѣтить [слѣдующее]: если Б необходимо должно существовать, когда А существуетъ, то когда А возможно, Б необходимо должно быть тоже возможнымъ; дѣйствительно, предположимъ при такихъ отношеніяхъ А и В, что то, что называется А, возможно, а то, что называется Б, невозможно; пусть возможное, какъ возможное, произойдетъ, а невозможное, какъ невозможное, не произойдетъ, и если именно А возможно, а Б невозможно, то въ такомъ случаѣ А произойдетъ безъ Б; а если произойдетъ, то и будетъ существовать безъ Б, ибо происшедшее, когда произошло, существуетъ: возможность и невозможность мы должны прилагать не только къ происхожденію, но и къ истинному утвер-

---

[1]) „Мы опредѣлили возможное“ какъ то, что бываетъ обыкновенно или естественно (гл. 13). Это возможное мы дόлжны отличать отъ возможнаго, какъ противоположнаго необходимому, отъ необходимаго. Дѣло именно въ томъ, что несовершенныя заключенія, о которыхъ идетъ въ текстѣ рѣчь, доказываются отъ невозможности противоположнаго. Но возможному „какъ мы его опредѣлили“ ничего, строго говоря, не противоположно, ибо это есть реальная возможность, необходимое же противоположно лишь возможному, *какъ не необходимому*; слѣд., и заключенія въ этихъ модусахъ получаются не о возможномъ „какъ мы его опредѣлили“, а только о не необходимомъ. Впрочемъ, ср. ниже, модусъ $EA_{\shortparallel}E_{\shortparallel}$.

[2]) Модусъ $A_{\shortparallel}AA_{\shortparallel}$.

[3]) $E_{\shortparallel}AE_{\shortparallel}$.

[4]) То-есть, возьмемъ большую посылку дѣйствительной, а меньшую — возможной.

жденію, и къ дѣйствительному бытію, и вообще ко всему, что можетъ быть названо возможнымъ; во всѣхъ этихъ случаяхъ возможность имѣетъ одинъ и тотъ-же смыслъ. Далѣе, замѣтимъ, что выраженіе „если А есть, есть и Б" не должно понимать такъ, что Б будетъ и тогда, когда А составляетъ нѣчто одиночное: ничто не бываетъ необходимымъ, благодаря чему нибудь одному, но, по крайней мѣрѣ, благодаря двумъ, какъ напримѣръ, когда посылки имѣютъ нужныя для умозаключенія отношенія; если, напримѣръ, В присуще Г, а Г присуще Д, то необходимо В будетъ присуще Д. Итакъ, слѣдовательно, если обѣ посылки возможныя, и заключеніе возможно: здѣсь именно мы можемъ принять обѣ посылки за А, а заключеніе за Б [1]); а [выше] доказано, что не только если А необходимо, необходимо и Б, но и если первое — возможно, то и второе—тоже.

Изъ этого доказательства видно, что, если мы предположимъ нѣчто ложное, но не невозможное, слѣдствія изъ этого предположенія будутъ хотя тоже ложными, но не невозможными. Пусть, напримѣръ, А есть нѣчто ложное, но не невозможное, и дано, что если А существуетъ, существуетъ и Б: Б будетъ тоже нѣчто ложное, но не невозможное. Мы доказали именно, что если Б существуетъ, когда А существуетъ, то Б будетъ возможнымъ, когда А возможно; теперь же мы предполагаемъ, что А возможно; слѣдовательно и Б будетъ тоже возможно (будь оно невозможно, одно и то же было бы возможнымъ и невозможнымъ).

Послѣ этихъ опредѣленій примемъ, что А присуще всему Б, и Б можетъ быть присуще всему В; тогда, слѣдовательно, А можетъ быть присуще всему В [2]). Ибо предположимъ, что оно не можетъ быть присуще, и пусть Б будетъ присуще всему В: это послѣднее невѣрно, но не невозможно; въ такомъ случаѣ, если именно А не можетъ быть присуще всѣмъ В, а Б присуще всѣмъ В, А не можетъ быть присуще всѣмъ В: мы имѣемъ заключеніе по третьей фигурѣ [3]); дано однако, что А можетъ быть присуще всѣмъ Б; слѣдовательно, предположивъ нѣчто хотя и ложное, но не невозможное, мы получили-бы слѣдствіе невозможное [4]). Можно доказать невозможность [предполо-

---

[1]) А и Б имѣютъ здѣсь значеніе, которое имъ придано было выше, то-есть Б „необходимо должно существовать, когда А существуетъ".

[2]) Модусъ $AA_{\prime\prime}A_{\prime\prime}$.

[3]) По модусу EAO_{1} третьей фигуры.

[4]) Что̀, по предыдущему, не можетъ имѣть мѣста; слѣдовательно, другое наше предположеніе (именно, что А не можетъ быть присуще нѣкоторымъ В)— невозможное: слѣдовательно, А можетъ быть присуще всѣмъ В.

женія] и по первой фигурѣ, принявъ, что В присуще всему Б: если Б присуще всему В, и А можетъ быть присуще всему Б, то А можетъ быть присуще всему В; а мы предположили, что оно не можетъ быть присуще всему В [1]).

Замѣтимъ, что выраженіе „присуще всему“ мы не должны ограничивать временемъ, напримѣръ, настоящимъ или какимъ либо другимъ, но принимать вообще; только черезъ такія посылки мы и получаемъ заключеніе; принявъ же за посылку то, что имѣетъ значеніе только въ настоящее время, мы заключенія не получимъ: ничто, напримѣръ, не препятствуетъ, чтобы въ данное время все движущееся было людьми, если именно ничто иное [въ данное время] не движется. всѣ лошади могутъ двигаться, а тѣмъ не менѣе ни одна лошадь не можетъ быть человѣкомъ; примемъ далѣе, за первый терминъ — животное, за средній — движущееся, за послѣднее—человѣка; посылки здѣсь будутъ прежнія, а заключеніе будетъ необходимымъ, а не только возможнымъ, человѣкъ именно необходимо есть животное. Итакъ, ясно, что всеобщее должно брать вообще, а не ограничивать извѣстнымъ временемъ [2]).

---

[1]) Это второе доказательство модуса А А„А„ имѣетъ слѣдующую форму: дано, что всѣ Б суть А, и что всѣ В могутъ быть Б; доказать, что всѣ В могутъ быть А: предположимъ обратное, то-есть, что всѣ В не могутъ быть А; однако мы можемъ построить такое заключеніе: всѣ В суть Б, всѣ Б могутъ быть А, слѣдовательно, всѣ В могутъ быть А; большая посылка здѣсь хотя можетъ быть и ложная, но не заключаетъ въ себѣ ничего невозможнаго (ибо всѣ В могутъ быть Б), меньшая же истинная (ибо всѣ Б суть А); слѣдовательно (по предыдущему) и заключеніе хотя и можетъ быть ложно, но не должно представлять ничего невозможнаго; однако оно было-бы невозможнымъ, еслибы наше предположеніе (то-есть, что всѣ В не могутъ быть А) было вѣрно, слѣдовательно, это предположеніе невозможно, слѣдовательно, всѣ В могутъ быть Б, и т. д.— Такъ мы должны понимать доказательство Аристотеля; но оно, очевидно, неудовлетворительно, ибо изъ того, что нѣкоторое предположеніе оказывается невозможнымъ, слѣдуетъ только, что противоположное ему не невозможно, то-есть, возможно, но никакъ не то, что оно необходимо; то-есть, настоящій результатъ Аристотелевскаго доказательства будетъ таковъ: *возможно*, что всѣ В могутъ быть А.

[2]) Замѣтимъ однако, что если *обѣ* посылки ограничены даннымъ временемъ, то изъ нихъ можно извлечь заключеніе (относящееся, конечно, тоже къ данному времени); въ приведенныхъ же примѣрахъ, какъ и всегда, когда входитъ одна посылка возможности (и вообще, когда одна посылка имѣетъ внѣвременный характеръ), а другая посылка ограничена извѣстнымъ временемъ, заключеніе, очевидно, невозможно, такъ какъ средній терминъ большей посылки не совпадаетъ со среднимъ терминомъ меньшей, то-есть нарушается основное условіе умозаключенія (происходитъ Quaternio terminorum).

Далѣе, пусть посылка АБ будетъ всеобщей и отрицательной; примемъ, что А не присуще ни одному Б, и что Б можетъ быть присуще всякому В; взявъ такія посылки, мы съ необходимостью получимъ, что А можетъ быть не присуще ни одному В [1]). Ибо пусть А не можетъ быть не присуще ни одному В, и пусть, какъ въ предыдущемъ, Б присуще всякому В; тогда съ необходимостью получается (какъ заключеніе по третьей фигурѣ), что А [необходимо] присуще нѣкоторымъ В; но это невозможно; слѣдовательно, А можетъ быть не присуще ни одному В, ибо иначе, предположивъ нѣчто только невѣрное, мы получили бы въ выводѣ невозможное. Полученное заключеніе указываетъ не на возможное, какъ мы его опредѣлили, но на то, что ничему не присуще съ необходимостью, ибо таково будетъ сужденіе, противорѣчащее сдѣланному предположенію: мы именно предположили, что А необходимо свойственно нѣкоторымъ изъ В, заключеніе же отъ невозможнаго есть заключеніе къ тому, что противорѣчиво ему противоположное [2]). Что заключеніе въ этомъ случаѣ не касается возможнаго [въ собственномъ смыслѣ] видно и изъ понятій: пусть А будетъ—воронъ, Б—мыслящее существо, В—человѣкъ; А не присуще ни одному изъ Б: ни одинъ воронъ не есть мыслящее существо; всѣ В могутъ быть Б: всѣ люди могутъ мыслить; но ни одно В здѣсь необходимо не есть А [3]), то-есть, заключеніе не будетъ только возможнымъ. Однако оно не будетъ во всѣхъ случаяхъ и необходимымъ; пусть, напримѣръ, А есть движеніе, Б—наука, В—человѣкъ; А не будетъ присуще ни одному Б, и Б можетъ быть присуще всякому В, но заключеніе здѣсь не есть сужденіе о необхо-

---

[1]) Модусъ $EA_{\prime\prime}E_{\prime\prime}$. Ар. его доказываетъ слѣдующимъ способомъ: дано, что ни одно Б не есть А, и что всякое В можетъ быть Б; доказать, что ни одно В можетъ не быть А. Предположимъ обратное, именно, что нѣкоторые В необходимо суть А, а другою посылкою возьмемъ предположеніе: всѣ В суть Б, которое хотя и можетъ быть ложное, но не невозможно (ибо всѣ В могутъ быть Б). Тогда (по модусу $I_{\prime}AI_{\prime}$ третьей фиг.) мы получимъ заключеніе: нѣкоторые Б (необходимо) суть А, что̀ однако не только ложно, но и невозможно (противорѣчитъ большей изъ данныхъ посылокъ). Слѣдовательно, и одна изъ взятыхъ посылокъ должна быть невозможна; но меньшая только можетъ быть ложной; слѣдоват., большая (т. е. наше предположеніе) невозможна.

[2]) Если доказано, что предположеніе „нѣкоторые В необходимо суть А“ ложно, то, слѣдовательно, противорѣчащее ему вѣрно, то-есть, ни одно В не есть необходимо А. Но это есть возможность не реальная, а только логическая или формальная. Ср. гл. 13 и 3.

[3]) То-есть, ни одинъ человѣкъ необходимо не воронъ.

димомъ: нѣтъ необходимости, чтобы ни одинъ человѣкъ не двигался, но нѣтъ и необходимости, чтобы кто-нибудь изъ нихъ двигался. Впрочемъ, должно было бы взять лучшій примѣръ.

Если же отрицаніе прилагается къ меньшему крайнему термину, который [при томъ] указываетъ на возможное, то изъ самихъ взятыхъ посылокъ не вытекаетъ никакого заключенія; но заключеніе имѣетъ мѣсто, если мы обратимъ посылку заключающую возможность, какъ то дѣлали выше [1]). Пусть А присуще всякому Б, а Б можетъ быть не присущимъ ни одному В; при такихъ отношеніяхъ понятій ничего съ необходимостью не вытекаетъ; но если мы превратимъ сужденіе БВ и примемъ, что Б можетъ быть присущимъ всякому В, мы получимъ такое же заключеніе, какъ выше: понятія здѣсь расположены такъ-же, какъ тамъ [2]). То же имѣетъ мѣсто, когда обѣ посылки отрицательны, если, напримѣръ, сужденіе АВ есть сужденіе отрицательное и выражаетъ дѣйствительность, а сужденіе БВ тоже отрицательное, но выражаетъ возможность; изъ такихъ посылокъ ничего съ необходимостью не слѣдуетъ, но, превративъ сужденіе, содержащее возможность, мы получимъ заключеніе; именно, пусть А не присуще ни одному Б, а Б можетъ быть не присущимъ ни одному В: изъ такихъ посылокъ ничего съ необходимостью не слѣдуетъ, но если мы примемъ, что и вѣрно, что Б можетъ быть присущимъ всякому В, а посылку АБ возьмемъ по прежнему, мы получимъ то-же умозаключеніе, что выше [3]). Если же мы примемъ, что Б не присуще всякому В,—а не то, что Б можетъ быть не присущимъ В,—заключенія никоимъ образомъ не получается, все равно—будетъ ли посылка АБ отрицательная или утвердительная; термины, общіе для обоихъ случаевъ: бѣлое-животное-снѣгъ (для необходимости соприсутствія), бѣлое-животное-деготь (для невозможности соприсутствія) [4]).

Итакъ, мы видимъ, что когда оба термина всеобщи, и одна изъ

---

[1]) Ар. имѣетъ здѣсь въ виду превращеніе $E_{//}$ въ $A_{//}$ и $I_{//}$ въ $O_{//}$.

[2]) Модусъ $AE_{//}$, сводимый къ модусу $AA_{//}A_{//}$ первой фигуры.

[3]) Модусъ $EE_{//}$, сводимый къ модусу $EA_{//}E$ первой фигуры.

[4]) Модусы $E_{//}E$ и $E_{//}A$. Развернемъ приведенные примѣры:

a) (Ни одно) всякое животное можетъ (не) быть бѣлое,
никакой снѣгъ не животное,
всякій снѣгъ необходимо бѣлъ;

b) (ни одно) всякое животное можетъ (не) быть бѣло,
никакой деготь не животное,
никакой деготь необходимо не бѣлъ.

посылокъ указываетъ на дѣйствительность, а другая—на возможность, и при томъ меньшая—на возможность, заключеніе всегда получается, съ тѣмъ лишь различіемъ, что иногда оно вытекаетъ изъ самихъ посылокъ, а иногда при помощи обращенія одной изъ нихъ. Когда какой изъ этихъ случаевъ имѣетъ мѣсто и почему, мы уже указали. Если же [1]) одна изъ посылокъ всеобщая, а другая частная, и при томъ большая взята всеобщей и возможной—все равно, будетъ ли она утвердительной или отрицательной,—получается совершенное умозаключеніе, подобно тому, какъ и при обѣихъ всеобщихъ посылкахъ. Доказательство здѣсь то же, что тамъ [2]). Если же большая посылка всеобща, но касается дѣйствительности, а не возможности, а меньшая—частная и возможная, будутъ ли обѣ посылки отрицательными или обѣ утвердительными, или одна отрицательной, а другая утвердительной, во всѣхъ этихъ случаяхъ имѣетъ мѣсто несовершенное умозаключеніе, съ тѣмъ только различіемъ, что иногда оно доказывается отъ невозможнаго [3]), а иногда черезъ обращеніе возможной посылки, какъ мы то имѣли выше; именно, умозаключеніе черезъ обращеніе имѣемъ мы тогда, когда большая посылка взята всеобщей и въ значеніи бытія или небытія, а меньшая—частно-отрицательной и возможной, какъ, напримѣръ, если А присуще или не присуще всякому Б, а Б можетъ быть не присуще нѣкоторымъ В: обративъ БВ, какъ возможное, мы получимъ заключеніе [4]). Если же [меньшая] посылка взята частно-отрицательной и относящейся къ дѣйствительности, за-

---

[1]) Въ остальной части главы Ар. кратко разсматриваетъ остальные 24 возможныхъ соединеній посылокъ, а именно 16 происходящихъ изъ соединенія общей посылки съ частной и 8—изъ обѣихъ частныхъ.

[2]) Именно та часть понятія В, о которой идетъ дѣло (въ заключеніи), заключена въ понятіе Б, но всякому Б въ свою очередь приписывается, возможнымъ образомъ, понятіе А; слѣдовательно, понятіе А должно быть, возможнымъ образомъ, присуще указанной части понятія В. Это модусы А„II„ и Е„IO„.

[3]) Это модусы AI„I„ и EI„O„. Модусъ AI„I„ доказывается отъ невозможнаго слѣдующимъ образомъ: предположимъ, что ни одно В не можетъ быть А, но всѣ Б суть А (большая изъ данныхъ посылка), слѣдовательно, ни одно В не можетъ быть Б (по модусу AE,E, II), что, однако, невозможно, ибо противорѣчитъ данному; слѣдовательно, и т. д.—Модусъ EI„O„ доказывается тоже отъ невозможнаго: еслибы всѣ В необходимо были А, то такъ какъ ни одно Б не есть А, ни одно В не былобы Б (по модусу EA,E II), что, однако, противорѣчитъ данному; слѣдовательно, и т. д.

[4]) Это модусы AO„I„ и EO„I„, сводимые черезъ превращеніе сужденій O„ въ I„ къ модусамъ AI„I„ и EI„I„ первой фигуры.

ключенія не получается [1]); термины для утвержденія: бѣлое-животное-снѣгъ, для отрицанія: бѣлое-животное-деготь; доказательство можно вести и изъ свойствъ неопредѣленнаго [2]). Если, далѣе, мы возьмемъ большую посылку частною, а меньшую—всеобщей, заключенія никоимъ образомъ не получится, все равно будетъ ли та или другая изъ нашихъ посылокъ утвердительной или отрицательной, выражаетъ ли она возможное или дѣйствительное [3]). Не будетъ, наконецъ, заключенія и тогда, когда обѣ посылки частныя или неопредѣленныя, все равно взяты ли онѣ въ смыслѣ возможнаго или дѣйствительнаго, или одна въ смыслѣ возможнаго, другая—дѣйствительнаго [4]). Доказательство здѣсь то же, что въ предыдущихъ случаяхъ. Понятія для всѣхъ случаевъ: для необходимаго бытія: животное-бѣлое-человѣкъ, для невозможнаго: животное-бѣлое-одежда. Итакъ мы видимъ, что когда большему крайнему термину свойственна всеобщность, заключеніе всегда получается [5]), а когда меньшему—никогда.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Заключенія по первой фигурѣ изъ одной посылки необходимой и одной—возможной.

Если одна посылка указываетъ на необходимость бытія, а другая на возможность, умозаключеніе будетъ имѣть мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда понятія находятся въ тѣхъ же отношеніяхъ [какія указаны въ предыдущей главѣ], и при томъ умозаключеніе будетъ совершеннымъ, когда необходимость придана меньшему термину. Если обѣ посылки утвердительныя, все равно всеобщія или не всеобщія, заключеніе будетъ указывать на возможность бытія, а не на дѣйствительность; если же одна посылка утвердительная, а другая —отрицательная, заключеніе будетъ указывать на возможность бытія, когда утвердительная посылка необходима, и на возможность небытія

---

[1]) Модусы A„O и E„O.

[2]) Частно отрицательное сужденіе не противорѣчитъ обще-отрицательному: оно можетъ быть принято въ смыслѣ неопредѣленномъ (ср. гл. 5); но модусы A„ E и E„ E не дали заключеній, слѣдовательно ихъ не дадутъ и модусы A„O и E„O (какъ могущіе имѣть значеніе первыхъ).

[3]) Модусы I„A, IA„, I„E, IE„, O„A, OA„, O„E, OE„.

[4]) Модусы I„I, II„, I„O, IO„, O„I, OI„, O„O, OO„. Случаи, когда обѣ посылки возможныя или обѣ касаются дѣйствительнаго бытія, сюда не принадлежатъ, но разсмотрѣны въ гл. 4 и 14.

[5]) За исключеніемъ, однако, модусовъ A„O и E„O.

и его дѣйствительность, когда отрицательная посылка необходима, причемъ термины могутъ быть какъ всеобщими, такъ и частными. Возможность [бытія] въ заключеніи надо понимать такъ же, какъ въ предыдущихъ случаяхъ. Заключеній о необходимости небытія здѣсь не получается, ибо не необходимое бытіе есть нѣчто иное, чѣмъ необходимое небытіе.

Что изъ утвердительныхъ посылокъ не вытекаетъ необходимаго заключенія, совершенно ясно. Пусть [вопервыхъ] А необходимо присуще всякому Б, и Б можетъ быть присуще всякому В [1]; получается несовершенное умозаключеніе, что А можетъ быть присуще всякому В: что это умозаключеніе несовершенно, видно изъ доказательства, которое должно вести здѣсь такъ же, какъ въ предыдущихъ случаяхъ [2]. Пусть, вовторыхъ, А можетъ быть присуще всякому Б, и Б необходимо присуще всякому В [3]; получается заключеніе, что А можетъ быть присуще всякому В, а не то, что оно ему присуще; это умозаключеніе совершенное, а не несовершенное, ибо получается сразу изъ данныхъ посылокъ [4]. Возьмемъ теперь разнородныя посылки [5], и пусть [вопервыхъ] отрицательная посылка будетъ необходимой, именно пусть А необходимо не присуще ни одному Б, и Б можетъ быть присуще всякому В; тогда необходимо слѣдуетъ, что А не будетъ присуще ни одному В [6]: ибо предположимъ, что А присуще всѣмъ В или нѣкоторымъ; но дано, что А не можетъ быть присуще ни одному Б, а такъ какъ отрицательное сужденіе обратимо, то и Б не можетъ быть присуще ни одному А; по предположенію же, А присуще всѣмъ В или нѣкоторымъ; слѣдовательно, Б не могло бы быть присуще [при этомъ предположеніи] ни одному или нѣкоторымъ В [7]; но, по первоначально данному, оно можетъ быть присуще всѣмъ В. Само собою разумѣется, что здѣсь получимо заключеніе и о возможности небытія, такъ какъ есть заключеніе о небытіи [8]. Пусть, вовторыхъ, утвердительная посылка будетъ необходимой, и именно пусть А можетъ быть не присуще ни одному Б,

---

1) Модусъ $A_{,}A_{\prime\prime}A_{\prime\prime}$.

2) Именно такъ же, какъ въ модусѣ $AA_{\prime\prime}A_{\prime\prime}$.

3) Модусъ $A_{\prime\prime}A_{,}A_{\prime\prime}$.

4) То-есть, черезъ простое разсмотрѣніе объемовъ терминовъ.

5) Одну—утвердительную, другую—отрицательную.

6) Модусъ $E_{,}A_{\prime\prime}E$.

7) По модусамъ $E_{,}AE_{,}$ и $E_{,}IO_{,}$ первой фигуры.

8) Если ни одно В не есть А, то тѣмъ болѣе ни одно В можетъ не быть А.

и Б необходимо присуще всякому В [1]); здѣсь мы имѣемъ совершенное умозаключеніе, но не о дѣйствительности небытія, а о возможности его, ибо на это самое указываетъ большая посылка [2]); доказывать же сведеніемъ къ невозможному здѣсь нельзя: предположивъ, что А присуще [необходимо] нѣкоторымъ В, и взявъ, какъ данное, что А можетъ быть не присуще ни одному Б, мы не получаемъ ничего невозможнаго [3]). Если меньшая посылка, будучи отрицательной, возможна, получается заключеніе черезъ превращеніе, какъ въ предъидущихъ случаяхъ [4]); если же меньшая посылка, будучи отрицательной, необходима, заключенія нѣтъ [5]). Не будетъ заключенія и тогда, когда обѣ посылки отрицательныя и возможность придана не меньшей посылкѣ [6]). Термины для всѣхъ случаевъ одни и тѣ же; для утвержденія: бѣлое — животное — снѣгъ, для отрицанія: бѣлое — животное — деготь.

Такія-же отношенія имѣютъ мѣсто и въ частныхъ умозаключеніяхъ. Если отрицательная посылка необходима, заключеніе будетъ о неприсущемъ [7]); если, напримѣръ, А не можетъ быть присуще ни одному Б, а Б можетъ быть присуще нѣкоторымъ В, то съ необходимостью слѣдуетъ, что А не присуще нѣкоторымъ В: предположимъ, что оно присуще всѣмъ; такъ какъ А не можетъ быть присуще ни одному Б, то и Б—ни одному А, если же А было бы присуще всѣмъ В, то Б не могло бы быть свойственно ни одному В [8]); однако дано что оно можетъ быть присуще нѣкоторымъ изъ В. Если же частно утвердительное сужденіе будетъ необходимымъ, и именно въ отрицательномъ умозаключеніи, напримѣръ посылка БВ[9]), или если общеутвердительное—и именно въ утвердительномъ умозаключеніи, напримѣръ посылка АБ [10]), умозаключеніе не будетъ относиться къ дѣй-

---

[1]) Модусъ $E_{''}A_{'}E_{''}$.

[2]) А подъ большую посылку прямо подводится меньшая.

[3]) Здѣсь вообще никакого заключенія не получается (модусъ $I_{'}E_{''}$ второй фигуры. См. ниже, гл. 19).

[4]) Модусъ $A_{'}E_{''}A_{''}$ доказывается черезъ превращеніе всеобще отрицательнаго сужденія, какъ возможнаго, во всеобще утвердительное, вслѣдствіе чего получается модусъ $A_{'}A_{''}A_{''}$.

[5]) Модусъ $A_{''}E_{'}$.

[6]) Модусъ $E_{'}E_{''}E$ (превращается въ модусъ $E_{'}A_{''}E$) и модусъ $E_{''}E_{'}$

[7]) Подразумѣвается „когда заключеніе получается“ (что не всегда бываетъ). Ар. разумѣетъ здѣсь модусы $E_{'}O_{''}O$ и $E_{'}I_{''}O$.

[8]) По модусу $E_{1}AE_{1}$ первой фиг.

[9]) Модусъ $E_{''}I_{'}O_{''}$.

[10]) Модусы $A_{'}I_{''}I_{''}$ и $A_{'}O_{''}I_{''}$ (при чемъ $O_{''}=I_{''}$). Модусъ $A_{''}\ I_{'}$ Ар. оставляетъ безъ упоминанія.

ствительности [1]); доказательства здѣсь тѣ же, что въ предъидущихъ случаяхъ [2]). Если же всеобщее сужденіе—все равно утвердительное или отрицательное—принятое за меньшую посылку, будетъ возможнымъ, а частное сужденіе—необходимымъ, заключенія не получается [3]). Примѣръ терминовъ для необходимаго утвержденія: животное—бѣлое—человѣкъ, для необходимаго отрицанія: животное—бѣлое—платье. Для случаевъ, когда всеобщее сужденіе необходимо, частное же—возможно, и когда притомъ всеобщее сужденіе—отрицательно [4]), мы возьмемъ термины, для утвержденія: животное—бѣлое—воронъ, для отрицанія: животное—бѣлое—деготь; для случаевъ же, когда всеобщее понятіе утвердительно [5]), возьмемъ термины: животное—бѣлое—лебедь (для утвержденія) и животное—бѣлое—снѣгъ (для необходимаго отрицанія). Не получается заключенія и тогда, когда обѣ посылки взяты неопредѣленными или частными [6]); термины общіе для всѣхъ случаевъ, для утвержденія: животное—бѣлое—человѣкъ, для отрицанія: животное—бѣлое—неодушевленное; въ этихъ примѣрахъ и понятіе животнаго необходимо присуще иному бѣлому, а иному—необходимо не присуще, и понятіе бѣлаго необходимо присуще иному неодушевленному, а иному—необходимо не присуще; и тоже относительно возможности; такъ что эти понятія пригодны для всѣхъ случаевъ [7]).

---

[1]) Но только къ возможности.

[2]) Въ первой фигурѣ (и во второй) доказательство частныхъ модусовъ ведется также, какъ общихъ (только вмѣсто всеобщаго меньшаго термина стоитъ частный). Слѣдовательно, указанные частные модусы доказываются:

$E_{\prime}O_{\prime\prime}O$,	какъ общій модусъ	$E_{\prime}E_{\prime\prime}E$
$E_{\prime}I_{\prime\prime}O$,	„ „ „	$E_{\prime}A_{\prime\prime}E$
$E_{\prime\prime}I_{\prime}O_{\prime\prime}$,	„ „ „	$E_{\prime\prime}A_{\prime}E_{\prime\prime}$
$A_{\prime}I_{\prime\prime}I_{\prime\prime}$,	„ „ „	$A_{\prime}A_{\prime\prime}A_{\prime\prime}$
$A_{\prime}O_{\prime\prime}I_{\prime\prime}$,	„ „ „	$A_{\prime}E_{\prime\prime}A_{\prime\prime}$

Доказательство этихъ общихъ модусовъ см. выше, въ этой же главѣ.

[3]) Рѣчь идетъ о модусахъ $I_{\prime}E_{\prime\prime}$, $I_{\prime}A_{\prime\prime}$, $O_{\prime}E_{\prime\prime}$, $O_{\prime}A_{\prime\prime}$.

[4]) При этомъ сохраняется прежнее условіе, именно что всеобщее сужденіе занимаетъ мѣсто меньшей посылки. Дѣло идетъ о модусахъ $O_{\prime\prime}E_{\prime}$ и $O_{\prime\prime}A_{\prime}$.

[5]) Дѣло идетъ о модусахъ $I_{\prime\prime}E_{\prime}$ и $I_{\prime\prime}A_{\prime}$. Два слѣдующихъ модуса Ар. не упоминаетъ: $E_{\prime\prime}O_{\prime}$ и $A_{\prime\prime}O_{\prime}$.

[6]) Модусы: $I_{\prime}I_{\prime\prime}$, $I_{\prime}O_{\prime\prime}$, $O_{\prime}I_{\prime\prime}$, $O_{\prime}O_{\prime\prime}$, $I_{\prime\prime}I_{\prime}$, $I_{\prime\prime}O_{\prime}$, $O_{\prime\prime}I_{\prime}$, $O_{\prime\prime}O_{\prime}$.

[7]) Развернемъ этотъ примѣръ:

А) для модусовъ $I_{\prime}I_{\prime\prime}$, $I_{\prime}O_{\prime\prime}$, $O_{\prime}I_{\prime\prime}$ и $O_{\prime}O_{\prime\prime}$:

а) иное изъ бѣлаго необходимо (не) есть животныя,
иные люди могутъ (не) быть бѣлы,
всѣ люди необходимо суть животныя;

Итакъ, изъ сказаннаго мы видимъ, что при одинаковыхъ отношеніяхъ понятій заключенія одинаково происходятъ или не происходятъ и въ умозаключеніяхъ дѣйствительности, и въ умозаключеніяхъ необходимости [1]), съ тѣмъ однако различіемъ, что при отрицательной посылкѣ въ первыхъ — заключеніе получалось о возможности [небытія], а во вторыхъ (при отрицательной же посылкѣ) — заключеніе касается не только возможности, но и дѣйствительности небытія [2]). Мы видѣли также, что всѣ эти умозаключенія несовершенны, и что заключенія въ нихъ получаются черезъ разсмотрѣнныя выше фигуры.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

О второй фигурѣ при двухъ посылкахъ возможности.

Если во второй фигурѣ обѣ посылки взяты возможными, не получается никакого заключенія, все равно, будутъ ли онѣ утвердительными или отрицательными, всеобщими или частными. Если же одна посылка указываетъ на дѣйствительность, а другая—на возможность, заключенія никогда не получается, когда утвердительная посылка указываетъ на дѣйствительность, — и оно всегда бываетъ, когда на дѣйствительность указываетъ всеобще отрицательная посылка. То же имѣетъ мѣсто и въ тѣхъ случаяхъ, если одна посылка взята необходимой, а другая—возможной. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы должны принимать „возможное“ въ томъ значеніи, въ какомъ брали выше.

Прежде всего должно доказать, что отрицательное сужденіе возможности не обращается: напримѣръ, если А можетъ быть не прису-

---

b) иное изъ бѣлаго необходимо (не) есть животныя,
иное изъ неодушевленнаго можетъ (не) быть бѣлымъ,
ничто не одушевленное необходимо не есть животное;

B) для модусовъ $I_{,,}I_{,}$, $I_{,,}O_{,}$, $O_{,,}I_{,}$ и $O_{,,}O_{,}$:

a) иное изъ бѣлаго можетъ (не) быть животнымъ,
иные люди необходимо (не) бѣлы,
всѣ люди необходимо суть животныя;

b) иное изъ бѣлаго можетъ (не) быть животнымъ,
иное изъ неодушевленнаго необходимо (не) бѣло,
ничто неодушевленное необходимо не животное.

[1]) Точнѣе было-бы сказать „умозаключенія, въ которыхъ одна посылка о дѣйствительномъ (а другая—о возможномъ) и въ умозаключеніяхъ, въ которыхъ одна посылка необходима (а другая — возможная)“. То-есть Аристотель сравниваетъ здѣсь силлогизмы 15 и 16 главъ.

[2]) Въ главѣ 15 мы имѣли модусы съ заключеніемъ о возможномъ: $EA_{,,}E_{,,,}$, $EE_{,,}E_{,,,}$, $EI_{,,}O_{,,,}$, $EO_{,,}O_{,,,}$ въ главѣ же 16 подобные же силлогизмы имѣютъ заключеніе о дѣйствительномъ: $E_{,}A_{,,}E$, $E_{,}E_{,,}E$, $E_{,}I_{,,}O$, $E_{,}O_{,,}O$.

ще ни одному Б, то отсюда не слѣдуетъ съ необходимостью, что Б можетъ быть не присуще ни одному А; предположимъ, что это иначе, то-есть, пусть Б можетъ быть не присуще ни одному А; такъ какъ утвердительныя сужденія возможности превратимъ въ отрицательныя (какъ по противуположности, такъ и по противорѣчію [1]), то если Б можетъ не быть присуще ни одному А, ясно, что Б можетъ быть присуще и всякому А; однако это послѣднее не вѣрно, ибо вѣдь если нѣчто можетъ быть присуще всему другому, то отсюда не слѣдуетъ съ необходимостью, что и это второе можетъ быть присуще всему первому [2]); итакъ, слѣдовательно, отрицательное сужденіе возможности не обратимо. Далѣе [3]), ничто не препятствуетъ, чтобы, когда А можетъ быть не присуще ни одному Б, Б было *необходимо* не присуще нѣкоторымъ А; напримѣръ, хотя всѣ люди могутъ не быть бѣлы (какъ и всѣ они могутъ быть бѣлы), однако было бы ложно утверждать, что все бѣлое можетъ не быть человѣкомъ, ибо многое изъ бѣлаго *необходимо* не есть люди, а необходимое мы должны отличать отъ возможнаго. Наконецъ [4]), нельзя доказать обратимости (отрицательнаго сужденія возможности) отъ невозможнаго; это доказательство было бы таково: еслибы положеніе „Б можетъ быть не присуще ни одному А“ [5]) было ложнымъ, то было бы истинно положеніе, что Б не можетъ быть не присуще ни одному А, такъ какъ это [взаимныя] утвержденіе и отрицаніе; но если это такъ, Б было бы необходимо присуще инымъ изъ А; слѣдовательно, и А было бы необходимо присуще инымъ изъ Б, а это невозможно [6]). Это доказательство, говоримъ мы, неправильно, ибо изъ того, что Б

[1]) Примѣръ перваго: каждый человѣкъ можетъ быть мудръ, слѣдовательно каждый человѣкъ можетъ быть и не мудръ; примѣръ втораго: каждый человѣкъ можетъ быть мудръ—каждый человѣкъ можетъ и не быть мудръ.

[2]) Еслибы сужденіе „А можетъ быть не присуще ни одному Б“ было обратимо въ сужденіе „Б можетъ быть не присуще ни одному А“, то, такъ какъ это послѣднее обратимо въ сужденіе „Б можетъ быть присуще всякому А“, изъ положенія „А можетъ быть присуще всякому Б“ (въ которое обращается данное сужденіе „А можетъ быть не присуще ни одному Б“), слѣдовало-бы съ необходимостью, что Б можетъ быть присуще всякому А, то-есть въ такомъ случаѣ всеобщее утвердительное сужденіе было-бы обратимо вполнѣ, что однако невѣрно (см. гл. 2).

[3]) Второе доказательство того же.

[4]) Третье доказательство того же.

[5]) То-есть, положеніе, которое яко-бы составляетъ превращеніе даннаго.

[5]) Невозможно, ибо противорѣчитъ данному, то-есть тому, что А можетъ быть не присуще ни одному Б.

не можетъ быть не присуще ни одному А, нельзя вывести, что оно необходимо присуще нѣкоторымъ А; ибо выраженіе „не можетъ быть не присуще ни одному“ имѣетъ *два* значенія: вопервыхъ „нѣкоторымъ необходимо присуще“, а вовторыхъ „нѣкоторымъ необходимо не присуще; (ибо о томъ, что *необходимо* не присуще нѣкоторымъ А, было бы ложно утверждать, что оно *возможнымъ* образомъ всѣмъ А не присуще, и равнымъ образомъ о томъ, что *необходимо* присуще нѣкоторымъ А, было бы ложно утверждать, что оно всѣмъ *возможнымъ* образомъ присуще); итакъ, тотъ, кто утверждаетъ, что если В не можетъ быть присуще всѣмъ Г, то В необходимо не присуще нѣкоторымъ Г, дѣлаетъ ошибку: мы можемъ предположить, что оно присуще и всѣмъ Г, и только въ виду того, что нѣкоторымъ изъ нихъ оно присуще *съ необходимостью,* мы говоримъ, что оно не всѣмъ *возможнымъ образомъ* присуще; слѣдовательно, выраженію „можетъ быть присуще всѣмъ“ противуположно и выраженіе „нѣкоторымъ присуще съ необходимостью“, и выраженіе „нѣкоторымъ съ необходимостью не присуще“; то же должно сказать и о выраженіи „можетъ быть не присуще ни одному“. Итакъ, слѣдовательно, понимая такимъ образомъ возможное и невозможное, мы должны были первоначальному предположенію противуположить не только то, что Б необходимо присуще нѣкоторымъ А, но и то, что оно нѣкоторымъ А необходимо не присуще; взявъ же это послѣднее, мы не получимъ ничего нелѣпаго, какъ и вообще [при этомъ] не получается никакого слѣдствія [1]).

---

[1]) Это третье доказательство показываетъ только, что обращеніе отрицательныхъ сужденій не можетъ быть доказано черезъ сведеніе ad absurdum. Ходъ этого разсужденія (изложеннаго у Ар. нѣсколько спутанно) таковъ: дано, что ни одно Б можетъ не быть А (иначе, что всѣ Б могутъ не быть А); пытались доказывать, что это сужденіе обратимо въ сужденіе „всѣ А могутъ не быть Б“ и именно черезъ слѣдующее сведеніе къ нелѣпости положенія противуположнаго этому обращенному: если бы положеніе „всѣ А могутъ не быть Б“ было ложно, то положеніе „всѣ А не могутъ не быть Б“—истинно; однако это послѣднее значитъ, что нѣкоторые А должны быть Б, или, по обращеніи, что нѣкоторые Б должны быть А, что, однако, противорѣчитъ данному (всѣ Б могутъ не быть А); слѣдовательно, наше положеніе „всѣ А могутъ не быть Б“ истинно, то-есть отрицательное сужденіе возможности обратимо. Это сведеніе къ невозможному, возражаетъ Ар., ложно, потому что положеніе „всѣ А могутъ не быть Б“ имѣетъ два смысла, равно какъ и ему противуположное „всѣ А не могутъ не быть Б“. Именно это послѣднее вѣрно, какъ въ томъ случаѣ, когда нѣкоторые А необходимо суть Б, такъ и въ томъ, когда нѣкоторые А необходимо не суть Б. Но такъ какъ мы свели къ невозможному только первое, второе же сведено быть не можетъ, то и все доказательство безсильно.

Итакъ, изъ всего сказаннаго явствуетъ, что отрицательное сужденіе [возможности] не превратимо.

Доказавъ это, положимъ, что А можетъ быть не присуще ни одному Б и можетъ быть присуще всякому В; заключенія черезъ превращеніе нельзя получить, ибо показано, что такая посылка не превращается: нельзя получить заключенія и черезъ сведеніе къ невозможному: принявъ, что Б должно быть присуще всякому В, мы не получаемъ ничего нелѣпаго, такъ какъ А можетъ быть присуще и всякому В, и ни одному В [1]). Вообще, если здѣсь имѣется заключеніе, оно, очевидно. будетъ указывать на возможность, такъ какъ ни одна изъ посылокъ не указываетъ на дѣйствительность; это заключеніе, далѣе, было бы или утвердительнымъ или отрицательнымъ; однако ни то, ни другое невозможно: примемъ ли мы его за утвердительное, можно доказать изъ терминовъ, что ничто такое не возможно; примемъ ли его за отрицательное, можно доказать, что оно указываетъ не на возможность, а на необходимость; пусть, напримѣръ, А есть нѣчто бѣлое, Б—люди, В—лошади: А—бѣлое можетъ быть не свойственно ни одному изъ первыхъ и всѣмъ вторымъ; однако нельзя сказать ни того, что Б можетъ быть присуще В, ни того, что оно можетъ быть не присуще ему: первое очевидно, такъ какъ ни одна лошадь не можетъ быть человѣкомъ; но нельзя сказать и того, что Б *можетъ* быть не присуще В, ибо ни одна лошадь *необходимо* не человѣкъ, а необходимое не есть возможное; итакъ, здѣсь не получается вообще никакого заключенія. То же самое можно показать, если мы перемѣстимъ отрицаніе [въ меньшую посылку], или если обѣ посылки возьмемъ утвердительными или отрицательными: и это доказывается изъ приведенныхъ же терминовъ; не будетъ заключенія и тогда, если одна посылка всеобщая, а другая — частная, или обѣ частныя или неопредѣленныя, или если мы возьмемъ посылки еще какъ-нибудь иначе: доказывается и это черезъ приведенные термины. Итакъ, мы видимъ, что если обѣ посылки [во второй фигурѣ] взяты возможными, не получается никакого умозаключенія.

---

[1]) Модусъ $E_{''}A_{''}$. Дано, что ни одно Б можетъ не быть А, и всѣ В могутъ быть А; доказать отъ невозможнаго, что ни одно В можетъ не быть Б; предположимъ обратное, именно, что всѣ В должны быть Б, а такъ какъ ни одно Б можетъ не быть А, то (по модусу $E_{''}A_{'}E_{''}$ первой фигуры) получаемъ, что ни одно В можетъ не быть А, но это заключеніе вовсе не противорѣчитъ данному (всѣ В могутъ быть А). Слѣдовательно, доказательство черезъ сведеніе къ невозможному непримѣнимо къ модусу $E_{''}A_{''}$ второй фигуры.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Заключенія по второй фигурѣ изъ одной посылки о дѣйствительномъ, а изъ другой о возможномъ.

Если одна посылка имѣетъ значеніе дѣйствительности, а изъ другая—возможности, и притомъ утвердительная указываетъ на дѣйствительное, а отрицательная — на возможное, заключенія никогда не получается, все равно возьмемъ ли мы понятія общія или частныя [1]): доказательство опять то же и черезъ тѣ же термины. Если же утвердительная посылка говоритъ о возможности, а отрицательная — о дѣйствительности, заключеніе получается [2]); пусть, напримѣръ, А не присуще ни одному Б и можетъ быть присуще всякому В; обративъ отрицательное сужденіе, получимъ, что Б не присуще ни одному А; но А присуще всякому В, слѣдовательно, получается заключеніе (по первой фигурѣ), что Б можетъ быть не присуще ни одному В. Подобное же имѣетъ мѣсто, если отрицаніе придано понятію В [3]). Если же обѣ посылки отрицательныя, и одна изъ нихъ указываетъ несвойственность, а другая — возможность ея, то изъ самыхъ взятыхъ посылокъ ничего не слѣдуетъ, но обративъ сужденіе возможности, мы получимъ выводъ, что Б можетъ быть не присуще ни одному В, какъ въ предыдущихъ случаяхъ; именно опять получается первая фигура [4]). Если же обѣ посылки утвердительныя, заключе-

---

[1]) Рѣчь идетъ о модусахъ $AE_{''}$ и $E_{''}A$ и еще о нѣкоторыхъ частныхъ, о которыхъ см. ниже.

[2]) Модусъ $EA_{''}E_{''}$ сводимый къ модусу $EA_{''}E_{''}$ первой фигуры.

[3]) Модусъ $A_{''}EE_{''}$. Этотъ модусъ (равно какъ и модусъ $E_{''}EE_{''}$, см. ниже. отличается однако тѣмъ, что заключеніе въ немъ получается *обратное*: дано) что всѣ Б могутъ быть А, и ни одно В не есть А; обращаемъ меньшую посылку и принимаемъ ее за большую; тогда получается умозаключеніе по первой фигурѣ (ни одно А не есть Б, и всѣ В могутъ быть А, слѣдовательно, ни одно Б не можетъ быть В); здѣсь меньшій терминъ занимаетъ мѣсто сказуемаго, такъ что заключеніе должно быть еще обращено; однако прямо сдѣлать этого нельзя, но должно сначала обратить его „по противуположности“ въ сужденіе утвердительное (всѣ Б могутъ быть В) и только въ этомъ послѣднемъ можно перемѣстить субъектъ съ предикатомъ, такъ что окончательное заключеніе будетъ таково: нѣкоторые В могутъ быть Б. Итакъ, мы видимъ, что модусъ $A_{''}E$ даетъ вообще отрицательное заключеніе лишь обратное, прямымъ же будетъ частно утвердительное.

[4]) Модусъ $E_{''}EE_{''}$, превратимый въ модусъ $A_{''}EE_{''}$, и $EE_{''}E_{''}$, превратимый въ модусъ $EA_{''}E_{''}$. О первомъ изъ нихъ должно сказать то же, что сказано въ предыдущемъ примѣчаніи о модусѣ $A_{''}EE_{''}$.

нія не получается; термины для утвержденія: здоровье—животное—человѣкъ; для отрицанія: здоровье—лошадь—человѣкъ [1]).

Тѣже отношенія имѣютъ мѣсто и въ частныхъ умозаключеніяхъ. Если утвердительное сужденіе дѣйствительно—все равно всеобщее-ли оно или частное—заключенія никакого не получается [2]). (Это доказывается также и черезъ тѣ же термины, какъ предъидущіе случаи); если же отрицательное сужденіе дѣйствительно, заключеніе получается, какъ въ предъидущихъ случаяхъ, черезъ обращеніе. Если, далѣе, обѣ посылки отрицательныя, и притомъ дѣйствительная изъ нихъ всеобща, то изъ самихъ этихъ посылокъ ничего съ необходимостью не вытекаетъ, но обративъ возможную посылку, какъ то дѣлали въ предъидущихъ случаяхъ, получимъ заключеніе [3]); если же отрицательная посылка о дѣйствительности взята частною, заключенія не получается, все равно будетъ-ли другая посылка утвердительной или отрицательной [4]). Не будетъ заключенія и въ тѣхъ случаяхъ, когда обѣ посылки взяты неопредѣленными, (утвердительными или отрицательными) или частными [5]); доказательство то же и черезъ тѣ же термины.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

О заключеніяхъ по второй фигурѣ изъ одной посылки необходимой, а другой — возможной.

Если одна изъ посылокъ необходима, а другая—возможна, и притомъ отрицательная необходима, получается отрицательное заключеніе и не только о возможномъ, но и о дѣйствительномъ; если же утвердительная посылка необходима, заключенія не будетъ. Положимъ, напримѣръ, что А необходимо не присуще ни одному Б и можетъ быть присуще всякому В [6]); по обращеніи отрицательнаго сужденія, Б будетъ необходимо не присуще ни одному А, но А мо-

---

[1]) Средній терминъ—здоровье, меньшій—человѣкъ. Это модусы $A_{''}A$ и $AA_{''}$

[2]) Модусы $A_{''}I$ и $I_{''}A$, $AI_{''}$ и $IA_{''}$, $E_{''}I$ и $O_{''}A$, $AO_{''}$ и $IE_{''}$. Что эти модусы не даютъ заключеній видно изъ сравненія съ соотвѣтственными общими, а именно первые два подобны общему модусы $AA_{''}$, вторые — $AA_{''}$, третьи — $E_{''}A$, четвертые—$AE_{''}$.

[3]) Модусы $A_{''}O$ и $OA_{''}$, $I_{''}E$ и $EI_{''}$, но два первыхъ исключены уже раньше (см. общее положеніе въ началѣ главы), модусы же $I_{''}EO_{''}$ и $EI_{''}O_{''}$ доказываются подобно общимъ модусамъ $A_{''}EE_{''}$ и $EA_{''}E_{''}$.

[4]) Модусъ $EO_{''}$, превращающійся въ модусъ $EI_{''}O_{''}$, и модусъ $O_{''}E$, превращающійся въ модусъ $I_{''}EO_{''}$.

[5]) Модусы $E_{''}O$ и $OE_{''}$, подобные общимъ модусамъ $E_{''}E$ и $EE_{''}$.

[6]) Модусы: $I_{''}I$, $II_{''}$, $O_{''}O$, $OO_{''}$, $O_{''}I$, $OI_{''}$, $I_{''}O$, $IO_{''}$.

жетъ быть присуще всякому В, и мы получаемъ опять по первой фигурѣ заключеніе, что Б можетъ быть не присуще ни одному В [1]): но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что Б и дѣйствительно не присуще ни одному В; ибо предположимъ, что оно присуще, тогда А не можетъ быть присуще ни одному Б, а Б присуще нѣкоторымъ изъ В, слѣдовательно, А не можетъ быть присуще нѣкоторымъ изъ В; однако дано, что А можетъ быть присуще всякому В. Такимъ же образомъ ведется доказательство, если отрицаніе приложено къ понятію В. [2]). Возьмемъ, вовторыхъ, утвердительное сужденіе необходимымъ, а другое—возможнымъ, и пусть А можетъ быть не присуще ни одному Б и необходимо присуще всякому В [3]); если понятія соотносятся такимъ образомъ, не получается никакого заключенія: вопервыхъ, бываетъ, что Б *необходимо* не присуще ни одному В: пусть, напримѣръ, А есть бѣлизна, Б—человѣкъ, В—лебедь; бѣлизна необходимо присуща всякому лебедю и можетъ быть не присуща ни одному человѣку, понятіе же человѣка необходимо не присуще ни одному лебедю; итакъ, мы видимъ здѣсь, что заключеніе не относится къ возможности: необходимое не то же, что возможное; но съ другой стороны ясно, что заключеніе здѣсь не будетъ и необходимымъ, такъ какъ необходимое получается, если обѣ посылки необходимы или если отрицательная посылка необходима; далѣе, при такихъ данныхъ заключеніе можетъ быть будетъ и таково: „Б присуще В" [4]), ибо вѣдь ничто не мѣшаетъ, чтобы В было заключено подъ Б, а А могло быть присуще всякому Б [5]) и необходимо было присуще всякому В, какъ напримѣръ, если В есть бодрствованіе, В—животное А—движеніе: всему бодрствующему необходимо присуще движеніе, всякому животному можетъ быть свойственно бодрствованіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ все, что бодрствуетъ живо [есть животное]; однако ясно, что

---

[1]) Модусъ E,A„E.

[2]) По модусу E,A„E первой фигуры; слѣд. заключеніе здѣсь *прямо* дано какъ дѣйствительное, а не только возможное; поэтому, строго говоря, дальнѣйшее доказательство Ар—ля, что заключеніе имѣетъ характеръ дѣйствительности, не нужно.

[3]) Модусъ A„E,E сводимый опять къ модусу E„A„E первой фигуры черезъ обращеніе сужденія E, и перестановку посылокъ; получаемое заключеніе, какъ обратное, должно быть превращено.

[4]) Модусъ E„A,

[5]) Доказавъ, что этотъ модусъ не даетъ заключенія о необходимомъ, ни о возможномъ, Ар. теперь хочетъ доказать, что онъ не даетъ заключенія о дѣйствительно существующемъ: этими тремя случаями очевидно исчерпываются всѣ возможныя предположенія.

и здѣсь заключеніе не будетъ относиться къ дѣйствительному бытію, такъ какъ при такихъ отношеніяхъ оно указываетъ на то, что *необходимо* существуетъ [1]); не будетъ заключеній и противуположныхъ родовъ [2]); итакъ, вообще здѣсь заключенія не будетъ. Также ведется доказательство и того случая, когда утвердительное сужденіе занимаетъ мѣсто большей посылки [3]). Если же посылки однородны, заключеніе происходитъ, когда онѣ отрицательны, и именно черезъ обращеніе возможнаго сужденія, какъ то мы дѣлали выше; примемъ, вопервыхъ, что А необходимо не присуще ни одному Б и можетъ быть не присуще ни одному В; превративъ посылки, мы имѣемъ, что Б необходимо не присуще ни одному А, и А можетъ быть присуще всякому В: получается первая фигура [4]). Подобное же мы имѣемъ и въ томъ случаѣ, когда отрицаніе принадлежитъ понятію В [5]). Когда напротивъ, обѣ посылки утвердительныя, заключенія не получается [6]): что здѣсь не будетъ заключенія о несвойственности или о необходимой несвойственности, совершенно ясно, такъ какъ ни одна посылка не говоритъ ни о несвойственности, ни о необходимости его; но заключеніе не можетъ быть и о возможности несвойственности, ибо [например̂ъ] при такихъ отношеніяхъ понятій [какъ въ слѣдующемъ примѣрѣ], Б *необходимо* не присуще В; пусть именно А будетъ бѣлизна, Б—лебедь, В—человѣкъ [7]); не будетъ здѣсь заключеній и противуположнаго рода, такъ какъ доказано, что Б необходимо не присуще В [8]); итакъ, здѣсь вообще не получается заключенія.

Такія же отношенія имѣемъ мы и въ частныхъ умозаключеніяхъ.

---

1) Или, что то же, могло бы быть не присуще.

2) Все бодрствующее не только живо, но и необходимо живо.

3) Показавъ выше, что при этомъ модусѣ мы можемъ допустить заключеніе отрицательно необходимое, а теперь приведя для этого модуса примѣръ съ заключеніемъ утвердительно необходимымъ, Ар. прибавляетъ, что отрицательное сужденіе необходимости исключаетъ противуположныя ему утвердительныя сужденія дѣйствительности и возможности, а утвердительное сужденіе необходимости исключаетъ противуположныя ему отрицательныя сужденія дѣйствительности и возможности; а такъ какъ эти шесть родовъ сужденія заключаютъ всѣ возможности, то, слѣдовательно, опредѣленнаго заключенія по этому модусу вообще не получается.

4) Модусъ $A_{,}E_{,,}$.

5) Модусъ $E_{,}E_{,,}E$, превращаемый въ модусъ $E_{,}A_{,,}E$ первой фигуры.

6) Модусъ $E_{,,}E_{,}E$ превращаемый въ модусъ $E_{,}A_{,,}E$ первой фигуры (переставляя посылки; заключеніе поэтому приходится вновь превратить).

7) Модусы $A_{,}A_{,,}$ и $A_{,,}A$.

8) Ни одинъ человѣкъ *необходимо* не есть лебедь.

Если отрицательное сужденіе всеобще и необходимо, всегда получается заключеніе отрицательное о возможности и дѣйствительности (доказательство черезъ превращеніе) [1]), если же утвердительное, — заключенія никогда не бываетъ (доказывается это такимъ же образомъ, какъ въ общихъ умозаключеніяхъ и черезъ тѣ же понятія [2]). Нѣтъ заключеній и тогда, когда обѣ посылки утвердительны (и здѣсь то же доказательство, что выше) [3]); если же обѣ посылки отрицательны и всеобщая изъ нихъ необходима, то изъ самихъ взятыхъ посылокъ заключеніе не вытекаетъ, но обративъ сужденіе возможности, получимъ такія же заключенія, какъ въ случаяхъ указанныхъ выше [4]). Если, наконецъ, обѣ посылки взяты неопредѣленными или частными [5]), заключенія не будетъ; доказательство такое же и черезъ тѣ же понятія.

Итакъ, мы видимъ изъ сказаннаго, что когда всеобще-отрицательная посылка необходима, заключеніе всегда происходитъ, и притомъ не только о возможности свойственности, но и о дѣйствительности ея; когда же утвердительная посылка необходима, заключенія никогда не бываетъ. Мы видимъ также, что при одинаковыхъ отношеніяхъ заключенія одинаково происходятъ и въ умозаключеніяхъ необходимости и въ умозаключеніяхъ дѣйствительности. Наконецъ ясно, что всѣ эти умозаключенія несовершенны, а что выводы достигаются черезъ указанныя выше фигуры [6]).

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

О заключеніяхъ по третьей фигурѣ изъ двухъ посылокъ о возможности.

Въ послѣдней фигурѣ заключеніе получается какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда обѣ посылки возможныя, такъ и въ тѣхъ, когда только одна. Если обѣ посылки возможныя, то и заключеніе будетъ возможное, равно какъ и тогда, когда одна посылка возможная, а другая

---

[1]) То-есть заключеніе не будетъ по этимъ модусамъ и *утвердительнымъ* (возможнымъ, дѣйствительнымъ или необходимымъ), такъ какъ въ этихъ модусахъ можно взять примѣры понятій допускающихъ *отрицательное* заключеніе *необходимости*. Ср. выше доказательство модуса $E_{''}A_{'}$.

[2]) Модусы $I_{''}E_{'}O$ (подобенъ общему модусу $A_{''}E_{'}E$) и $E_{'}I_{''}O$ (подобенъ $E_{'}A_{''}E$),

[3]) Модусы $O_{''}A_{'}$ и $A_{'}O_{''}$. Модусы, въ которыхъ утвердительное или отрицательное сужденіе хотя и необходимо, но не всеобще ($A_{''}O$ и $O_{'}A_{''}$, $E_{''}I_{'}$ и $I_{'}E_{''}$) Ар. оставляетъ безъ упоминанія.

[4]) Модусы $A_{''}I_{'}$, $A_{'}I_{''}$, $I_{'}A_{''}$, $I_{''}A_{'}$.

[5]) Модусы $O_{''}E_{'}O$ (превращается въ $I_{''}E_{'}O$) и $E_{'}O_{''}O$ (превращается въ $E_{'}I_{''}O$) Напротивъ, модусы $O_{'}E_{''}$ и $E_{''}O_{'}$ не даютъ заключеній.

[6]) Модусы $I_{'}I_{''}$, $I_{''}I_{'}$, $O_{'}O_{''}$, $O_{''}O_{'}$, $O_{''}I_{'}$, $O_{'}I_{''}$, $I_{'}O_{''}$, $I_{'}O_{'}$.

дѣйствительная; если же другая посылка необходимая, то, когда она утвердительная, заключенія не будетъ, ни необходимаго, ни дѣйствительнаго, когда же она отрицательная, получится отрицательное заключеніе о дѣйствительномъ, какъ то было въ предъидущихъ фигурахъ. Въ этихъ заключеніяхъ мы должны понимать возможность также, какъ то дѣлали выше.

Пусть, вопервыхъ, обѣ посылки будутъ возможными, и именно пусть А и Б могутъ быть присущи всякому В; такъ какъ утвердительное сужденіе обратимо отчасти, то если Б можетъ быть присуще всякому В, и В можетъ быть присуще нѣкоторымъ Б; итакъ А можетъ быть присуще всякому В, и В—нѣкоторымъ изъ Б; слѣдовательно, А можетъ быть присуще нѣкоторымъ изъ Б: получается первая фигура [1]). Далѣе, если А можетъ быть неприсуще ни одному В, и Б—всякому В, то съ необходимостью вытекаетъ, что А можетъ быть неприсуще нѣкоторымъ Б: черезъ обращеніе мы опять получаемъ первую фигуру [2]). Если же мы положимъ обѣ посылки отрицательными, то изъ самыхъ взятыхъ положеній ничего съ необходимостью не вытекаетъ, но превративъ посылки, получимъ заключеніе, какъ выше: если именно А и Б могутъ быть не присущи [ни одному] В, то взявъ отрицательное сужденіе возможности въ обратномъ значеніи [3]), мы получимъ черезъ превращеніе опять первую фигуру [4]). Если одинъ изъ терминовъ всеобщій, а другой частный, заключеніе получается или не получается при такихъ же отношеніяхъ, какъ въ умозаключеніяхъ дѣйствительности. Пусть именно А можетъ быть присуще всякому В, и Б можетъ быть присуще нѣкоторымъ изъ В; черезъ обращеніе частной посылки получается опять первая фигура [5]): если А можетъ быть присуще всякому В, и Б—нѣкоторымъ изъ В, то А можетъ быть присуще нѣкоторымъ изъ Б. То же самое, если мы примемъ сужденіе БВ за всеобщее [6]). Равнымъ образомъ

---

[1]) Модусъ $A_{''}A_{''}A_{''}$, сводимый къ модусу $A_{''}I_{''}I_{''}$ первой фигуры.

[2]) Модусъ $E_{''}A_{''}O_{''}$, сводимый къ модусу $E_{''}I_{''}O_{''}$ первой фигуры.

[3]) Т. е. принявъ, что сужденіе „А можетъ быть Б“ значитъ то же, что „А можетъ не быть Б“.

[4]) Модусъ $E_{''}E_{''}O_{''}$ обратимый въ модусъ $E_{''}A_{''}O_{''}$ и такимъ образомъ сводимый къ модусу $E_{''}I_{''}O_{''}$ первой фигуры. Модусъ $A_{''}E_{''}$, обращаемый въ модусъ $A_{''}A_{''}I_{''}$ Аристотель оставляетъ безъ упоминанія.

[5]) Модусъ $A_{''}I_{''}I_{''}$, сводимый къ модусу $A_{''}I_{''}I_{''}$ первой фигуры.

[6]) Модусъ $I_{''}A_{''}I_{''}$, сводимый черезъ обращеніе большей посылки и перестановку посылокъ къ модусу $A_{''}I_{''}I_{''}$ первой фигуры; заключеніе должно быть вновь обращено.

если сужденіе АВ отрицательное, а БВ утвердительное, — черезъ обращеніе получается опять первая фигура [1]). Если же обѣ посылки взяты отрицательными, и притомъ одна—всеобщей, а другая—частной, то изъ самихъ взятыхъ посылокъ не вытекаетъ заключенія, но оно получается по обращеніи ихъ, какъ въ предъидущихъ случаяхъ [2]). Если, наконецъ, обѣ посылки взяты неопредѣленными или частными, заключенія не будетъ: А необходимо присуще и всякому Б и ни одному изъ В; термины для утвержденія: животное—человѣкъ—бѣлое, для отрицанія: лошадь—человѣкъ—бѣлое; средній терминъ—„бѣлое" [3]).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

О заключеніяхъ по третьей фигурѣ изъ одной посылки о дѣйствительномъ, а другой—о возможномъ.

Когда одна изъ посылокъ указываетъ на дѣйствительность, а другая на возможность, заключеніе будетъ о возможности, а не о дѣйствительности, и получается оно при такихъ же отношеніяхъ терминовъ, какъ выше [4]). Пусть, вопервыхъ, обѣ посылки утвердительныя, и именно пусть всякому В присуще А и можетъ быть присуще Б; превративъ сужденіе БВ, получимъ первую фигуру, и заключеніе будетъ, что А можетъ быть присуще нѣкоторымъ изъ Б [5]), ибо если одна изъ посылокъ въ первой фигурѣ возможная, заключеніе будетъ указывать на возможное [6]). То же самое, если посылка БВ говоритъ

---

[1]) Модусы $E_{''}I_{''}O_{''}$ и $O_{''}A_{''}I_{''}$, изъ которыхъ первый сводится къ модусу $E_{''}I_{''}O_{''}$ перв. фигуры, а второй—къ модусу $A_{''}O_{''}I_{''}$ (съ перестановкой посылокъ и обращеніемъ заключенія).

[2]) Модусъ $O_{''}E_{''}$ обращается въ модусъ $O_{''}A_{''}I_{''}$, а модусъ $E_{''}O_{''}$ — въ модусъ $E_{''}I_{''}O_{''}$. Модусы: $A_{''}O_{''}$ (обращаемый въ модусъ $A_{''}I_{''}I_{''}$) и $I_{''}E_{''}$ (обращаемый въ модусъ $O_{''}A_{''}I_{''}$) Аристотель оставляетъ безъ упоминанія.

[3]) Модусы $I_{''}I_{''}$, $O_{''}O_{''}$, $O_{''}I_{''}$ и $I_{''}O_{''}$. Развернемъ приводимые Ар. примѣры:

а) Иное изъ бѣлаго можетъ (не) быть животнымъ;
иное изъ бѣлаго можетъ (не) быть человѣкомъ;
человѣкъ необходимо животное.

б) Иное изъ бѣлаго можетъ (не) быть лошадью;
иное изъ бѣлаго можетъ (не) быть человѣкомъ;
человѣкъ необходимо не лошадь.

[4]) Эти условія указаны въ началѣ предыдущей главы.

[5]) Модусъ $AA_{''}I_{''}$, превращаемый въ модусъ $AI_{''}I_{''}$ перв. фигуры.

[6]) Это относится, конечно, лишь къ соединеніямъ возможной посылки съ дѣйствительной (ибо при соединеніи возможной съ необходимой получаются иногда заключенія дѣйствительныя, какъ то было показано въ главѣ 16).

о дѣйствительномъ, а посылка АВ—о возможномъ; или если АВ—утвердительное сужденіе, а БВ—отрицательное, при чемъ все равно, которое изъ нихъ дѣйствительное: заключеніе въ обоихъ случаяхъ будетъ относиться къ возможности; ибо [въ этихъ случаяхъ] опять получается первая фигура, а доказано уже, что если въ этой фигурѣ одна изъ посылокъ указываетъ на возможность, то и заключеніе будетъ тоже о возможномъ [1]). Если же отрицаніе прилагается къ меньшему крайнему понятію, или если обѣ посылки взяты отрицательными, то изъ самихъ взятыхъ положеній не вытекаетъ никакого заключенія; обративъ ихъ, получимъ тѣ же заключенія, что въ предъидущихъ случаяхъ [2]).

Если же одна изъ посылокъ всеобщая, а другая частная, причемъ обѣ онѣ утвердительныя, или всеобщая—отрицательная, а частная—утвердительная, то получаются такого же рода заключенія: всѣ они выводятся черезъ первую фигуру, такъ что заключенія, очевидно, будутъ не о дѣйствительности, но о возможности [3]). Въ случаяхъ же когда утвердительная — посылка всеобщая, а отрицательная—частная, доказательство ведется отъ невозможнаго [4]); пусть напримѣръ Б присуще всякому В, и А можетъ быть не присуще нѣкоторымъ В; отсюда необходимо слѣдуетъ, что А можетъ быть не присуще нѣко-

---

[1]) Модусы: А„АІ„ (обращается въ модусъ А„ІІ„ первой фигуры), Е„АО„ (обращается въ Е„ІО„) и ЕА„О„ (обращается въ ЕІ„О„).

[2]) Модусы: А„Е (обращается послѣ перестановки посылокъ въ модусъ ЕА„О" третьей же фигуры, послѣ чего заключеніе О„ должно быть обращено, что въ сужденіяхъ возможности допустимо), АЕ„ (обращается въ модусъ АА„І„ третьей же фигуры, по равенству Е„=А„), ЕЕ„ (обращается такимъ же образомъ въ модусъ ЕА„О„) и Е„Е (обращается такимъ же образомъ въ модусъ А„Е, а слѣд. и въ модусъ ЕА„О„).

[3]) Модусы: 1) А„ІІ„ (обращается въ модусъ А„ІІ„ перв. фигуры), АІ„І„ (—въ модусъ АІ„І„), І„АІ„ (обращается послѣ перестановки посылокъ въ модусъ АІ„І„ перв. фигуры; заключеніе, конечно, должно быть вновь обращено), ІА„І„ (обращается въ А„ІІ„ перв. фигуры, подобно предъидущему); 2) модусы Е„ІО„ (обращается въ модусъ Е„ІО„ перв. фигуры), ЕІ„О„ (—въ модусъ ЕІ„О„), І„ЕО„ (обращается послѣ перестановки посылокъ въ модусъ ЕІ„О„; заключеніе должно вновь обращать), ІЕ„О„ (обращается въ Е„ІО„ перв. фигуры, подобно предъидущему).

[4]) Модусы: А„ОО„, АО„О„, О„АО„ и ОА„О„. Четыре остальныхъ модуса, именно составленные изъ двухъ отрицательныхъ сужденій, Ар. оставляетъ безъ упоминанія (это модусы: Е„ОО„—доказывается чрезъ модусъ А„ОО„ третьей же фигуры, ЕО„О„—доказывается черезъ обращеніе въ модусъ ЕО„О„ перв. фигуры, О„ЕО„ черезъ модусъ І„ЕО„ третьей фиг., и ОЕ„О„—черезъ модусъ ОА„О„ третьей же фигуры).

торымъ Б; ибо если-бы А необходимо было присуще всѣмъ Б, то такъ какъ положено, что Б присуще всякому В, А было-бы необходимо присуще всякому В, какъ-то доказано выше [1]); однако по предположенію А можетъ быть нѣкоторымъ В не присуще.

Если же обѣ посылки взяты неопредѣленными или частными, заключенія не получается; доказательство [здѣсь] того же рода и черезъ тѣ же термины, какъ при общихъ посылкахъ [2]).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

О заключеніяхъ по третьей фигурѣ изъ одной посылки возможной, а другой—необходимой.

Если одна изъ посылокъ необходимая, а другая—возможная, то при утвердительныхъ терминахъ заключеніе всегда получается о возможномъ; при одномъ же изъ терминовъ утвердительномъ, а другомъ—отрицательномъ, заключеніе бываетъ или отрицательнымъ сужденіемъ возможности, именно когда утвердительный терминъ необходимъ, или же—отрицательнымъ сужденіемъ возможности и *дѣйствительности*, именно когда отрицательный терминъ необходимъ; отрицательныхъ же сужденій необходимости здѣсь не получается, подобно тому какъ и въ прочихъ фигурахъ. Пусть, вопервыхъ, термины будутъ утвердительные, и именно всякому В пусть А необходимо присуще, а Б можетъ быть присуще [3]); такъ какъ А необходимо присуще всякому Б, а В можетъ быть присуще нѣкоторымъ Б, то, слѣдовательно, А можетъ быть (а не дѣйствительно) присуще нѣкоторымъ изъ Б: мы получаемъ опять первую фигуру. Такъ же ведется доказательство, если сужденіе БВ взято необходимымъ, а сужденіе АВ—возможнымъ [4]). Пусть, далѣе, одинъ изъ терминовъ будетъ утвердительнымъ, а другой—отрицательнымъ, и при томъ утвер-

---

[1]) По модусу $A_{,}AA_{,}$ первой фигуры.

[2]) Однако въ общихъ модусахъ нѣтъ такихъ доказательствъ, ибо всѣ они даютъ заключеніе. Поэтому эти слова должно понимать (основываясь на выраженіи въ началѣ главы: „заключеніе получается—въ общихъ посылкахъ—при такихъ же отношеніяхъ понятій, какъ въ предъидушей главѣ“), какъ косвенную ссылку на соотвѣтственные примѣры, приведенные въ концѣ *предъидущей* главы.

[3]) Модусъ $A_{,}A_{,,}I_{,,}$ (обращается въ $A_{,}I_{,,}I_{,,}$ первой фигуры).

[4]) Модусъ $A_{,,}A_{,}I_{,,}$ (обращается въ модусъ $A_{,,}I_{,}I_{,,}$ первой фигуры).

дительный—необходимымъ: А можетъ быть неприсуще ни одному В, а Б необходимо присуще всякому В; получается опять первая фигура; а такъ какъ отрицательная посылка указываетъ возможное, то ясно, что и заключенiе будетъ о возможномъ, ибо когда въ первой фигурѣ посылки имѣютъ такой видъ, заключенiе получается о возможномъ [1]). Если же отрицательная посылка необходима, заключенiе тоже отрицательное, но не только о возможномъ, а и о дѣйствительномъ; пусть именно А необходимо не присуще ни одному В, а Б можетъ быть присуще всякому В; обращая утвердительное сужденiе БВ, получаемъ первую фигуру съ отрицательной необходимой посылкой; а такъ какъ при такого рода посылкахъ получалось, что А не только можетъ быть, но и дѣйствительно неприсуще нѣкоторымъ В [2]), то и здѣсь съ необходимостью слѣдуетъ, что А дѣйствительно не присуще и нѣкоторымъ Б [3]). Если же отрицанiе прилагается къ меньшему крайнему термину, то въ случаѣ, когда онъ возможный, заключенiе получается черезъ превращенiе меньшей посылки по противоположности [4]), въ случаѣ же, когда онъ необходимый, заключенiя не будетъ, ибо при этомъ А можетъ быть и необходимо присуще всякому Б и необходимо неприсуще ему; термины для утвердительнаго случая: сонъ—спящая лошадь—человѣкъ; понятiя для отрицательнаго: сонъ—бодрствующая лошадь—человѣкъ [5]).

Таковы же отношенiя, если одна изъ посылокъ всеобщая, а другая—частная. Если обѣ посылки утвердительныя, заключенiе получается о возможномъ, а не о дѣйствительномъ [6]); тоже если и одна изъ посылокъ взята отрицательной, а другая — утвердительной, и

---

[1]) Модусъ $E_{''}A_{'}O_{''}$ (доказывается черезъ обращенiе въ $E_{''}I_{'}O$ „перв. фигуры).

[2]) Это заключенiе по первой посылкѣ получалось изъ посылокъ съ инымъ расположенiемъ буквъ, а именно бралось, что Б есть А, а В есть Б; поэтому и заключенiе было: В есть А; на это заключенiе Аристотель здѣсь и ссылается.

[3]) Модусъ $E_{'}A_{''}O$ (доказывается черезъ обращенiе въ модусъ $E_{'}I_{''}O$ первой фигуры).

[4]) То есть, черезъ обращенiе сужденiя $E_{''}$ въ $A_{''}$. Рѣчь идетъ о модусахъ $A_{'}E_{''}I_{''}$ и $E_{'}E_{''}O$, обращающихся въ вышеуказанные модусы $A_{'}A_{''}I_{''}$ и $E_{'}A_{''}O$.

[5]) Модусы $A_{''}E_{'}$ и $E_{''}E_{'}$. Въ приведенныхъ примѣрахъ „сонъ“ есть большiй терминъ, „лошадь“—меньшiй, „человѣкъ“—среднiй.

[6]) Модусы: $A_{''}I_{'}I_{''}$ (доказывается черезъ сведенiе къ модусу $A_{''}I_{'}I_{''}$ первой фигуры), $A_{'}I_{''}I_{''}$ (—черезъ $A_{'}I_{''}I_{''}$), $I_{''}A_{'}I_{''}$ (черезъ сведенiе, послѣ перестановки посылокъ, къ модусу $A_{'}I_{''}I_{''}$; заключенiе должно вновь обращать) и $I_{'}A_{''}I_{''}$ (черезъ сведенiе, послѣ перестановки посылокъ, къ модусу $A_{''}I_{'}I_{''}$ первой фигуры; заключенiе должно вновь обращать).

утвердительная—необходима [1]); если же отрицательная посылка необходима, заключенiе получается отрицательное о дѣйствительномъ [2]); доказательство этихъ частныхъ случаевъ то же, что и при общихъ посылкахъ, необходимо именно сводить ихъ, какъ и тѣ, къ первой фигурѣ; поэтому и заключенiя здѣсь необходимо совпадаютъ съ заключенiями тѣхъ случаевъ. (Если всеобщее отрицанiе заключено въ меньшей посылкѣ, то когда она возможная, заключенiе происходитъ черезъ обращенiе, когда же она дѣйствительная, заключенiя не будетъ) [3]). Доказывается это такъ же какъ и при общихъ посылкахъ, и черезъ тѣже термины. Итакъ, мы знаемъ теперь и относительно этой фигуры, когда и при какихъ отношенiяхъ получается заключенiе, и когда оно говоритъ о возможномъ, а когда—о дѣйствительномъ; мы видѣли также, что всѣ эти умозаключенiя несовершенны и получаются черезъ первую фигуру.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Всѣ заключенiя могутъ быть получены черезъ общiе модусы первой фигуры.

Изъ предъидущаго мы видимъ, что всѣ умозаключенiя въ разсмотрѣнныхъ фигурахъ доказываются черезъ всеобщiя умозаключенiя первой фигуры и къ этимъ послѣднимъ сводимы. Теперь же мы покажемъ, что и вообще всякое умозаключенiе имѣетъ такiя же свойства, а именно доказавъ, что всякое умозаключенiе строится по одной изъ нашихъ фигуръ.

Всякое доказательство и всякiй силлогизмъ необходимо вѣчто утверждаетъ или отрицаетъ, и притомъ или всеобщимъ образомъ, или

---

[1]) Модусы: $E_{''}I_{'}O_{''}$ (доказывается черезъ сведенiе къ модусу $E_{''}I_{'}O_{''}$ первой фигуры), $A_{'}O_{''}I_{''}$ (тоже черезъ $A_{'}O_{''}I_{''}$), $O_{''}A_{'}I_{''}$ (доказывается черезъ сведенiе, послѣ перестановки посылокъ, къ модусу $A_{'}O_{''}I_{''}$ первой фигуры, при чемъ заключенiе должно вновь обратить) и $I_{'}E_{''}O_{''}$ (тоже къ модусу $E_{''}I_{'}O_{''}$).

[2]) Модусъ $E_{'}I_{''}O$ (доказывается обращенiе въ $E_{'}I_{''}O$ первой фигуры). Однако прочiе принадлежащiе сюда же модусы ($A_{''}O_{'}$, $I_{''}E_{'}$, $O_{'}A_{''}$) заключенiй не даютъ.

[3]) Эти слова текста (которыя мы заключаемъ въ скобки) или невѣрны или излишни. Если они относятся, какъ то слѣдуетъ изъ связи разсужденiя, къ модусамъ, въ которыхъ одна посылка утвердительная, а другая—отрицательная, и притомъ отрицательная необходима, то указываемые здѣсь модусы $I_{'}E_{''}O_{''}$ и $I_{''}E_{'}$ подходятъ подъ упомянутыя уже выше подраздѣленiя, и слѣдовательно эти слова излишни; если же эти слова относятся къ случаямъ, когда (при одной общей посылкѣ, а другой—частной) обѣ посылки отрицательныя (что можно думать, потому что Аристотель не упоминаетъ далѣе этого случая), то они не вѣрны, ибо изъ этихъ модусовъ даетъ заключенiе $E_{'}O_{''}O$, а не $O_{'}E_{''}$.

частнымъ, и далѣе, или черезъ прямой выводъ или черезъ предположеніе [особаго условія]; одинъ изъ видовъ доказательства черезъ предположеніе составляютъ доказательства отъ невозможнаго. Прежде всего мы скажемъ о доказательствахъ черезъ прямой выводъ: доказавъ наше положеніе относительно этихъ силлогизмовъ, намъ станетъ яснымъ, что оно приложимо и къ доказательствамъ отъ невозможнаго и вообще къ доказательствамъ черезъ предположеніе [особаго условія].

Пусть мы должны построить умозаключеніе о томъ, что А присуще или неприсуще Б. Для этого необходимо принять въ основаніе какое-нибудь положеніе о томъ, что то-то свойственно тому-то. Если мы взяли бы для этого, что А присуще Б, то вѣдь взятое будетъ самимъ искомымъ выводомъ [1]. Если же мы примемъ, что А присуще В, но не знаемъ, присуще ли В чему-нибудь, или присуще ли ему что-либо, и присуще ли А чему-нибудь, то не получится еще никакого умозаключенія, ибо изъ одной посылки, что А присуще В, ничего съ необходимостью не вытекаетъ. Итакъ, должно присоединить еще одну посылку. Если, однако, мы и примемъ, что А присуще тому-то, или что то-то присуще А, или что В присуще тому-то, то хотя умозаключеніе и можетъ имѣть въ такомъ случаѣ мѣсто, но относительно Б изъ данныхъ посылокъ ничего не вытекаетъ [2]; не будетъ умозаключенія о Б и тогда, когда мы примемъ, что В присуще тому-то, а то-то присуще другому, а другое— третьему, но о Б ничего не прибавимъ [3]. Итакъ, мы можемъ вообще сказать, что никогда не получится никакого заключенія о томъ, что одно свойственно другому, если мы не примемъ нѣкотораго средняго понятія, которое находится къ *каждому* изъ данныхъ понятій въ какомъ-нибудь [опредѣленномъ] отношеніи, ибо заключеніе вообще происходитъ изъ посылокъ, заключеніе къ извѣстному понятію—изъ

---

[1]) Такое ложное доказательство, въ которомъ само доказуемое положеніе употребляется какъ посылка въ доказательствѣ, называется „предвосхищеніемъ вывода“ (petitio principii). О немъ Аристотель подробнѣе говоритъ въ главѣ 16 второй книги.

[2]) Если первой посылкой было *В есть А*, а второй возьмемъ *Г есть А*, или *А есть Д*, или *Е есть В*, то получаются выводы или *Г есть В*, или *Д есть В*, или *Е есть А*, но ни въ какомъ случаѣ не заключеніе объ отношеніи А и Б.

[3]) Если первой посылкой взять *В есть А*, и къ ней присоединимъ рядъ другихъ посылокъ: *Г есть В*, *Д есть Г*, *Е есть Г*, то отсюда слѣдуетъ, что Е есть А, но опять ничего объ отношеніи А и Б.

посылокъ объ этомъ понятіи, и заключеніе объ отношеніи того-то къ тому-то—изъ посылокъ, идущихъ отъ того-то къ тому-то. Но нельзя взять посылки о Б, которая чего-нибудь о немъ не утверждала или не отрицала, и далѣе, нельзя взять посылокъ идущихъ отъ А къ Б, въ которыхъ не было-бы принято чего-либо общаго и А и Б (а только каждому изъ нихъ что-нибудь свое особенное приписано или отрицаемо); то-есть, слѣдовательно, для полученія заключенія объ отношеніи того-то къ тому-то необходимо выбрать нѣкоторое посредствующее между ними понятіе, которое объединяетъ посылки. Но если необходимо принять нѣкоторое понятіе, которое находится къ обоимъ [даннымъ] въ опредѣленномъ отношеніи, и если, далѣе, эти отношенія могутъ быть троякаго рода—именно или А утверждается за В и В—за Б, или В утверждается и за А и за Б, или оба они—за В—причемъ составляются три разсмотрѣнныя фигуры, то ясно, что и всякое умозаключеніе получается не иначе какъ черезъ одну изъ этихъ фигуръ [1]). Тѣ же самыя отношенія имѣютъ мѣсто и тогда, когда отношеніе А къ Б установляется черезъ цѣлый рядъ среднихъ понятій, ибо и цѣлый рядъ членовъ составляется по тѣмъ же фигурамъ.

Итакъ, мы видимъ, что прямыя заключенія получаются черезъ разсмотренныя фигуры; а что заключенія отъ невозможнаго получаются тоже черезъ эти фигуры, видно изъ слѣдующаго. Всѣ доказательства отъ невозможнаго заключаютъ къ ложному, а основное положеніе доказываютъ изъ предположеннаго условія [2]), причемъ доказывается, что, утверждая противуположное основному положенію, мы получимъ нѣчто невозможное; таково, напр., доказательство, что діагональ [квадрата] не соизмѣрима [со стороною его]: принявъ, что

---

[1]) То-есть, средній терминъ составляетъ субъектъ одной посылки и предикатъ—другой (первая фигура); или предикатъ обѣихъ посылокъ (вторая фигура), или субъектъ—обѣихъ (третья фигура). Такимъ образомъ подъ первой фигурой Аристотеля заключается и то видоизмѣненіе, которое стало впослѣдствіи извѣстн подъ именемъ четвертой фигуры. О молчаніи Аристотеля объ этой такъ наз. четвертой фигурѣ (А есть Б, Б есть В, слѣд. В есть А) мѣтко и кратко говоритъ *Тренделенбургъ* (*Elem. log.*, p. 95): „тотъ кто разсматриваетъ самую природу терминовъ, признаетъ три рода фигуръ силлогизма; тотъ-же, кто обращаетъ вниманіе на форму ихъ внѣшняго расположенія—четыре. Поэтому Галенъ не прибавилъ, какъ то обыкновенно говорятъ, къ тремъ прежнимъ фигурамъ четвертую, но три Аристотелевскія фигуры разбилъ на четыре, пользуясь инымъ, чѣмъ Аристотель, основаніемъ для дѣленія".

[2]) Это предположенное условіе состоитъ здѣсь въ предварительномъ соглашеніи о томъ, что только одно изъ двухъ противорѣчащихъ сужденій вѣрно.

она соизмѣрима, мы получимъ, что нечетное число равно четному: мы строимъ здѣсь умозаключеніе, что (въ такомъ случаѣ) нечетное число будетъ равно четному, а затѣмъ уже доказываемъ через предположенное условіе, что діагональ не соизмѣрима [1]), ибо, признавъ противуположное, получаемъ нелѣпость. Итакъ доказательство отъ невозможнаго состоитъ въ умозаключеніи, что предположеніе противное искомому заключенію приводитъ къ невозможному. Если, однако, и въ доказательствахъ отъ невозможнаго строится *прямое* умозаключеніе о ложномъ (а основное положеніе доказывается через предположенное условіе), и если, далѣе, прямыя умозаключенія получаются, какъ мы уже показали, лишь через разсмотрѣнныя фигуры, то очевидно, что и умозаключенія отъ невозможнаго получаются лишь по этимъ же фигурамъ. То же самое должно ска-

---

[1]) Въ данномъ случаѣ это предположеніе, очевидно, таково: „діагональ или соизмѣрима или несоизмѣрима, но не то и другое вмѣстѣ". — Что касается до доказательства, что если діагональ квадрата соизмѣрима съ его стороною, то четное число будетъ равно нечетному, то Александръ Афродизійскій (около 200 гг. по Р. Хр.) объясняетъ его слѣд. образомъ. Пусть ABCD будетъ квадратъ, котораго діагональ BC и сторона AB. Если BC и AB соизмѣримы, ихъ геометрическое отношеніе можетъ быть выражено въ видѣ отношенія конечныхъ чиселъ; при этомъ эти числа могутъ быть или оба нечетныя или одно четное, другое нечетное (ибо если-бы оба были четныя, ихъ отношеніе могло-бы быть выражено въ величинахъ вдвое меньшихъ). И такъ:

$$\text{(I)} \quad \ldots\ldots \quad \overline{BC}:\overline{AB} = \begin{cases} \text{или } (2n+1):2m \\ \text{или } 2n:(2m+1) \\ \text{или } (2n+1):(2m+1). \end{cases}$$

Но съ другой стороны

$$\text{(II)} \quad \ldots\ldots \quad \begin{cases} \overline{BC}^2 = 2\overline{AB}^2, \text{ слѣд.} = \text{четному числу} \\ \overline{AB}^2 = \frac{1}{2}\overline{BC}^2 = \text{тоже четному числу,} \end{cases}$$

ибо половина четнаго квадрата всегда равна четному числу (это доказывается слѣд. образомъ: всякое число есть или $2n$ или $(2n+1)$, поэтому всякій квадратъ есть или $(2n)^2 = 4n^2$ или $(2n+1)^2 = 4n^2 + 4n + 1$; такъ какъ первый случай представляетъ *всѣ* нечетные квадраты, а второй — *всѣ* четные, то очевидно, что половина всякаго четнаго квадрата $= \frac{4n^2}{2} =$ четному числу). Итакъ и $\overline{BC}^2$ и $\overline{AB}^2$ суть четныя числа, слѣд. и

(III) $\ldots\ldots$ $\overline{BC}:\overline{AB} =$ отношенію четныхъ чиселъ (ибо какъ мы сейчасъ видѣли, всякій четный квадратъ, $4n^2$, имѣетъ четный корень). Но сравненіе (I) и (III) показываетъ противорѣчіе, ибо одно и то же числовое отношеніе въ одномъ случаѣ оказалось нечетнымъ, а въ другомъ—четнымъ. Слѣд. и т. д — (Совершенно ясно, однако, что все это доказательство ошибочно, ибо отношеніе (III) можетъ быть также сокращено на 2, какъ-то сдѣлано было раньше для полученія отношенія I).

зать и о прочихъ доказательствахъ отъ предположеннаго условія. Во всѣхъ нихъ заключеніе идетъ черезъ сужденіе, принятое въ иномъ (чѣмъ раньше) значеніи, главное же заключеніе достигается или по уступкѣ, или черезъ какое-нибудь иное предположенное условіе [1]).

Итакъ, если все сказанное вѣрно, всякое доказательство и всякое умозаключеніе необходимо происходитъ по тремъ разсмотрѣннымъ фигурамъ. А если это доказано, то очевидно, что всякое умозаключеніе доказывается черезъ первую фигуру и сводится къ общимъ ея случаямъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Всякое умозаключеніе должно имѣть, по крайней мѣрѣ, одну общую и одну утвердительную посылку.

Замѣтимъ далѣе, что въ каждомъ умозаключеніи одна изъ посылокъ должна быть утвердительной, и одна всеобщей. Безъ всеобщей посылки или совсѣмъ не получается умозаключенія, или оно не объ искомомъ, или искомое предвосхищено. Докажемъ, напримѣръ, что наслажденіе музыкой нравственно: если мы примемъ [для этого], что удовольствіе нравственно, но не прибавимъ „всякое", заключенія не получится [2]); если мы прибавимъ „нѣкоторое", то возможны два

---

[1]) Возьмемъ, напримѣръ, слѣдующее доказательство отъ предположеннаго условія:

Если В существуетъ, то и А существуетъ,
В — существуетъ.
____
Слѣдов., А — существуетъ.

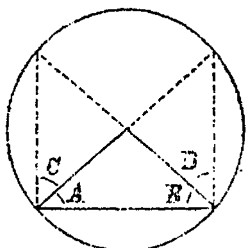
Въ этомъ доказательствѣ первое положеніе должно быть заранѣе уступлено и составляетъ, слѣдовательно, „предположенное условіе"; второе — есть сужденіе „принятое въ иномъ, чѣмъ раньше, значеніи" (именно въ первомъ положеніи существованіе В принято условнымъ образомъ, а здѣсь — категорически); наконецъ, третье—есть главное или искомое заключеніе. Таковы же отношенія въ доказательствахъ отъ противнаго. Напримѣръ возьмемъ такой случай: дано, что всѣ А суть В, и всѣ А суть С; доказать, что нѣкоторые С суть В (это главное заключеніе); или нѣкоторые С суть В, или ни одно С не есть В (это заранѣе предположенное условіе); признаемъ, что ни одно С не есть В (это „сужденіе, принятое въ иномъ значеніи", чѣмъ въ предположенномъ условіи); но дано, что всѣ А суть С; слѣдовательно, (по модусу ЕАЕ перв. фигуры) ни одно А не есть В, что невозможно, ибо противорѣчитъ данному. Слѣдовательно (по предположенному условію) остается признать, что нѣкоторыя С суть В, т. д.

[2]) Удовольствіе нравственно, музыка—удовольствіе; заключенія нѣтъ, если мы не прибавимъ „всякое удовольствіе нравственно".

случая: или это нѣкоторое удовольствіе есть нѣчто иное, чѣмъ удовольствіе музыки, тогда заключеніе будетъ не объ искомомъ, — или это и есть то самое удовольствіе, тогда искомое уже заключено въ этой посылкѣ. Еще яснѣе это въ заключеніяхъ о геометрическихъ фигурахъ, напримѣръ, въ доказательствѣ, что углы равнобедреннаго треугольника, прилежащіе основанію, равны между собою [1]. Пусть линіи A и B будутъ продолжены черезъ центръ [круга]. Если мы примемъ, что уголъ A + C равенъ углу B + D, но не беремъ общаго положенія, что углы, опирающіеся на діаметръ, равны между собою; если мы далѣе примемъ, что уголъ C равенъ углу D, но не прибавляемъ „потому что всѣ углы, стягиваемые тою же дугою, равны между собою"; и наконецъ, если мы принимаемъ, что, вычитая равные углы изъ равныхъ, мы получаемъ равныя разности (именно углы E и F), но не основываемся на томъ, что вообще, вычитая равныя величины изъ равныхъ, мы получаемъ равныя разности, [если мы ведемъ такъ доказательство, то во всѣхъ этихъ случаяхъ] мы предвосхищаемъ доказуемое. Итакъ, очевидно, что въ каждомъ умо-

---

[1]) Слѣдующее за симъ разсужденіе, запутанное греческими, а отчасти и новыми комментаторами, весьма въ сущности просто и имѣетъ, какъ показалъ *Вайтцъ* (*Organon*, I, p. 434) слѣдующій смыслъ. Пусть данъ равнобедренный треугольникъ; доказать, что углы его, прилежащіе основанію, равны между собою, то-есть что $\angle A = \angle B$.

Опишемъ изъ вершины $\triangle$ окружность, проходящую черезъ вершины угловъ A и B; затѣмъ продолжимъ равныя стороны $\triangle$ до встрѣчи съ окружностью и соединимъ точки пересѣченія съ вершинами угловъ A и B. Тогда $\angle (B + D) = \angle (A + C)$, какъ углы опирающіеся на діаметръ (1) и $\angle D = \angle C$, какъ углы, стягиваемые одною и тою же дугою; слѣд., $\angle(B + D) - \angle D - \angle(A + C) - \angle C$, ибо равенство сохраняется, если мы изъ равныхъ величинъ вычтемъ равныя (3). Все это доказательство, говоритъ Аристотель, возможно лишь въ томъ случаѣ, когда три большія посылки (1, 2 и 3)—всеобщи, безъ чего разсужденіе обратилось бы въ „предвосхищеніе искомаго" (petitio principii). Остается только сказать, что такое углы E и F: это очевидно тѣ же углы, что A и B и, по догадкѣ Вайтца, обозначены здѣсь иными буквами потому, что A и B означаютъ первоначально внутренніе углы $\triangle$, а не углы, опирающіеся на окружность (хотя это однѣ и тѣ же величины).

заключеніи должно быть всеобщее понятіе, и что всеобщее заключеніе получается только тогда, когда всѣ термины всеобщи, а частное какъ тогда, когда всѣ термины всеобщи такъ и тогда, когда одинъ изъ нихъ всеобщій, а другой—частный; такъ что, если заключеніе всеобще, термины [въ посылкахъ] необходимо тоже всеобщія, но если термины [въ посылкахъ] всеобщи, заключеніе можетъ и не быть всеобщимъ. Кромѣ того очевидно, что въ каждомъ умозаключеніи или обѣ посылки, или [по крайней мѣрѣ] одна должна быть подобна выводу; я говорю „подобна" не только въ томъ смыслѣ, что утвердительному или отрицательному заключенію должна соотвѣтствовать такая же посылка, но и необходимому, или дѣйствительному, или возможному заключенію — такого же рода посылка; и это должно распространить и на всѣ другіе роды сужденій.

Итакъ, теперь мы вообще знаемъ, когда заключенія получаются, и когда нѣтъ, и когда они возможнаго рода [1], а когда совершенныя, и наконецъ, мы знаемъ, что если умозаключеніе имѣетъ мѣсто, понятія должны имѣть соотношенія по одной изъ разсмотрѣнныхъ фигуръ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

О числѣ терминовъ, посылокъ и выводовъ въ умозаключеніяхъ.

Ясно, что въ каждомъ доказательствѣ должны быть три понятія, но не больше, кромѣ развѣ того случая, когда одно и то же заключеніе происходитъ и изъ такихъ и изъ другихъ посылокъ [2], какъ напримѣръ, заключеніе E можетъ получиться и изъ посылокъ A и B, и изъ C и D, или изъ посылокъ A и B, и изъ A и C, и изъ B и C [3]; ибо ничто не препятствуетъ, чтобы одни и тѣже термины были соединены черезъ различные средніе; однако при такихъ отношеніяхъ

---

[1]) Умозаключеніями возможнаго рода Аристотель называетъ *здѣсь* умозаключенія несовершенныя, ибо они происходятъ не сами собою, но возможны лишь при помощи такъ сказать нѣкоторыхъ уловокъ.

[2]) То-есть, въ каждомъ отдѣльномъ силлогизмѣ всегда находится лишь три понятія, но одно и то же заключеніе можетъ быть получено и изъ большаго числа понятій, если они распредѣлены въ различные силлогизмы по три въ каждомъ.

[3]) Каждая буква означаетъ здѣсь сужденіе. Одно и то же сужденіе (E), говоритъ Аристотель, можетъ быть выведено въ умозаключеніяхъ, которыя не имѣютъ ни одной общей посылки (въ которыхъ посылки A и B, C и D) и въ умозаключеніяхъ, въ которыхъ общая большая посылка одна и та же (A и B, A и C) и, наконецъ, въ умозаключеніяхъ, въ которыхъ меньшая посылка одинакова (A и C, B и C).

мы имѣемъ [строго говоря] не одно, а нѣсколько заключеній. То же самое [1]) имѣетъ мѣсто и тогда, когда каждая изъ посылокъ (и А, и В) выведена [въ свою очередь] изъ умозаключеній, какъ напримѣръ А изъ D и Е, а В изъ F и G; а равно и тогда, когда одна изъ посылокъ получена черезъ наведеніе [2]), а другая черезъ умозаключеніе,—во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ [не одно, а] рядъ умозаключеній, ибо получается рядъ выводовъ, таковы именно и А, и В, и С. Во всякомъ случаѣ, еслибы мы и могли сказать, что здѣсь не рядъ, а только одно заключеніе, то все таки невозможно, чтобы одно и то же заключеніе получалось изъ многихъ посылокъ точно такимъ-же образомъ, какъ напримѣръ заключеніе С изъ А и В [3]). Пусть напримѣръ Е будетъ заключеніе изъ посылокъ А, В, С, Д; эти посылки необходимо должны имѣть опредѣленныя между собою отношенія, именно отношеніе цѣлаго къ части: мы доказали выше, что тамъ, гдѣ имѣется умозаключеніе, термины должны имѣть именно такія соотношенія [4]); пусть А относится такимъ образомъ къ В; изъ этихъ посылокъ вытекаетъ, слѣдовательно, какое-нибудь заключеніе; это заключеніе будетъ или Е, или какая-нибудь изъ посылокъ С или Д, или еще что-нибудь иное; если заключеніе Е, то умозаключеніе строится уже изъ двухъ посылокъ; пусть, далѣе, посылка С и Д имѣютъ соотношеніе цѣлаго и части; изъ нихъ тоже можетъ вытекать или Е, или одна изъ посылокъ А или В, или еще что-нибудь иное; если изъ нихъ вытекаетъ Е или одна изъ посылокъ А или В, то мы будемъ имѣть или нѣсколько умозаключеній [5]), или тотъ случай, въ которомъ, какъ указано выше, одно заключеніе получается изъ ряда понятій [6]); если же изъ С и Д вытекаетъ нѣчто иное, а не Е и не А или В, то мы имѣемъ нѣсколько несоединенныхъ между собою умозаключеній [7]); если, наконецъ, отношенія Е и Д не таковы, чтобы дать заключеніе, то они напрасно взяты (если только они не взяты ради наведенія, или для затемненія мысли, или еще для чего-либо подобнаго же); если, далѣе, изъ посылокъ А и В слѣдуетъ не Е, а какое-нибудь иное заключеніе, а изъ С и Д или какая-нибудь изъ

---

[1]) То-есть то, что въ каждомъ силлогизмѣ только три термина.

[2]) О наведеніи (индукціи) см. ниже, гл. 23, второй книги.

[3]) То-есть, непосредственно.

[4]) См. выше, гл. 23.

[5]) Съ однимъ и тѣмъ же заключеніемъ Е.

[6]) Именно такъ наз. просиллогизмъ, напр., Е вытекаетъ изъ А и В, а В въ свою очередь изъ С и Д.

[7]) Изъ А и В слѣдуетъ Е, а изъ С и Д напр. X.

этихъ посылокъ (А или В), или что-нибудь другое, то мы имѣемъ нѣсколько умозаключеній и притомъ не объ искомомъ [1]), а предположено, что получается заключеніе Е; если-же изъ посылокъ С и Д не слѣдуетъ никакого заключенія, то онѣ оказываются напрасно взятыми и заключеніе будетъ тоже не Е [2]). Итакъ ясно, что всякое доказательство и всякое умозаключеніе происходитъ черезъ три понятія.

Показавъ это, мы теперь видимъ также, что умозаключенія происходили изъ двухъ, но не больше посылокъ, ибо три понятія даютъ двѣ посылки, если только не прибавляется, какъ то мы видѣли выше, еще сужденіе для того, чтобы заключеніе стало совершеннымъ [3]). Итакъ очевидно, что если въ силлогистическомъ разсужденіи посылки, изъ которыхъ получается главный выводъ (мы говоримъ „главный выводъ, ибо иные изъ ранѣе сдѣланныхъ заключеній необходимо составляютъ посылки для главнаго вывода) по числу нечетны, то это или разсужденіе безъ вывода или въ немъ дается больше, чѣмъ то необходимо для задачи.

Итакъ, если разсматривать умозаключенія относительно ихъ главныхъ посылокъ [4]), мы видимъ, что всякое умозаключеніе имѣетъ четное число посылокъ и нечетное—терминовъ: число терминовъ на единицу больше числа посылокъ. Число же заключеній равно половинѣ числа посылокъ. Если даже доказательство идетъ черезъ просиллогизмы или черезъ нѣсколько послѣдующихъ другъ за другомъ сред-

---

[1]) Изъ А и В слѣдуетъ напр. У, а изъ С и Д или X (тогда нашъ силлогизмъ распался на нѣсколько несоединимыхъ частей), или А или В (тогда мы имѣемъ просиллогизмъ, но съ заключеніемъ не Е, а У).

[2]) Перечисляя всѣ возможныя предположенія Ар. пропускаетъ одно, именно тотъ случай, когда изъ А и В слѣдуетъ что-нибудь, но не Е, а изъ С и Д вытекаетъ Е. Очевидно, что и при этомъ получаются или два совершенно независимыхъ силлогизма (если изъ А и В слѣдуетъ X) или просиллогизмъ (напр. изъ А и В слѣдуетъ С, а изъ С и Д—Е).

[3]) Несовершенные силлогизмы доказываются, какъ мы многократно видѣли, черезъ добавленіе обращенной посылки и приведеніе такимъ образомъ къ первой фигурѣ.

[4]) То-есть, разсматривая умозаключеніе въ формѣ простыхъ силлогизмовъ, безъ всякой связи между собой, какъ напримѣръ въ слѣдующемъ рядѣ:

В есть А	Д есть С	F есть Е
С „ В	Е „ Д	G „ F
С есть А	Е есть С	F есть G.

Здѣсь 6 посылокъ, 7—понятій (и 3 заключенія).

нихъ терминовъ какъ напримѣръ А и В черезъ С и Д [1]), то число терминовъ тоже на единицу больше числа посылокъ (ибо дополнительный терминъ попадаетъ или между прежними или внѣ ихъ, и въ обоихъ случаяхъ число сочетаній [2]) на единицу меньше, чѣмъ терминовъ [3]), число-же посылокъ равно числу сочетаній; однако здѣсь число посылокъ будетъ не всегда четнымъ, а число терминовъ—нечетнымъ, но бываетъ и наоборотъ, именно бываетъ такъ, что когда число посылокъ четное, число терминовъ—нечетное, и когда число первыхъ нечетное, число вторыхъ четное [4]); во всякомъ случаѣ съ прибавленіемъ термина прибавляется одна посылка, гдѣ-бы мы ни вставили

---

[1]) Форма просиллогизма такова:

Д есть В
С „ Д
———
С есть В
А „ С
———
А есть В.

Форма же доказательства „черезъ нѣсколько послѣдующихъ другъ за другомъ среднихъ понятій" (соритъ) отличается отъ предъидущей лишь тѣмъ, что посредствующія заключенія здѣсь опущены; напримѣръ

Д есть В
С „ Д
А „ С
———
А есть В.

[2]) *Сочетанія* должно отличать отъ сужденій *или посылокъ*: АВ и ВА какъ сужденія различны, а какъ сочетанія тождественны.

[3]) Пусть, напримѣръ, АБ будетъ заключеніе и С—среднее понятіе. Вставимъ еще новое среднее понятіе Д; оно можетъ (если не обращать вниманія на измѣненія вывода) занять мѣсто или между А и В или внѣ ихъ, то-есть мы получимъ или рядъ АСДВ или рядъ ДАСВ (А присуще С, С—Д, Д—В, слѣд. А присуще В; или Д присуще А, А—С, С—В, слѣд. Д присуще В), но какъ въ томъ такъ и въ другомъ случаѣ число посылокъ на 1 меньше числа понятій, ибо въ обоихъ случаяхъ число сочетаній изъ понятій на 1 меньше числа понятій.

[4]) Въ сложныхъ умозаключеніяхъ число понятій и посылокъ выражается какъ-то легко сосчитать) слѣдующими числами:

	Въ просиллогизмѣ.	Въ соритѣ.
Число понятій.	4, 5, 6, 7	4, 5, 6, 7
Число посылокъ	4, 6, 8, 10	3, 4, 5, 6;

то-есть въ просиллогизмѣ число посылокъ всегда четное (число же терминовъ можетъ быть и четнымъ и нечетнымъ), въ соритѣ же и число посылокъ можетъ быть нечетнымъ, и притомъ если посылокъ четное число, понятій нечетное, и наоборотъ.

этотъ терминъ; такъ что въ случаѣ, когда число посылокъ четное, а терминовъ нечетное, послѣ прибавленія отношеніе, очевидно, измѣняется [1]); число же (возможныхъ) заключеній всегда увеличивается не такъ, какъ число терминовъ, и не такъ, какъ число посылокъ, но при прибавленіи одного новаго термина возрастаетъ на число на единицу меньшее, чѣмъ число передъ тѣмъ бывшихъ терминовъ: [если новый терминъ прибавляется къ концу] онъ даетъ заключеніе со всѣми прежними терминами, кромѣ однако послѣдняго, какъ напримѣръ при прибавленіи термина Д къ АВС тотчасъ же являются два новыхъ заключенія, одно объ А, а другое о В [2]); то же и при прибавленіи еще другихъ терминовъ: если же новый терминъ прибавляется [не къ концу, а] въ серединѣ, то и тогда число заключеній увеличивается такимъ же образомъ: онъ не даетъ заключенія только съ однимъ изъ прежнихъ понятій [3]). Итакъ число заключеній растетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ число терминовъ и посылокъ [4]).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Какія положенія легче доказывать и какія легче опровергать.

Зная теперь, каковы выводы въ умозаключеніяхъ, и какіе изъ нихъ принадлежатъ къ какой фигурѣ, и какъ доказываются, мы можемъ опредѣлить, какія задачи легче и какія труднѣе разрѣшать: тѣ именно

---

[1]) То-есть, число посылокъ дѣлается нечетнымъ, число понятій четнымъ.

[2]) Возьмемъ, напримѣръ, А=субстанція, В=одушевленное существо, С=животное; они составляютъ слѣдующій силлогизмъ: всякое одушевленное существо есть субстанція, всякое животное—существо одушевленное, слѣд., всякое животное есть субстанція. Прибавимъ теперь новое понятіе Д=человѣкъ и посылку „всякій человѣкъ есть животное“; тогда мы можемъ получить 2 новыхъ заключенія: всякій человѣкъ есть существо одушевленное, и всякій человѣкъ есть субстанція; заключенія же объ отношеніи понятія Д къ послѣднему изъ данныхъ (къ С)—нѣтъ, ибо это отношеніе уже прямо установлено прибавленной посылкой.

[3]) Напримѣръ возьмемъ соритъ АВСД (всѣмъ А присуще В, всѣмъ В—С, всѣмъ С—Д, слѣд. всѣмъ А присуще Д) и вставимъ въ середину, напр., между В и С, новый терминъ, М; тогда мы получимъ слѣдующее умозаключеніе: всѣмъ А присуще В, всѣмъ В—М, всѣмъ М—С, всѣмъ С—Д, слѣд. всѣмъ А присуще Д. Здѣсь новое понятіе можетъ составить заключеніе съ А, съ С и съ Д, но не съ В, ибо сужденіе „всѣмъ В присуще М“ есть не новое заключеніе, но дано какъ новая посылка.

[4]) Ар. не опредѣляетъ точнѣе эту зависимость; легко однако показать, что вообще если число посылокъ=n, число терминовъ=(n—1), то число заключеній= $\frac{n(n-1)}{1 \cdot 2}$; напримѣръ, изъ десяти посылокъ можетъ слѣдовать не болѣе 45 заключеній.

заключенія, что получаются по многимъ фигурамъ и черезъ многіе модусы легче доказывать, а тѣ, что по немногимъ и черезъ немногіе—труднѣе. Всеобще утвердительныя сужденія доказываются только по первой фигурѣ и только черезъ одинъ ея модусъ; всеобще отрицательныя—и по первой и по второй фигурѣ: по первой черезъ одинъ модусъ, по второй—черезъ два; частно утвердительныя сужденія доказываются и по первой и по третьей фигурѣ: по первой черезъ одинъ модусъ, по третьей—черезъ три; частно отрицательныя — по всѣмъ фигурамъ и именно черезъ одинъ модусъ первой, черезъ два второй а черезъ три третьей [1]). Отсюда видно, что доказывать всеобще утвердительное положеніе наиболѣе трудно, а опровергать его наиболѣе легко. Вообще опровергать общія положенія легче, чѣмъ частныя: всеобще утвердительное положеніе опровергнуто, когда доказано всеобще или частно отрицательное, но первое доказывается по двумъ фигурамъ, а второе—по всѣмъ; то же и относительно всеобще отрицательнаго положенія: оно бываетъ опровергнуто, когда доказано или всеобще или частно утвердительное, а это послѣднее получается по двумъ фигурамъ; опровергать же частное сужденіе возможно лишь однимъ способомъ, именно доказывая или всеобще утвердительное или всеообще отрицательное [2]). Напротивъ, доказывать частныя положенія легче, такъ какъ это исполнимо по многимъ фигурамъ и черезъ многіе модусы. Вообще должно помнить, что общія положенія и частныя опровергаются другъ черезъ друга: общія черезъ частныя и частныя черезъ общія, а доказывать возможно лишь частныя сужденія черезъ общія, а не наоборотъ [3]); отсюда видно, что опровергать вообще легче, чѣмъ доказывать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Объ изобрѣтеніи и построеніи умозаключеній.

Въ предъидущемъ было показано, какъ строится каждое умозаключеніе, сколько для того нужно терминовъ и посылокъ, въ какомъ

---

[1]) Сужденіе A получается изъ модуса AAA (I фигуры); сужденіе E — изъ модусовъ: EAE (I), EAE (II) и AEE (II); сужденіе I—изъ модусовъ: AII (I) AAI (III), IAI (III) и AII (III); сужденіе O — изъ модусовъ: EIO (I), EIO (II) AOO (II), EAO (III), OAO (III) и EIO (III).

[2]) Первое — когда опровергаемое положеніе частно отрицательное, второе — когда оно частно утвердительное.

[3]) Сужденія A и E опровергаются черезъ сужденія O и I, и обратно; но изъ сужденій I и O не слѣдуетъ сужденій A и E, а наоборотъ.

отношеніи должны находиться между собой эти послѣднія и наконецъ, какія положенія доказуемы по каждой фигурѣ и какія изъ нихъ только по одной фигурѣ, а какія по нѣсколькимъ. Теперь же должно показать, какъ мы сами должны поступать, чтобы получить умозаключеніе о каждомъ данномъ вопросѣ, и какимъ путемъ находить нужныя для каждаго случая общія положенія: вѣдь недостаточно знать, какъ происходятъ умозаключенія, надо быть въ состояніи ихъ строить.

Все сущее бываетъ: или таково, что само оно по истинѣ вообще ничему другому не приписываемо (какъ, напримѣръ, Калліасъ, Клеонъ и вообще всякій индивидуальный и чувственно воспринимаемый предметъ, но ему все прочее приписываемо (напримѣръ Калліасъ и Клеонъ суть люди, животныя); — или сущее таково, что оно приписываемо прочему, но ему самому дальнѣйшимъ образомъ ничего не свойственно [1]); — или, наконецъ, сущее бываетъ таково, что и оно свойственно иному и ему свойственно другое, какъ напримѣръ Калліасу свойственно быть человѣкомъ, а человѣку свойственно быть животнымъ. Очевидно, что иное изъ сущаго не можетъ составлять ничьего свойства: почти все чувственно существующее таково, что не можетъ быть ничему приписано, иначе развѣ какъ случайно [2]), такъ напримѣръ намъ случается говорить: „вонъ то бѣлое — Сократъ“ или „вотъ это приближающееся — Калліасъ“. О томъ, что и при восхожденіи [къ болѣе общимъ понятіямъ] есть тоже граница, мы будемъ говорить впослѣдствіи [3]); пока же достаточно сказаннаго. Нельзя, слѣдовательно, доказывать, что этимъ наиболѣе общимъ понятіямъ что-нибудь свойственно (развѣ что не въ точномъ смыслѣ слова), но только, что они чему-нибудь присущи; нельзя также доказывать, что индивидуальныя вещи чему-нибудь свойственны, но только, что имъ нѣчто свойственно; а относительно средняго [между наиболѣе общими понятіями и индивидуальными вещами] можно доказывать и то, и другое: и оно свойственно

---

[1]) Таковы наиболѣе общія сказуемыя или категоріи: бытіе, время, мѣсто и проч.

[2]) А случайно приписывается Б тогда, когда А не свойственно самой сущности Б, что бываетъ, когда Б (субъектъ предложенія) долженъ былъ-бы занимать скорѣе мѣсто предиката. Это видно изъ слѣдующаго примѣра: вовсе не данное бѣлое пятно имѣетъ свойства быть Сократомъ, а наоборотъ, Сократъ является бѣлымъ.

[3]) См. *Вторую Аналитику*, книга I, гл. 22.

иному, и иное — ему; такъ что, пожалуй, наибольшее число разсужденій и изслѣдованій имѣетъ предметомъ это среднее.

Посылки о каждомъ предметѣ должно выбирать слѣдующимъ образомъ: прежде всего должно брать самый предметъ доказательства, его опредѣленіе и отличительные признаки; затѣмъ, берется то, что свойственно этому предмету, и то, чему онъ свойственъ; наконецъ, то, что ему не можетъ быть присуще; а то, чему онъ не можетъ быть присущъ, нѣтъ нужды [отдѣльно] искать, ибо [всеобще] отрицательныя сужденія обратимы, Далѣе, среди сопутствующихъ [предмету доказательства] свойствъ [1]) должно различить тѣ, что входятъ въ его сущность, тѣ, что составляютъ его отличіе, и тѣ, что случайно ему присущи; а изъ послѣднихъ — какія правдоподобны и какія несомнѣнны; чѣмъ болѣе найдено такихъ признаковъ, тѣмъ доказательство пойдетъ скорѣе, а чѣмъ они несомнѣннѣе, тѣмъ оно будетъ сильнѣе. При этомъ должно выбирать не то, что сопутствуетъ только нѣкоторой части предмета, но то, что всему ему, такъ напримѣръ не то, что присуще нѣкоторымъ людямъ, а то что всѣмъ имъ, ибо умозаключеніе происходитъ благодаря всеобщимъ посылкамъ; замѣтимъ при этомъ, что въ неопредѣленныхъ сужденіяхъ не видно, общія-ли это сужденія [или частныя], а въ опредѣленныхъ — очевидно [2]); также должно выбирать и то, чему *всему* сопутствуетъ предметъ доказательства, по той же самой причинѣ. Относительно же того, *что сопутствуетъ* нашему предмету, не для чего указывать, что оно все сопутствуетъ, какъ напримѣръ что человѣку присуще быть *всякимъ* животнымъ, или музыкѣ быть *всею* наукой, но достаточно просто указать, что оно сопутствуетъ, какъ то мы и дѣлали выше [3]); да это было-бы и безполезно, и невозможно, какъ напримѣръ то видно изъ сужденій: „всякій человѣкъ есть всякое животное“ или „справедливость есть всякое благо“; о томъ же, *чему* иное сопутствуетъ, должно указывать, что всему.

---

[1]) То-есть, среди того, что составляетъ его возможныя сказуемыя, того, что ему бываетъ присуще или свойственно.

[2]) Поэтому должно ясно опредѣлять, какая посылка всеобщая, а какая — частная, то-есть прибавлять къ послѣднимъ должное поясненіе (нѣкоторые, *но не всѣ* А суть Б).

[3]) Сказуемое всеобщаго сужденія (всѣ А суть Б) не берется всеобщимъ, иначе это будетъ тождество (всѣ А суть всѣ Б). Объ этомъ подробнѣе Ар. говоритъ въ трактатѣ „О смыслѣ сужденій“ (Герменевтика), гл. 7.

Если основное понятіе [1]), къ которому должно пріискать сопутствующіе признаки, само заключено подъ другимъ понятіемъ [какъ подъ болѣе общимъ], должно брать не то, что сопутствуетъ или не сопутствуетъ этому общему понятію—это уже дано въ основномъ понятіи (то, что свойственно животному, то присуще и человѣку, и то, что не свойственно первому, не присуще и второму [2]), но должно брать отличительныя свойства отдѣльныхъ предметовъ, которые, какъ видно, всегда имѣютъ особые признаки сравнительно съ родомъ, ибо должны же прочіе виды отличаться чѣмъ-нибудь отъ этого вида. Равнымъ образомъ, для родоваго понятія не должно брать того, чему сопутствуетъ заключенное подъ нимъ видовое, какъ, напримѣръ, для опредѣленія животнаго не должно брать того, кому присуще понятіе человѣка, ибо если уже признаки животнаго сопутствуютъ вообще человѣку, то необходимо и каждому изъ людей; признаки отдѣльнаго человѣка болѣе пригодны, когда отыскивается понятіе человѣка (вообще) [3]).

Должно брать то, что обыкновенно сопутствуетъ другому, и то, чему другое [обыкновенно] сопутствуетъ [4]), ибо умозаключеніе бываетъ именно объ обыкновенномъ и основано на посылкахъ объ обыкновенномъ, или всѣхъ или нѣкоторыхъ таковыхъ, а вѣдь заключеніе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ подобно своимъ основамъ [посылкамъ]. Замѣтимъ еще, что не должно брать того, что присуще всѣмъ понятіямъ; ибо изъ такихъ посылокъ умозаключеніе не получимо, а почему, будетъ показано ниже [5]).

---

[1]) То-есть, субъектъ доказываемаго положенія.

[2]) Точнѣе было-бы сказать: „то, что *не можетъ быть* присуще первому“ и т. д., ибо очевидно, что видовые признаки, не присущіе роду, присущи однако виду.

[3]) Смыслъ всего этого разсужденія таковъ: возьмемъ 3 понятія: родовое=А (животное), видовое=Б (человѣкъ) и индивидуальное=В (*это* существо); если мы хотимъ опредѣлить понятіе В (чтобы затѣмъ строить относительно него умозаключенія), то мы не должны брать того, что свойственно болѣе общему понятію Б (къ каковымъ признакамъ принадлежитъ и А, то-есть, животность), ибо изъ болѣе общаго мы не можемъ опредѣлить, чему свойственно частное понятіе, но должны брать индивидуальные, особенные признаки самаго В (отдѣльныхъ людей). Если же понятіе, относительно котораго мы хотимъ получить умозаключеніе, есть А, то не должно брать того, чему сопутствуетъ Б, то-есть, В (индивидуальныхъ людей).

[4]) Для построенія умозаключенія о данномъ предметѣ должно брать какъ тѣ сужденія, въ которыхъ этотъ предметъ служитъ субъектомъ (то-есть, искать, что ему сопутствуетъ), такъ и тѣ, въ которыхъ онъ служитъ предикатомъ (то-есть, искать, чему онъ сопутствуетъ).

[5]) См. слѣдующую главу.

Глава двадцать восьмая.

Объ изобрѣтеніи и построеніи умозаключеній (продолженіе).

Желая доказать какое нибудь всеобще утвердительное сужденіе должно относительно его предиката разсмотрѣть, какимъ другимъ субъектамъ бываетъ онъ свойственъ, а относительно его субъекта, какіе ему другіе предикаты присущи, и если одинъ изъ этихъ новыхъ субъектовъ совпадаетъ съ однимъ изъ новыхъ предикатовъ, то и въ доказываемомъ положеніи предикатъ присущъ субъекту [1]). Когда же доказываемое положеніе не общее, но частное, должно отыскивать понятія, которымъ, какъ субъектамъ, свойственны то и другое изъ данныхъ, и если найдется понятіе общее имъ обоимъ, то и въ доказываемомъ положеніи предикатъ будетъ присущъ части субъекта [2]). Когда же [доказываемое] положеніе всеобще отрицательное, то должно разсмотрѣть относительно субъекта отрицательнаго сужденія, что̀ ему бываетъ свойственно, а относительно предиката, — чему онъ не бываетъ присущъ, или наоборотъ: относительно субъекта — что̀ ему не бываетъ присуще, а относительно предиката—что̀ ему бываетъ присуще; и если какія-нибудь изъ этихъ понятій тождественны, то субъекту [доказываемаго положенія] вовсе не присущъ предикатъ, именно въ одномъ случаѣ это получается умозаключеніемъ по первой фигурѣ, а въ другомъ—по второй [3]). Если, наконецъ, [доказываемое] положе-

---

[1]) Пусть, напримѣръ, должно доказать, что А есть Б, и пусть А можетъ имѣть предикатомъ В, Г и Д, а Б можетъ имѣть субъектомъ В, Е и Ж; тогда В есть Б и А есть В, слѣдовательно (по первой фиг.) А есть Б, и т. д.

[2]) Пусть, напримѣръ, должно доказать, что нѣкоторые А суть Б, и пусть А имѣетъ субъектами В, Г, Д, а Б имѣетъ тоже субъектами В, Е и Ж; тогда всѣ В суть Б и всѣ В суть А, слѣдовательно (по третьей фиг.) нѣкоторые А суть Б, и т. д.

[3]) Пусть, напримѣръ, должно доказать, что ни одно А не есть Б; доказательство по *первой* фигурѣ: возьмемъ различные предикаты, свойственные А (В, Г, Д) и различные субъекты, которымъ не присуще Б (В, Ж, З); общій (средній) терминъ будетъ В, то-есть, ни одно В не есть Б, всѣ А суть В, слѣдовательно, ни одно А не есть Б; доказательство по *второй* фигурѣ: возьмемъ различные предикаты не свойственные А (В, Г, Д) и различные предикаты свойственные Б (В, Ж, З); среднимъ терминомъ для доказательства явится, слѣдовательно, В: всѣ Б суть В, ни одно А не есть В, слѣдовательно, ни одно А не есть Б. Всеобще отрицательное сужденіе кромѣ этихъ модусовъ EAE(I) и AEE(II) можетъ быть доказано еще и черезъ модусъ EAE(II), но Аристотель здѣсь объ этомъ не упоминаетъ, такъ какъ *условія для доказательства* его будутъ тѣ же, что въ модусѣ EAE(I).

ніе частно отрицательное, то должно разсмотрѣть всѣ тѣ понятія, которымъ присущъ субъектъ отрицательнаго сужденія, и всѣ тѣ понятія, которымъ не можетъ быть присущъ его предикатъ, и если одно изъ первыхъ совпадаетъ съ однимъ изъ вторыхъ, то [въ доказываемомъ положеніи] субъекту не присущъ предикатъ [1]). Каждый изъ этихъ случаевъ станетъ, можетъ быть, болѣе яснымъ изъ слѣдующаго разсужденія: пусть будетъ B то, что свойственно A; то, чему свойственно A, пусть будетъ C; а D пусть то, что не можетъ быть свойственно A; вовторыхъ, пусть будетъ F то, что свойственно E; то, чему свойственно E, пусть будетъ G; и H пусть то, что не можетъ быть свойственно E [2]). Если иные изъ C

---

[1]) Частно отрицательное сужденіе доказуемо по всѣмъ тремъ фигурамъ, но Аристотель разсматриваетъ здѣсь лишь то, какъ должно находить средній терминъ, чтобы доказать такого рода сужденіе по модусу EAO(III): этотъ средній терминъ долженъ быть общимъ субъектомъ для субъекта и для предиката доказуемаго положенія и составлять съ первымъ утвердительное сужденіе, а со вторымъ—отрицательное.

[2]) Въ слѣдующемъ Ар. доказываетъ тѣ условія для нахожденія средняго термина, которыя онъ указалъ выше. Надо именно доказать отношеніе между A и E, гдѣ E—субъектъ, A—предикатъ, причемъ сужденіе AE можетъ быть или обще—или частно утвердительнымъ, или обще- или частно отрицательнымъ Пусть

B есть предикатъ для A	F	тоже самое относительно E.
C „ субъектъ „ A	G	
D—то, чѣмъ A не можетъ	H	

Иначе говоря, пусть:

Всѣ A суть B	Всѣ E суть F
Всѣ C суть A	Всѣ G суть E
Ни одно A не D	Ни одно E не H.

Тогда представляются шесть слѣдующихъ случаевъ:

Первый случай: для того, чтобы доказать, что всѣ E суть A, C должно быть=F, ибо

Всѣ E суть F.
Всѣ C суть A.
(если F=C)

Всѣ E суть A (модусъ AAA первой фигуры).

Второй случай: для того, чтобы доказать, что нѣкоторое E суть A, C должно быть=G, ибо

Всѣ C суть A.
Всѣ G суть E.
(если C=H)

Нѣкоторые E суть A (модусъ AAI третьей фигуры).

тождественны съ иными изъ F, то необходимо слѣдуетъ, что A присуще всякому E; ибо F присуще всякому E, A — всякому C, такъ что, слѣдовательно, A присуще всякому E. Если же C то же самое, что G, необходимо слѣдуетъ, что A присуще нѣкоторымъ изъ E; ибо A присуще всякому C, E—всякому G. Если, далѣе, F тождественно съ D, A [по просиллогизму [1])] не будетъ присуще ни одному E: такъ какъ отрицательное сужденіе обратимо, и F есть то же, что D, то A не присуще ни одному F, вмѣстѣ съ тѣмъ F присуще всякому E. A не будетъ присуще ни одному E и въ томъ случаѣ, когда B тождественно съ H; ибо B присуще всякому A, слѣдовательно, E не присуще ни одному A, такъ какъ B и H то же самое, a H не присуще ни одному E. Если, далѣе, D и G то же самое,

---

Третій случай: для того, чтобы доказать, что ни одно E не есть A, F должно быть=D, ибо

Ни одно D не есть A.
Но D=F.
Слѣдовательно, ни одно F не есть A.
Всѣ E суть F.

Ни одно E не есть A (модусъ EAE первой фигуры).

Четвертый случай: для того, чтобы доказать, что ни одно E не есть A, B должно быть=H, ибо

Всѣ A суть B.
Но B=H.
Слѣдовательно, всѣ A суть H.
Ни одно E не есть H.

Ни одно E не есть A (модусъ AEE второй фигуры).

Пятый случай: для того, чтобы доказать, что нѣкоторые E не суть A, D должно быть=G, ибо

ни одно D не есть A
D=G.
Слѣдовательно ои одно G не есть A, но всѣ G суть E (ибо всѣ E суть F и всѣ F суть G)

Нѣкоторые E не суть A (модусъ EAO третьей фигуры).

Шестой случай: для того, чтобы доказать, что нѣкоторые E суть A, G должно быть=B, ибо

Всѣ A суть B
и всѣ B суть E (такъ какъ всѣ G суть E, a G=B)

Всѣ A суть E,
нѣкоторые E суть A.

[1]) „По просиллогизму", то есть черезъ особое предварительное умозаключеніе, дающее большую посылку.

А не будетъ присуще нѣкоторымъ изъ Е, ибо А не присуще ни одному G, такъ какъ не присуще ни одному D, но всѣ G заключены подъ Е, слѣдовательно, Е не присуще нѣкоторымъ А. Если, наконецъ, G то же самое, что В, получается обратное заключеніе: Е будетъ присуще всякому А, ибо В присуще всякому А, и Е—всякому В (такъ какъ G то же самое, что В); но отсюда не вытекаетъ, что А будетъ присуще всякому Е, а только, что нѣкоторымъ изъ Е, такъ какъ черезъ обращеніе всеобще утвердительнаго сужденія мы получаемъ частное.

Итакъ, мы видимъ, что должно разсматривать сужденія вышеуказанныхъ видовъ о субъектѣ и предикатѣ каждаго доказываемаго положенія: только такимъ образомъ находятся всѣ умозаключенія. При этомъ должно какъ изъ возможныхъ сказуемыхъ, такъ и изъ возможныхъ субъектовъ обращать вниманіе преимущественно на первичные и всеобщіе, такъ напримѣръ, въ сужденіяхъ объ Е предпочитать предикатъ KF простому F, или въ сужденіи, гдѣ А есть предикатъ, субъектъ КС—субъекту С [1]); ибо если KF суть А, то и К будетъ А, и Е будетъ А, если же не KF суть А, то F только въ нѣкоторыхъ случаяхъ будетъ А [2]); равнымъ образомъ, должно обращать вниманіе на то, каковъ субъектъ для А [3]), ибо если КС суть А, то и все, что заключено подъ С, будетъ тоже А; если же не КС, то заключенное подъ С лишь иногда бываетъ А.

Итакъ мы видимъ, что всякая задача рѣшается черезъ три термина и двѣ посылки, и что всѣ доказательства сводятся къ указаннымъ фигурамъ. Такъ мы доказываемъ, что всякому Е присуще А, принявъ, что С и F тождественны: они составятъ средній терминъ, а Е и А будутъ крайніе, и мы получаемъ первую фигуру. Или мы доказываемъ, что нѣкоторымъ Е присуще А, признавъ, что С и G тождественны: получается третья фигура, а въ ней G будетъ среднимъ терминомъ. Или мы доказываемъ, что ни одному Е не присуще

---

[1]) Буква К означаетъ здѣсь большую степень общности, то есть КС и FC суть родовыя понятія для видовыхъ С и F.

[2]) Буква К означаетъ *всѣ*, поэтому слова Ар. значатъ слѣдующее: „если KF суть А (и всѣ Е суть F), мы всегда получимъ выводъ: всѣ Е суть А; если же F есть А, то есть, если только нѣкоторые F суть А, то мы не можемъ доказать, что всѣ Е суть А, ибо при большей частной посылкѣ заключенія по первой фигурѣ (по которой только и можно доказывать всеобще утвердительныя сужденія) не получается“.

[3]) То есть, если онъ КС или просто С.

A, принявъ, что D и F тождественны: такимъ образомъ, получается или первая или вторая фигура: первая—съ посылками: A не присуще ни одному F (черезъ обращеніе отрицательнаго сужденія) и присуще всѣмъ E, вторая же—съ посылками: D не присуще ни одному A и всѣмъ E [1]). Или, наконецъ, мы доказываемъ, что нѣкоторымъ E не присуще A, принявъ, что D и G тождественны; получается третья фигура: A не присуще ни одному G, и E присуще всѣмъ G. Итакъ, слѣдовательно, очевидно, что всѣ доказательства ведутся черезъ указанныя фигуры. Очевидно также, что не должно выбирать такого средняго термина, который былъ бы присущъ обоимъ даннымъ, такъ какъ изъ такихъ посылокъ не получается никакого заключенія [2]): утвердительнаго заключенія вовсе не получается, когда средній терминъ есть сказуемое для крайнихъ, отрицательное же не получается потому, что обѣ посылки утвердительныя, а для полученія отрицательнаго заключенія одна изъ посылокъ должна быть утвердительной, а другая—отрицательной.

Изысканіе прочихъ случаевъ, какіе могутъ встрѣтиться при выборѣ [терминовъ], безполезно для построенія доказательствъ; таковы случаи, когда сказуемыя, присущія обоимъ крайнимъ членамъ, тождественны, или когда субъектъ, которому присуще A, тождественъ съ предикатомъ, который не можетъ быть присущъ E, или наконецъ, когда тождественны субъекты, которымъ не присущи оба крайнія понятія: изъ такихъ посылокъ не получается заключенія. Ибо если тождественны сказуемыя, присущія обоимъ понятіямъ, то-есть B и F, получается вторая фигура съ двумя утвердительными посылками; если же тождественъ субъектъ, которому присуще A, съ предикатомъ, который не можетъ быть присущъ E, то-есть C съ H, получается первая фигура съ отрицательной меньшей посылкой:

---

[1]) Сужденіе всеобще отрицательное можетъ быть доказано черезъ два модуса второй фигуры: AEE и EAE; выше Ар. приводилъ первое доказательство (см. примѣчаніе выше, *четвертый случай*); здѣсь же беретъ второе, имѣющее слѣдующій видъ:

Ни одно A не есть D.
Всѣ E суть D (ибо всѣ E суть F и D=F!).
―――――――――――――――
Ни одно E не есть A.

[2]) Если мы возьмемъ средній терминъ, который присущъ и большему и меньшему, то получимъ вторую фигуру съ двумя утвердительными посылками; такіе модусы не даютъ заключенія, какъ то мы видѣли выше (гл. 5).

если, наконецъ, тождественны субъекты, которымъ не присущи ни А, ни Е, то-есть D тождественно съ Н, получается первая или вторая фигура съ двумя отрицательными посылками: при всѣхъ такихъ отношеніяхъ заключеній никогда не получается [1]).

---

[1]) Мы видимъ теперь, что Ар. дѣйствительно разобралъ всѣ возможные случаи доказательствъ данныхъ сужденій. Эти доказуемыя сужденія могутъ быть или всеобщими или частными, или утвердительными или отрицательными, и, какъ всякое сужденіе, заключаютъ въ себѣ субъектъ (Е) и предикатъ (А). Но всякое сужденіе можетъ быть доказано лишь черезъ отысканіе средняго термина, могущаго составить сужденіе какъ съ А, такъ и съ Е, то-есть, черезъ отысканіе двухъ посылокъ: объ А и Е. Изъ такихъ возможныхъ посылокъ, образованныхъ изъ терминовъ А и Е со среднимъ терминомъ, мы беремъ лишь общія (объ основаніи этого см. выше въ текстѣ, о понятіяхъ КС и FC). Но терминъ А можетъ быть въ посылкѣ или субъектомъ или предикатомъ, а посылка можетъ быть или утвердительной или отрицательной; слѣдовательно, три случая: А есть В, С есть А, и А не есть D исчерпываютъ (схематически) *всѣ возможные* виды большей посылки (сужденіе D не есть А, какъ вполнѣ обратимое, не составляетъ особеннаго вида). Совершенно таковы же три возможныхъ вида меньшей посылки, именно Е есть F, G есть Е, и Е не есть Н. Какъ показано выше, для полученія доказательства, то-есть, заключенія объ отношеніи А къ Е, посылки должны имѣть общее среднее понятіе, то-есть, или В, или С, или D должно быть тождественно съ F, или G, или Н. Въ предыдущемъ Ар. разсмотрѣлъ шесть изъ возможныхъ случаевъ этой тождественности (C=F, C=G, F=G, B=H, D=G и B=G) и показалъ, для какихъ доказательствъ они пригодны; оставались, слѣдовательно, еще три возможныхъ случая (B=F, C=H и D=H), но теперь Ар. разсмотрѣлъ и ихъ, показавъ, что они безполезны для доказательствъ. Итакъ, Ар. разобралъ *всѣ возможные* способы, какими только можетъ быть доказуемо черезъ простой силлогизмъ любое данное сужденіе. Онъ разрѣшилъ, слѣдовательно, ту задачу, которая обратна первой, поставленной въ первыхъ главахъ этой книги: первая задача была такова: по даннымъ посылкамъ найдти всѣ возможныя заключенія; вторая же ей обратная: по данному заключенію найдти всѣ возможныя его доказательства. Результатъ этого втораго изслѣдованія можетъ быть сгрупированъ въ слѣдующей табличкѣ, въ которой первый столбецъ показываетъ свойство большей посылки, второй—меньшей, третій—заключенія:

AB — { EF — нѣтъ заключенія.
EG — модусъ AAA перв. фиг. (обратное заключеніе).
EH — модусъ AEE второй фиг. }

AC — { EF — модусъ AAA перв. фиг.
EG — модусъ AAI третьей фиг.
EH — нѣтъ заключенія. }

AD — { EF — модусъ EAE перв. фиг. и EAE второй.
EG — модусъ EAO третьей фиг.
EH — нѣтъ заключенія. }

(*Waitz*, Org., I, p. 451).

Мы видимъ, далѣе, что для доказательства должно брать тѣ понятія, которыя тождественны, а не тѣ. что различны или противуположны, вопервыхъ, потому что изысканіе направлено именно къ отысканію средняго термина, а вовторыхъ, потому что и тѣ случаи, когда умозаключеніе получается черезъ понятія противуположныя или не могущія быть присущими одному и тому же, сводимы къ разсмотрѣннымъ видамъ; пусть, напримѣръ B и F противуположны или не могутъ быть присущи одному и тому же, при такихъ понятіяхъ получается заключеніе, что ни одному A не присуще E [1]), но не изъ самыхъ этихъ понятій (B и F), а по вышеуказанному способу, ибо если B присуще всякому A и не одному E, то B уже было тождественно съ нѣкоторыми изъ H [2]); пусть, далѣе, B и G не могутъ быть присущи одному и тому же, тогда A не будетъ присуще нѣкоторымъ изъ E, именно мы имѣемъ здѣсь вторую фигуру: B присуще всякому A и не всякому E [3]); но и здѣсь слѣдовательно, B уже должно было быть тождественно съ нѣкоторымъ изъ H, ибо выраженіе „B и G не могутъ быть присущи одному и тому же“ выражаетъ именно то же самое, что B тождественно съ нѣкоторыми изъ G: вѣдь G и означало все, что не присуще E.

Мы видимъ, слѣдовательно, что изъ такихъ изысканій [противуположнаго, а не тождественнаго] не получается непосредственно никакого умозаключенія, и что если B и F противоположны, то B уже должно было быть тождественно съ нѣкоторыми изъ H, такъ что заключеніе получается именно черезъ это тождество. Поэтому выходитъ, что тотъ, кто отыскиваетъ противуположности, ищетъ другого пути, чѣмъ необходимый, позабывая, что B и H то же самое.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Объ изобрѣтеніи и построеніи умозаключеній (продолженіе).

Въ доказательствахъ черезъ сведеніе къ невозможному мы находимъ тѣ же отношенія, что въ доказательствахъ прямыхъ: они тоже получаются черезъ предикаты и субъекты для двухъ данныхъ терминовъ, и въ обоихъ родахъ доказательствъ разыскивается одно и

---

[1]) B присуще всякому A и не присуще ни одному E (ибо B не присуще ни одному F, и F всякому E); слѣдовательно, A не присуще ни одному E.

[2]) Ибо подъ H мы и разумѣемъ вообще все, что не присуще ни одному E.

[3]) Всѣ A суть B, и нѣкоторыя E не суть B (ибо всѣ B не суть G, и нѣкоторыя E суть G), слѣдовательно, нѣкоторыя E не суть A.

то же [1]); такъ что то, что доказывается прямо, можетъ быть черезъ тѣ же термины доказано сведеніемъ къ невозможному, а то, что доказано сведеніемъ къ невозможному,—доказано прямо [2]). Пусть, напримѣръ, должно доказать, что A не присуще ни одному E; предположимъ, что оно нѣкоторымъ изъ E присуще; тогда B присуще всякому A, и A присуще нѣкоторымъ E, слѣдовательно, B присуще нѣкоторымъ E; задано однако, что оно не присуще ни одному [3]); или докажемъ, вовторыхъ, что A присуще нѣкоторымъ изъ E: если бы оно не было присуще ни одному E, то такъ какъ E присуще всякому H, A не было бы присуще ни одному G; задано однако, что оно присуще всѣмъ G [4]). То же самое имѣетъ мѣсто и относительно другихъ задачъ: всегда и во всѣхъ случаяхъ доказательство отъ невозможнаго ведется черезъ субъекты и предикаты обоихъ данныхъ терминовъ, и для всякой задачи одно и то же служитъ основаніемъ, когда мы хотимъ прямо вести умозаключеніе и когда сводимъ къ невозможному. Что оба рода доказательствъ ведутся черезъ одни и тѣ же понятія, видно изъ примѣра; положеніе „A не присуще ни одному E“ доказывается въ обоихъ случаяхъ тѣмъ, что иначе B было бы присуще нѣкоторымъ изъ E, что невозможно: или, вопервыхъ, мы принимаемъ, что B не присуще ни одному E и присуще всякому A, тогда A, очевидно, не будетъ присуще ни одному E; или, вовторыхъ, положеніе „A не присуще ни одному E“—доказуемое прямо—будетъ доказано черезъ сведеніе къ невозможному, если мы примемъ, что A присуще нѣкоторымъ изъ E [5]); то же самое имѣетъ мѣсто и въ про-

---

[1]) То-есть, одинъ и тотъ же средній терминъ.

[2]) Можетъ показаться, что это противорѣчитъ тому, что самъ Аристотель показалъ выше, а именно, что есть модусы (AOO второй фигуры и OAO третьей), которые не доказуемы прямо. Однако, должно помнить, что здѣсь идетъ рѣчь не о всѣхъ модусахъ вообще, а только о тѣхъ, въ которыхъ обѣ посылки всеобщія, а такіе всѣ доказуемы и прямо, и черезъ сведеніе къ невозможному.

[3]) Это доказательство отъ невозможнаго ведется, слѣдовательно, при томъ же условіи, что и соотвѣтственное прямое (см. примѣч. къ предыдущей главѣ: *четвертый случай*), то-есть, въ предположеніи, что B есть H, то-есть, не присуще ни одному E.

[4]) Это доказательство отъ невозможнаго соотвѣтствуетъ доказательству прямому, приведенному въ предыдущей главѣ (примѣчаніе: *второй случай*), то-есть, ведется въ предположеніи, что всѣ C (которыя всѣ суть A) суть G.

[5]) Доказательства отъ невозможнаго и доказательства прямыя ведутся, говоритъ Ар., черезъ одни и тѣ же понятія; такъ напримѣръ, пусть должно доказать, что ни одно E не есть A (ср. примѣчаніе къ предыдущей главѣ: *четвертый случай*):

чихъ случаяхъ: во всѣхъ нихъ необходимо найдти нѣкоторый общій терминъ, отличный отъ данныхъ, относительно котораго и получается заключеніе о ложномъ [1]; взявъ же противуположное этому заключенію сужденіе за одну изъ посылокъ, а вторую посылку оставивъ тою же, мы получимъ прямое умозаключеніе съ тѣми же понятіями; такъ, что отличіе прямого умозаключенія отъ умозаключенія черезъ невозможное состоитъ въ томъ, что въ прямомъ—обѣ посылки взяты истинными, а во второмъ—одна взята ложною.

Это станетъ болѣе яснымъ впослѣдствіи, когда мы скажемъ о невозможномъ: теперь же замѣтимъ только, что желаемъ ли мы вести доказательство прямо или черезъ сведеніе къ невозможному, мы должны искать одного и того же [2]. Въ прочихъ же умозаключеніяхъ черезъ предположенное условіе, какъ напримѣръ, въ умозаключеніяхъ черезъ перемѣну [3], или въ умозаключеніяхъ по качеству [4], доказательство основано на заранѣе принятомъ, причемъ это заранѣе принятое и не есть нѣчто прямо утверждаемое, но категорически утверждаемое условное [5], способъ же нахожденія [средняго термина] опять тотъ же самый. Приэтомъ должно, однако, помнить, что эти умозаключенія черезъ предположенное условіе бываютъ разныхъ видовъ, и [строго] различать ихъ.

Итакъ, каждое положеніе доказуемо указаннымъ образомъ, но

доказательство отъ невозможнаго: — *прямое доказательство:*

всѣ A суть B ——— всѣ A суть B

(предположимъ, что) нѣкот. E суть A ╳ ни одно E не есть B

нѣкот. E суть B, ╳ ни одно E не есть A

что невозможно

[1]) Въ выше приведенномъ примѣрѣ этотъ общій терминъ есть, очевидно, B. Для уясненія сказаннаго Аристотелемъ въ столь сжатой формѣ приведемъ еще одинъ примѣръ: пусть должно доказать, что всѣ E есть A:

доказательство отъ невозможнаго: — *доказательство прямое:*

всѣ E суть F ——— всѣ E суть F

нѣкот. E не суть A ╳ всѣ F суть A

нѣкот. F не суть A, ╳ всѣ E суть A

что невозможно

Общій терминъ есть F(=C), ср. предыдущую главу, въ примѣч., случай первый.

[2]) То-есть, выше указаннаго общаго термина (въ первомъ примѣрѣ—B, во второмъ F).

[3]) То-есть, черезъ „взятое въ иномъ смыслѣ условное положеніе", о чемъ см. выше, гл. 23.

[4]) Какія это умозаключенія, въ точности не извѣстно.

[5]) См. выше, гл. 23.

кромѣ того иныя изъ положеній могутъ быть доказаны и особымъ способомъ; такъ общія положенія можно доказывать изъ посылокъ, дающихъ [обыкновенно] частное заключеніе, прибавивъ къ нимъ нѣкоторое особое условіе; если, напримѣръ C и G то же самое, а E присуще однимъ только G, то A присуще всякому E; или, вовторыхъ, если D и G то же самое, а E присуще однимъ только G, то A не будетъ присуще ни одному E [1]).

Такимъ же способомъ доказуемы и положенія о возможности и необходимости: порядокъ изысканія здѣсь тотъ же, и заключенія получаются черезъ тѣ же термины, идетъ-ли рѣчь о возможномъ или о необходимомъ. Къ возможному относится и то, что не существуетъ, но можетъ быть, ибо доказано, что и изъ такихъ посылокъ получается заключеніе о возможномъ. То же должно сказать и о прочихъ родахъ связи между предикатомъ и субъектомъ.

Изъ сказаннаго не только явствуетъ, что всѣ заключенія могутъ быть получены по этому методу, но и то, что они не получимы ни по какому другому. Ибо выше было доказано, что всякое заключеніе получается лишь по какой-нибудь изъ разсмотрѣнныхъ фигуръ; а эти послѣднія не могутъ быть построены иначе, какъ черезъ предикаты и субъекты каждаго изъ данныхъ терминовъ: только черезъ нихъ получаются посылки и находится средній терминъ; слѣдовательно, никакое заключеніе не можетъ быть получено по какому-нибудь другому методу.

---

[1]) Условіе, которое мы здѣсь прибавляемъ, состоитъ въ опредѣленіи объема сказуемаго (такъ-называемая квантификація предиката), вслѣдствіе чего всеобще утвердительныя сужденія, снабженныя такимъ условіемъ, могутъ быть обращаемы во всеобщія же. Поэтому мы можемъ, при такомъ условіи, получить общія заключенія тамъ, гдѣ обыкновенно получаются лишь частныя, а именно:

а) Пусть по прежнему C=G (примѣчаніе къ предыдущей главѣ: *второй случай*), и кромѣ того условимся, что E присуще *только* однимъ G; тогда

всѣ G суть A (ибо C=G)
всѣ E суть G (ибо сужденіе „всѣ G суть H", благодаря прибавленному условію, вполнѣ обратимо)

всѣ E суть A

б) Пусть D=G (ср. предыдущую главу, примѣчаніе: *пятый случай*) и кромѣ того условимся, что E свойственно *только* однимъ G, тогда

ни одно G не есть A (ибо D=G)
всѣ E суть D (ибо всѣ D суть E)

ни одно E не есть A.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

О примѣнимости разсмотрѣннаго метода.

Методъ [для доказательства] всегда одинъ и тотъ же и въ философіи, и во всякомъ искусствѣ, и въ наукѣ; должно именно искать предикаты и субъекты къ каждому изъ данныхъ термину, собирать ихъ возможно больше и разсматривать [подъ формой] трехъ терминовъ, извѣстнымъ образомъ при доказательствѣ, и извѣстнымъ — при опроверженіи; и когда дѣло идетъ о несомнѣнномъ заключеніи, выводить его изъ того, что принято какъ несомнѣнно существующее, а когда — о діалектическомъ, — изъ правдоподобныхъ посылокъ [1]). Объ основахъ же умозаключеній [2]) вообще уже сказано, и какъ онѣ соотносятся, и какъ ихъ должно находить, а именно что не должно ихъ загромождать всѣмъ, что можетъ быть высказано, и что не на одно и то же должно обращать вниманіе, когда мы доказываемъ нѣчто и когда опровергаемъ, и когда доказываемъ нѣчто обо всемъ и когда—о части, и когда опровергаемъ всеобщее положеніе, и когда—частное; но должно обращать вниманіе на немногое и точно опредѣленное; и въ каждомъ случаѣ дѣлать изъ всего существующаго выборъ, какъ то дѣлается, напримѣръ, относительно блага или знанія; ибо многіе признаки составляютъ характерныя свойства каждой вещи. Поэтому отысканіе основъ [для умозаключенія] въ каждомъ случаѣ должно предоставить опытному знанію, напримѣръ, основъ для теоретической астрономіи—астрономическому опыту: разъ будетъ наблюдено достаточное число явленій, найдутся такимъ образомъ и астрономическія доказательства; то же самое должно сказать и о всякомъ другомъ искусствѣ и наукѣ.

Такъ что, если факты относительно даннаго предмета собраны, наше уже будетъ дѣло быстро привести въ ясность доказательства; если при фактическомъ изслѣдованіи не упущено ни одно изъ истинныхъ свойствъ предмета, мы будемъ въ состояніи для всего допускающаго доказательства найти это послѣднее и доказать, а относительно того, о чемъ не можетъ быть доказательства, привести въ ясность эту невозможность.

Итакъ, мы изложили въ общихъ чертахъ, какимъ образомъ должно

---

[1]) О діалектическихъ сужденіяхъ см. гл. 1.

[2]) То-есть, о посылкахъ.

находить посылки; точнѣе это будетъ разсмотрѣно въ ученіи о діалектикѣ [1]).

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Объ употребленіи и злоупотребленіи раздѣленіями [2]).

Легко усмотрѣть, что раздѣленіе по родамъ составляетъ только незначительную часть вышеизложеннаго метода, ибо [само по себѣ] оно есть лишь какъ бы безсильное умозаключеніе, именно въ немъ то, что должно быть доказано, постулируется [3]), а умозаключается [вмѣсто того] къ одному изъ общихъ понятій. Это обстоятельство укрылось отъ всѣхъ, употреблявшихъ раздѣленіе, и они пытались показать, что раздѣленіе можетъ служить доказательствомъ для сущности и сущаго; то-есть, они не поняли ни того, что дѣлая раздѣленіе, они уже строятъ умозаключеніе, ни того, что это умозаключеніе именно того рода, какъ мы сказали [4]). Во всѣхъ доказательствахъ, когда приходится строить умозаключеніе о существованіи чего-либо, необходимо искать средній терминъ, черезъ который только и получается умозаключеніе, и который долженъ быть меньше [по объему] перваго изъ крайнихъ терминовъ, а не составлять его рода; доказывающій же черезъ раздѣленіе поступаетъ иначе: онъ беретъ за средній терминъ родовое понятіе. Пусть, напримѣръ, A есть животное, B—смертное, C—безсмертное существо, а D пусть будетъ человѣкъ, понятіе которое и должно опредѣлить; принимается, что всякое животное бываетъ или смертнымъ, или безсмертнымъ, то-есть, все, что входитъ въ составъ A, должно быть или B, или C; далѣе о человѣкѣ, при доказательствѣ черезъ раздѣленіе, всегда утверждается, что онъ есть животное, то-есть, признается, что A присуще D; слѣдовательно, заключеніе получается такое: всякое D есть или B или C; а то, что человѣкъ есть смертное животное—это съ необходимостью [изъ предыдущаго] не вытекаетъ, и только постулируется, тогда какъ это-то и есть то положеніе, что должно было доказать [5]). Или, напримѣръ,

---

[1]) То-есть, въ „Топикѣ", составляющей четвертый трактатъ „Органа".

[2]) Эти критическія замѣчанія направлены преимущественно противъ Платона.

[3]) A не доказывается. О такихъ ошибкахъ вообще см. во второй книгѣ гл. 16 (о предвосхищеніи вывода).

[4]) То-есть, не доказываетъ, а только постулируетъ выводъ.

[5]) Доказательство черезъ дѣленіе имѣетъ здѣсь слѣдующій видъ: A есть, или B, или C, D есть A, слѣдовательно (яко-бы) D есть B (между тѣмъ какъ въ дѣйствительности слѣдуетъ лишь, что D есть или B, или C).

берутъ А = смертное животное, В = имѣющій ноги, С=неимѣющій ногъ и D=человѣкъ, и по прежнему утверждаютъ, что А заключено или въ В, или въ С (всякое смертное животное или имѣетъ ноги или нѣтъ), и что D есть А (признается, что человѣкъ есть смертное животное); отсюда съ необходимостью слѣдуетъ лишь то, что человѣкъ есть животное или имѣющее ноги, или нѣтъ, но что онъ есть животное, имѣющее ноги, отсюда не вытекаетъ, и тѣмъ не менѣе утверждается, хотя это-то, по прежнему, и есть то положеніе, что должно было доказать. Такимъ же образомъ и всегда тому, кто употребляетъ дѣленіе [какъ доказательство], приходится общее понятіе принимать за средній терминъ, а то, о чемъ должно быть нѣчто доказано и видовыя различія — за крайніе [1]; въ концѣ же концовъ выходитъ, что [например̂ъ] о человѣкѣ или о какомъ-нибудь другомъ изслѣдуемомъ понятіи употребившій такое доказательство ничего опредѣленно сказать не можетъ такъ, чтобы это было необходимымъ слѣдствіемъ; онъ стремится все впередъ по совершенно другому [чѣмъ должный] пути, не заботясь даже о могущихъ встрѣтиться удобныхъ для доказательства случаяхъ. Очевидно также, что по этому методу нельзя построить ни опроверженій, ни умозаключеній о случайныхъ или отличительныхъ признакахъ, или о родѣ, или о тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ неизвѣстно, имѣетъ-ли такая-то вещь такія-то свойства, какъ, напримѣръ, діагональ соизмѣрима-ли [со стороною квадрата]: если мы примемъ, что всякая длина бываетъ или соизмѣримой, или несоизмѣримой, и что діагональ имѣетъ длину, то слѣдуетъ только, что діагональ или соизмѣрима, или несоизмѣрима; а если мы станемъ утверждать, что діагональ несоизмѣрима, то будемъ утверждать лишь то, что еще должно быть доказано; такъ что доказательство здѣсь вообще отсутствуетъ; ибо методъ здѣсь тотъ же [что въ приведенныхъ выше примѣрахъ], а черезъ такой методъ невозможно получать заключенія; здѣсь А=соизмѣримая или несоизмѣримая величина, В=длина, С=діагональ. Итакъ мы видимъ, что такой способъ изысканія приложимъ не во всякомъ изслѣдованіи, и что даже тамъ, гдѣ онъ, повидимому, наиболѣе пригоденъ, онъ безполезенъ.

---

[1]) Такъ въ послѣднемъ примѣрѣ среднимъ терминомъ служитъ общее понятіе „смертное животное", бóльшимъ — „смертное животное, имѣющее ноги и неимѣющее ногъ", а меньшимъ — „человѣкъ" (то, о чемъ нѣчто должно быть доказано).

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

О томъ, какъ данныя разсужденія сводить къ тремъ фигурамъ.

Изъ предыдущаго мы знаемъ, изъ какихъ посылокъ и какимъ образомъ получаются доказательства, и на что должно обращать вниманіе въ каждой задачѣ. Послѣ этого остается еще объяснить. какъ сводить умозаключенія къ указаннымъ фигурамъ — это послѣдній вопросъ нашего изслѣдованія. Если именно мы объяснили происхожденіе умозаключеній, дали возможность ихъ находить и сверхъ того научились разрѣшать уже полученныя умозаключенія на указанныя фигуры, то задача, которую мы изначала себѣ поставили, будетъ разрѣшена. Вмѣстѣ съ тѣмъ изложенное выше получитъ, благодаря этому новому изслѣдованію, бо̀льшую твердость и ясность, ибо все истинное должно быть согласно съ самимъ собою во всѣхъ своихъ частяхъ.

Прежде всего должно стараться выдѣлять обѣ посылки умозаключенія (ибо легче разлагать цѣлое на большія части, чѣмъ на меньшія, а сложное больше, чѣмъ то, изъ чего оно сложено) [1]; затѣмъ слѣдуетъ разсматривать, которое изъ положеній общее, которое—частное, и если не обѣ посылки даны, то самому присоединить другую; именно иногда случается, что предлагая общее положеніе, не высказываютъ однако того, что въ немъ [скрытно] заключено, ни прямо, ни въ видѣ вопроса; или иногда предлагаютъ обѣ посылки, но на чемъ онѣ основаны, оставляютъ въ сторонѣ, а [вмѣсто того] ставятъ пустые вопросы. Итакъ, должно смотрѣть, не взято-ли чего лишняго и не упущено-ли чего необходимаго, и второе — прибавлять, а первое — оставлять, пока мы не придемъ [наконецъ] къ двумъ посылкамъ, ибо безъ нихъ нельзя свести изслѣдуемое разсужденіе [къ формѣ умозаключенія]. Иногда бываетъ легко замѣтить недостающее, но иногда оно скрыто, и намъ кажется, что мы имѣемъ умозаключеніе, такъ какъ нѣчто вытекаетъ съ необходимостью; такъ напримѣръ если признать, что субстанція уничтожима лишь черезъ уничтоженіе самой субстанціи, и что черезъ уничтоженіе того, изъ чего нѣчто состоитъ, уничтожается и это послѣднее,—если признать это, то съ необходимостью слѣдуетъ, что часть субстанціи есть тоже субстанція; однако это не есть

---

[1]) То-есть легче выдѣлить въ данномъ разсужденіи посылки (сложное и, слѣдовательно, большее), чѣмъ термины (простое и меньшее).

заключеніе изъ сказаннаго и [настоящія] посылки здѣсь отсутствуютъ [1]). Или — второй примѣръ — если признано, что разъ существуетъ человѣкъ, необходимо существовать и животному, и разъ существуетъ животное, то должна быть и субстанція, и если, далѣе, человѣкъ [дѣйствительно] существуетъ, съ необходимостью вытекаетъ, что и субстанція существуетъ; однако это не умозаключеніе, ибо посылки не такъ соотносятся, какъ то требуется: насъ вводитъ здѣсь въ заблужденіе то [обстоятельство], что изъ положеннаго въ основаніе нѣчто съ необходимостью вытекаетъ, а заключеніе есть тоже нѣчто необходимое; однако „необходимое" есть болѣе широкое понятіе чѣмъ заключеніе: всякое заключеніе необходимо, но не все необходимое есть заключеніе. Итакъ, если нѣчто слѣдуетъ изъ утвержденія чего либо иного, не должно пытаться сразу свести [такое разсужденіе къ указаннымъ фигурамъ], но прежде должно найдти двѣ посылки, затѣмъ раздѣлить ихъ на термины и принять за средній тотъ, который заключенъ въ обѣихъ посылкахъ: средній терминъ при всѣхъ фигурахъ долженъ находиться въ обѣихъ посылкахъ. Если средній терминъ присущъ одному изъ крайнихъ, а другой—ему присущъ, или если одному—онъ присущъ, а другой—ему не присущъ, то это первая фигура; если онъ присущъ и не присущъ [крайнимъ]—вторая, а если ему крайнія присущи или не присущи — третья; таковы отношенія средняго термина во всѣхъ фигурахъ; и тѣ же отношенія имѣютъ мѣсто, если посылки не всеобщія, такъ какъ опредѣленіе средняго термина остается тѣмъ же. Слѣдовательно, то разсужденіе, въ которомъ одинъ и тотъ же терминъ не повторяется, не есть умозаключеніе, такъ какъ въ немъ нѣтъ средняго термина. Зная теперь, какія задачи разрѣшимы по

---

[1]) Умозаключеніе, на которое намекаетъ здѣсь Ар., было-бы въ своей истинной формѣ таково: все то, черезъ уничтоженіе чего уничтожается субстанція, само есть субстанція; уничтоживъ части субстанціи, мы уничтожимъ ее самое; слѣд., части субстанціи суть тоже субстанціи. Въ приведенномъ же въ текстѣ доказательствѣ нѣтъ ни той, ни другой изъ этихъ посылокъ: вмѣсто большей посылки тамъ поставлено положеніе, ему по смыслу тождественное, а вмѣсто меньшей (уничтоживъ части субстанціи мы уничтожимъ ее самое) положеніе, составляющее большую посылку для ея доказательства. Этотъ просиллогизмъ, котораго выводъ составляетъ меньшую посылку главнаго искомаго умозаключенія, очевидно, будетъ таковъ: „черезъ уничтоженіе того, изъ чего нѣчто состоитъ, уничтожается и это послѣднее"; субстанція состоитъ изъ частей субстанціи; слѣд., черезъ уничтоженіе частей субстанціи уничтожается сама субстанція.

каждой фигурѣ, и по какой фигурѣ—общія, а по какой—частныя, мы видимъ, что должно обращать вниманіе не вообще на всѣ фигуры, но на ту, что приличествуетъ данной задачѣ; а въ тѣхъ задачахъ, которыя разрѣшимы по нѣсколькимъ фигурамъ, мы должны находить каждую по положенію средняго термина.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

При сведеніи къ умозаключеніямъ должно обращать вниманіе на объемы понятій.

Какъ выше было указано, намъ часто случается впадать въ ошибки относительно силлогизма изъ-за неправильно понятой необходимости. Иногда же насъ вводитъ въ заблужденіе сходство взятыхъ понятій, и это обстоятельство не должно отъ насъ укрываться. Если, напримѣръ, А присуще В, а В присуще С, то казалось-бы, что при такихъ отношеніяхъ понятій получается заключеніе; и однако не получается никакого необходимаго вывода, ни умозаключенія; если напримѣръ А вѣчность, В — мыслимый Аристоменъ, С — Аристоменъ; А дѣйствительно присуще В, ибо мыслимый Аристоменъ имѣетъ вѣчное бытіе, и В присуще С, ибо и Аристоменъ есть мыслимый Аристоменъ, однако А не присуще С, ибо Аристоменъ смертенъ; такъ что при такихъ отношеніяхъ терминовъ заключенія не получается; для заключенія надо-бы взять посылку АВ — всеобщей, но это (именно, что *всякій* мыслимый Аристоменъ имѣетъ вѣчное бытіе) ложно, такъ какъ Аристоменъ смертенъ [1]). Второй примѣръ: пусть С будетъ Миккалъ, В — музыкантъ Миккалъ и А — тотъ, кого завтра не будетъ; С дѣйствительно есть В, ибо музыкантъ Миккалъ есть Миккалъ, но и В есть А, ибо мы можемъ предположить, что музыканта Миккала завтра не будетъ; и однако, какъ въ предыдущемъ примѣрѣ, можно утверждать, что С есть А, ибо невѣрно, что музыканта Миккала завтра вообще не будетъ; а безъ этого не получается заключенія [2]).

---

[1]) Ошибка здѣсь заключается въ сходствѣ взятыхъ терминовъ, или точнѣе, въ двусмысленности одного изъ нихъ: „мыслимый Аристоменъ“ означаетъ какъ воображаемаго Аристомена, такъ и реальнаго (С), но въ большей посылкѣ онъ принимается въ первомъ смыслѣ, а въ меньшей — во второмъ.

[2]) Выраженіе „музыканта Миккала завтра не будетъ“ означаетъ какъ то, что Миккалъ перестанетъ быть музыкантомъ, такъ и то, что онъ вообще умретъ.

Эти ошибки основаны на весьма тонкомъ различіи, ибо мы не можемъ не согласиться, что выраженіе „нѣчто присуще тому-то“ [повидимому] ничѣмъ не отличается отъ выраженія „нѣчто присуще всему тому-то“

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Ошибки, происходящія отъ неправильнаго выраженія понятій.

Ошибка часто зависитъ отъ неправильнаго выраженія терминовъ въ посылкѣ, какъ напримѣръ, когда А есть здоровье, В — болѣзнь, С—человѣкъ, правильно утверждать, что А необходимо не присуще ни одному В (ни одна болѣзнь необходимо не есть здоровье), и даже, что В присуще всякому С (всякій человѣкъ подверженъ болѣзни); казалось-бы, что отсюда вытекаетъ, что ни одному человѣку не присуще здоровье [1]. Причина этого неправильная по обороту постановка терминовъ; ибо если мы измѣнимъ ихъ на выраженія состоянія, именно если вмѣсто „здоровья“ возьмемъ „здороваго“ и вмѣсто „болѣзни“ — больнаго, то [прежняго] заключенія уже не получится, ибо невѣрно сказать, что больному не можетъ стать присуще здоровье, а безъ этой посылки заключенія не получается, или развѣ что о возможности; и это послѣднее [дѣйствительно] мыслимо, такъ какъ можетъ случиться, что не будетъ ни одного здороваго человѣка. Та же ошибка получается и по второй фигурѣ: здоровье не можетъ быть присуще ни одной болѣзни и можетъ быть присуще всякому человѣку, слѣдовательно-де болѣзнь не присуща ни одному человѣку [2]. Въ третьей же фигурѣ ошибка состоитъ въ признаніи возможности [3], ибо хотя и здоровье, и болѣзнь, и знаніе, и невѣжество, и вообще всѣ противоположности могутъ быть свойственны одному и тому же, но онѣ не могутъ быть присущи другъ другу. Однако, это несогласно съ тѣмъ, что было сказано выше, именно, что когда различные термины могутъ быть свойственны одному и тому же, они могутъ быть свойственны и другъ другу [4].

---

[1] По модусу E, $A_{//}$ E первой фигуры.

[2] По модусу E, $A_{//}$ E.

[3] Это ложное заключеніе по третьей фигурѣ будетъ таково: здоровье можетъ быть присуще всякому человѣку, болѣзнь можетъ быть тоже присуща всякому, слѣд. де (по модусу $A_{//}$ $A_{//}$ $I_{//}$) нѣкоторыя болѣзни могутъ быть здоровьемъ.

[4] Указывая на противорѣчіе, Аристотель не поясняетъ, какъ устранить его. Легко однако понять, что причина здѣсь та же неправильность въ выраже-

Мы видимъ, слѣдовательно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ ошибка происходитъ отъ [неправильнаго] выраженія терминовъ, но, измѣнивъ его на выраженіе „находящійся въ такомъ-то состояніи", мы устраняемъ ошибку; такъ что при такихъ посылкахъ, очевидно, всегда должно брать вмѣсто состояній то, что ихъ имѣетъ, и полагать это послѣднее, какъ терминъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Нѣкоторые термины не могутъ быть выражены однимъ словомъ.

Нѣтъ нужды стараться всегда выражать термины умозаключенія однимъ словомъ, ибо часто попадаются понятія, для которыхъ нѣтъ [опредѣленнаго] слова. Вслѣдствіе этого такія умозаключенія трудно сводить [къ указаннымъ фигурамъ]; а иногда это стараніе сводить ведетъ даже къ ошибкамъ, именно если дѣлается умозаключеніе о томъ, что не имѣетъ середины [1]). Пусть, напримѣръ, А — два прямыхъ угла, В—треугольникъ, С—равнобедренный; здѣсь А присуще С черезъ В; но положеніе, что А свойственно В, не доказуемо черезъ [простой] средній терминъ: именно треугольникъ *самъ по себѣ* имѣетъ углы равные двумъ прямымъ [2]), такъ что нѣтъ [такого] средняго термина для АВ, хотя это положеніе и доказуемо. Отсюда явствуетъ, что среднимъ членомъ не всегда берется нѣчто опредѣленное, но иногда и цѣлое положеніе, какъ то имѣетъ мѣсто и въ приведенномъ примѣрѣ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

О грамматической формѣ посылокъ.

Когда мы говоримъ, что большій терминъ присущъ среднему и средній—меньшему, то это не должно понимать исключительно такъ,

---

ніи терминовъ, которая была уже замѣчена въ двухъ первыхъ фигурахъ: связь между болѣзнью и здоровьемъ установлена лишь черезъ понятіе человѣка, и потому оба эти термина необходимо должны получить значенія свойствъ: всякій человѣкъ можетъ быть здоровымъ, всякій — можетъ быть больнымъ; а въ такомъ случаѣ заключеніе совершенно истинно: иные изъ больныхъ могутъ быть (то-есть, стать) здоровыми.

[1]) Подъ серединой Ар. разумѣетъ средній терминъ, выраженный однимъ словомъ.

[2]) Равнобедренный же треугольникъ имѣетъ сумму внутреннихъ угловъ, равную двумъ прямымъ, не *самъ по себѣ*, а въ качествѣ треугольника вообще (всѣ В имѣютъ А, С есть В, слѣд. и С имѣетъ А).

что одни суть свойства другихъ, или что первый присущъ среднему въ томъ же смыслѣ, въ какомъ средній—послѣднему—и то же самое относительно отрицательныхъ посылокъ;—напротивъ, сколько значеній имѣетъ слово „есть" или выраженіе „это истинно можетъ быть опредѣлено какъ то-то", во стольких же значеніяхъ долженъ быть принимаемъ и терминъ „присуще". Возьмемъ, напримѣръ, положеніе „о противоположностяхъ существуетъ одна и та же наука" и пусть А = быть одной и тою же наукой и В = взаимно противоположное; здѣсь А присуще В не въ томъ смыслѣ, что взаимно противоположныя вещи и составляютъ науку, но въ томъ, что правильно-де утверждать, что эти вещи изучаются одною и тою же наукой.

Иногда случается, что первый терминъ приписывается среднему, но среднее нельзя приписать прямо меньшему; если, напримѣръ, мудрость есть наука, и мудрость есть знаніе о благѣ, получается заключеніе, что знаніе о благѣ есть наука; здѣсь не благо есть наука, а только мудрость [знаніе о благѣ] есть наука [1]. Бываетъ также, что средній терминъ приложимъ къ третьему, а большій къ среднему [прямо] не приложимъ; если напримѣръ, о всемъ качественномъ и имѣющемъ противоположности есть наука, благо же есть и нѣчто качественное и имѣетъ противоположности, заключеніе будетъ, что о благѣ есть наука, но ни благо, ни все качественное и имѣющее противоположности не есть наука, а только благо есть нѣчто качественное и имѣетъ противоположности [2]. Бываетъ, наконецъ, и такъ, что ни первый терминъ не приложимъ [прямо] къ среднему, ни среднее — къ третьему, и при этомъ первый или приложимъ или не приложимъ къ третьему; если, напримѣръ, о томъ, о чемъ бываетъ наука, должны быть родовыя понятія, и если о благѣ есть наука, заключеніе будетъ, что о благѣ есть родовыя понятія— здѣсь ни одинъ терминъ не приписанъ прямо другому [3]; если же то, о чемъ бываетъ наука, суть родовыя понятія, и если о благѣ есть наука, заключеніемъ будетъ, что благо есть родовое понятіе; здѣсь,

---

[1]) Въ этомъ умозаключеніи (по первой фигурѣ) большій терминъ = наука, меньшій = (не познаніе блага, но) благо, средній = мудрость; но не само благо есть мудрость или наука, но только знаніе о немъ, то-есть, меньшему термину въ меньшей посылкѣ нельзя *прямо* приписать средняго.

[2]) Здѣсь большій терминъ=наука, меньшій=благо, средній = качественное и имѣющее противуположности.

[3]) Здѣсь большій терминъ = родовыя понятія, меньшій = благо, средній = наука.

слѣдовательно, первый терминъ [прямо] приписывается послѣднему, но прочіе другъ къ другу [прямо] не приложимы. То же самое должно сказать и объ отрицательныхъ умозаключеніяхъ. Не всегда именно выраженіе „то-то не присуще тому-то" значитъ, что то-то не есть то-то, но иногда оно значитъ, что то-то не есть *принадлежность* того-то, или что то-то не *свойственно* тому-то; если, напримѣръ, не существуетъ происхожденія [самого] происхожденія или движенія [самого] движенія, но существуетъ происхожденіе удовольствія, то, слѣдовательно, само удовольствіе не есть происхожденіе; или если существуютъ знаки смѣха, но нѣтъ знаковъ знака, то самъ смѣхъ не есть знакъ [1]); то же самое имѣетъ мѣсто и въ прочихъ случаяхъ, гдѣ только получается отрицательное заключеніе черезъ то, что родовое понятіе [какъ средній терминъ] прилагается къ обоимъ членамъ заключенія [2]); наконецъ, возьмемъ примѣръ [3]): хорошее время не есть время нужды, ибо Богу присуще хорошее время, но ему время нужды не присуще, такъ какъ онъ не имѣетъ потребностей; здѣсь понятіями служатъ: хорошее время, время нужды, Богъ, а посылки должны быть взяты съ косвеннымъ падежомъ имени. Итакъ, мы вообще скажемъ для всѣхъ случаевъ, что термины должно брать въ именительной формѣ существительныхъ, какъ напримѣръ: человѣкъ, благо, противоположность, а не человѣка, блага, противоположности; въ посылкахъ же приходится употреблять тѣ падежи именъ, какіе въ каждомъ данномъ случаѣ потребны, то-есть, или въ формѣ *тому-то*, напримѣръ, при „равно", или въ формѣ *того-то*, напримѣръ, при „вдвое больше", или въ формѣ *то-то*, напримѣръ, при „бьющій" или „видящій", или въ формѣ *тотъ-то*, напримѣръ, „человѣкъ есть животное", или въ какой-нибудь еще другой формѣ, въ какой имя бываетъ въ посылкѣ поставлено.

---

[1]) Слѣдовательно, въ этомъ умозаключеніи (по второй фигурѣ) средній терминъ (= знаки) прилагается къ меньшему (= смѣхъ) и къ большему (= знакъ) не прямо, но черезъ косвенный падежъ (въ подлинникѣ средній терминъ не отличается отъ большаго даже числомъ).

[2]) То-есть, въ прочихъ модусахъ второй фигуры.

[3]) Заключеніе по третьей фигурѣ (со среднимъ терминомъ въ косвенномъ падежѣ).

[4]) То-есть, логическаго подлежащаго, которымъ въ третьей фигурѣ служитъ средній терминъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

О посылкахъ по разнымъ категоріямъ.

Выраженія „нѣчто присуще тому-то“ или „нѣчто истинно утверждается за тѣмъ-то“ могутъ имѣть различныя значенія, поскольку существуютъ различныя категоріи, и поскольку эти категоріи могутъ быть приняты или только въ извѣстномъ смыслѣ, или вообще, и далѣе, или просто, или въ связной формѣ; то же самое и относительно выраженія „нѣчто не присуще“. Впрочемъ, это слѣдовало бы болѣе разсмотрѣть и точнѣе опредѣлить.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

О заключеніяхъ ограниченныхъ и общихъ.

Прибавляемыя въ посылкахъ поясненія должны быть присоединяемы къ первому термину, а не къ среднему. Если, напримѣръ, должно получить заключеніе, что есть наука о справедливости *какъ о благѣ*, то выраженіе „что оно благо“ или „какъ о благѣ“ должно быть добавлено къ первому термину; пусть именно А = наука о чемъ-нибудь, какъ о благѣ, В = благо, С = справедливость: А правильно приписывается В, ибо есть наука о благѣ, какъ благѣ, но и В принадлежитъ С: справедливость есть благо; такимъ образомъ мы получаемъ разрѣшеніе [заключенія на посылки]; если же мы приложимъ выраженіе *какъ о благѣ* къ понятію В, разрѣшенія не получится, ибо хотя А и будетъ правильно приписано В, но В будетъ приписано С неправильно, такъ какъ утверждать, что справедливость есть благо, какъ благо, ложно или [точнѣе говоря] безсмысленно. То же самое слѣдуетъ имѣть въ виду, если мы станемъ доказывать, [напримѣръ], что здоровье доступно познанію, какъ нѣчто доброе или что [миѳическій] полукозелъ—полуолень мыслимъ, какъ нѣчто не существующее, или что человѣкъ смертенъ, какъ чувственно познаваемое существо: при всѣхъ добавочныхъ опредѣленіяхъ добавляемое поясненіе должно быть присоединяемо къ большему термину.

Не одинаково опредѣляются термины въ томъ случаѣ, когда заключеніе дѣлается вообще, и въ томъ, когда оно ограничено, какъ такое-то или постольку-то и въ такомъ-то отношеніи утверждаемое, напримѣръ, когда мы доказываемъ, что благое [вообще] познаваемо, какъ благо; именно если доказывается, что оно вообще познаваемо, среднимъ терминомъ должно взять существующее, если же оно по-

знаваемо, какъ благо, то среднимъ терминомъ будетъ нѣкоторое опредѣленное бытіе. Пусть именно A = знаніе о чемъ-либо, какъ о такомъ-то, B = нѣкоторое опредѣленное бытіе, C = благо; A правильно утверждается за B, ибо существуетъ знаніе о нѣкоторомъ опредѣленномъ бытіи, какъ о такомъ, равно какъ и B — за C, ибо C есть нѣкоторое опредѣленное бытіе, слѣдовательно, и A должно быть утверждаемо за C, то-есть, будетъ наука о благомъ, какъ о благѣ, ибо „такое-то бытіе" и есть признакъ опредѣленнаго бытія. Если же мы положимъ среднимъ терминомъ бытіе и къ крайнимъ будемъ прилагать тоже бытіе вообще, а не нѣкоторое опредѣленное, то и заключеніе будетъ не о томъ, что есть наука о благомъ, какъ о благѣ, но что есть наука о благомъ, какъ вообще о существующемъ; именно A = наука о существующемъ, B = существующее, C = благо. Очевидно, что такимъ же образомъ должно выбирать понятія и для частныхъ заключеній.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

О замѣнѣ данныхъ понятій другими болѣе простыми.

Часто бываетъ нужно обмѣнивать одно выраженіе на другое, имѣющее то же значеніе, такъ имя — на [другое] имя, положеніе — на [другое] положеніе, положеніе—на имя, и именно всегда первое на второе, ибо такимъ образомъ получается болѣе простое выраженіе. Какъ напримѣръ, если нѣтъ никакой разницы сказать „предполагаемое не есть родовое понятіе сравнительно съ вѣроятными" или „вѣроятное не заключено въ предполагаемомъ" (это дѣйствительно значитъ одно и то же), то должно замѣнить первое положеніе понятіями [втораго] —: предполагаемымъ и вѣроятнымъ [1]).

ГЛАВА СОРОКОВАЯ.

Объ употребленіи члена [2]).

Такъ какъ выраженія „удовольствіе есть нѣчто благое" и „удовольствіе есть благо" не одно и то же, то нельзя [для доказательства этихъ случаевъ] брать одинаковые термины, но если доказывается, что удовольствіе есть благо, слѣдуетъ взять терминъ *благо*, если же

---

[1]) При этомъ выпадаютъ слова „родовое понятіе".

[2]) Приводимые ниже примѣры отличаются по-гречески лишь тѣмъ, что въ одномъ изъ нихъ употребляется членъ, а въ другомъ его нѣтъ.

доказывается, что удовольствіе есть нѣчто благое, то терминъ — *нѣчто благое*. Также должно поступать и въ другихъ [подобныхъ] случаяхъ.

ГЛАВА СОРОКЪ ПЕРВАЯ.

Еще нѣкоторыя замѣчанія о значеніи посылокъ. — Смыслъ примѣровъ.

Не одно и то же, какъ въ дѣйствительности, такъ и на словахъ, если всему тому [С], чему присуще В, присуще и А, и если всему тому [С], чему *всему* присуще В, присуще и А: именно вполнѣ возможно, что В присуще С, но не всѣмъ С. Пусть, напримѣръ, В — „прекрасное“, С — „бѣлое“; когда иному изъ бѣлаго свойственно быть прекраснымъ, правильно сказать, что бѣлому свойственно быть прекраснымъ; однако, можетъ быть, не всему. Если именно А присуще В, но не всему тому, что есть В, то не только не необходимо, чтобы А было присуще всѣмъ С, но даже, чтобы оно вообще было присуще С — все равно будетъ ли В свойственно всѣмъ С или просто свойственно С [1]). Если же всему тому, за чѣмъ В утверждается въ истинномъ смыслѣ, присуще А, то А будетъ присуще всему тому, чему всему присуще В [2]). Если же А утверждается за тѣмъ, чему всегда свойственно быть В, то хотя бы В и было присуще С, А будетъ присуще не всѣмъ С или вовсе имъ не присуще [3]). Поэтому ясно, что при трехъ понятіяхъ выраженіе „всему тому, чему свойственно В, свойственно А“, значитъ то же, что выраженіе „А утверждается за всѣми тѣми предметами, которые суть В“; и если В присуще всѣмъ [С], то и А также, если же не всѣмъ, то нѣтъ нужды, чтобы А было присуще имъ всѣмъ [4]).

---

[1]) Аристотель изслѣдуетъ смыслъ положенія: А присуще всему тому, чему (всему) присуще В; это положеніе можно разсматривать какъ заключеніе по первой фигурѣ изъ посылокъ: А присуще всему В, и В присуще (всему) С; слѣдовательно, А присуще С (которому присуще В). Если большая посылка взята частной (А присуще нѣкоторымъ В), заключенія по первой фигурѣ вообще не будетъ (модусы IA и II).

[2]) Если всѣ В суть А, и всѣ С суть В, то всѣ С суть А. „Утверждается въ истинномъ смыслѣ“, то-есть, составляетъ не случайное свойство.

[3]) Этотъ случай отличается отъ перваго лишь тѣмъ, что большая посылка не частная, а неопредѣленная.

[4]) Выраженіе „всему тому (С), чему свойственно В, свойственно А“ по-гречески двусмысленно и значитъ, какъ то, что всему тому, чему свойственно В, свойственно А, такъ и то, что тому, чему всему свойственно В, свойственно А. Но, какъ показалъ Аристотель выше, это выраженіе лишь тогда имѣетъ значе-

Не должно думать, что въ выставленіи примѣровъ заключено нѣчто нелѣпое; вѣдь мы не дѣлаемъ никакого дальнѣйшаго изъ нихъ употребленія, но пользуемся ими лишь такъ, какъ математикъ, когда онъ говоритъ, что такая-то линія имѣетъ футъ длины, и что она прямая и не имѣетъ ширины, хотя въ дѣйствительности она и не такова; онъ вѣдь и не употребляетъ этихъ примѣровъ такъ, чтобы изъ нихъ что-нибудь доказывать. И вообще если одно [понятіе] не представляетъ цѣлаго въ отношеніи къ частямъ, а другое не относится къ нему какъ часть къ цѣлому, то изъ нихъ нельзя ничего доказать, слѣдовательно, не получается и никакого умозаключенія. Примѣрами же мы пользуемся такъ же, какъ чувственнымъ воспріятіемъ для обученія. Мы слѣдовательно, употребляемъ ихъ вовсе не въ томъ смыслѣ, что безъ нихъ [яко бы] было не возможно вести доказательство, какъ то не возможно безъ понятій, изъ которыхъ умозаключеніе строится.

ГЛАВА СОРОКЪ ВТОРАЯ.

Доказательства чрезъ сложный силлогизмъ.

Должно помнить, что не всѣ выводы въ [сложномъ] умозаключеніи получаются [непремѣнно] по одной и той же фигурѣ, напротивъ, одни изъ нихъ бываютъ получаемы по одной фигурѣ, а другіе — по другой. Очевидно, что и разрѣшеніе заключеній [1]) должно быть дѣлаемо такъ же. А такъ какъ не всякое положеніе получимо по всякой фигурѣ, но по каждой изъ нихъ лишь заключенія установленныхъ видовъ, то изъ самаго уже вывода видно, по какой фигурѣ его должно доказывать.

ГЛАВА СОРОКЪ ТРЕТЬЯ.

Доказательство положеній, содержащихъ опредѣленіе.

Если доказывается опредѣленіе какого-нибудь понятія, а для нашего изслѣдованія важенъ лишь одинъ какой-нибудь изъ его при-

---

ніе, то-есть, указываетъ на отношеніе АС, когда соотвѣтственная большая посылка (АВ) всеобща. То-есть, наше выраженіе имѣетъ значеніе лишь тогда, когда А утверждается за всѣми тѣми предметами, которые суть В; если притомъ В присуще всѣмъ С, то и А также (А присуще всѣмъ В, В — всѣмъ С, слѣдовательно, А—всѣмъ С), если же не всѣмъ, то и А не всѣмъ (А присуще всѣмъ В, В — нѣкоторымъ изъ С, слѣдовательно А — нѣкоторымъ изъ С).

[1]) „Разрѣшеніе", то-есть, пріисканіе къ данному сужденію доказующихъ его посылокъ.

знаковъ, то должно брать [въ посылки] именно тотъ терминъ, на который направлено изслѣдованіе, а не все положеніе, ибо такимъ образомъ мы окажемся менѣе спутаны длиною [доказательства]; если, напримѣръ, надо доказать, что вода есть жидкій напитокъ, то должно брать какъ [большее] понятіе или *жидкій*, или *напитокъ* [1].

ГЛАВА СОРОКЪ ЧЕТВЕРТАЯ.

О разрѣшеніи условныхъ заключеній.

Далѣе замѣтимъ, что заключеніе изъ предположеннаго условія не надо пытаться сводить къ [фигурамъ], ибо изъ того, что въ немъ дано, сдѣлать этого сведенія нельзя. Именно всякое такое заключеніе доказывается не черезъ [фигуры] умозаключенія, но уступлено по соглашенію; такъ, напримѣръ, признавъ какъ условіе, что „если одна и та же способность не можетъ производить противоположностей, то противоположности и не изучаются одной и той же наукою", мы затѣмъ доказываемъ, что [дѣйствительно] одна и та же способность никогда не производитъ противоположностей, какъ, напримѣръ, здоровье и болѣзни, ибо иначе здоровье и болѣзни были бы однимъ и тѣмъ же. Здѣсь положеніе, что противоположности не производятся одной и тою же способностью, доказано, а положеніе, что онѣ не изучаются одной и той же наукой, не доказано, и однако это необходимо принять, но не по умозаключенію, а по предположенному условію; слѣдовательно, этотъ выводъ не сводимъ [къ фигурамъ], а выводъ, что одна и та же способность не производитъ противоположностей—сводимъ: это второе можетъ быть умозаключеніемъ, а первое есть условный выводъ.

То же самое должно замѣтить и о выводахъ, полученныхъ черезъ сведеніе къ невозможному: ихъ тоже нельзя свести къ тремъ фигурамъ; самое сведеніе къ невозможному, какъ доказуемое силлогизмомъ, сводимо къ нимъ, но другая часть доказательства не сводима—она получается по предположенному условію [2]. Однако указанныя выше доказательства отличаются отъ доказательствъ черезъ сведеніе къ

---

[1]) Смотря по тому, какая часть опредѣленія въ данномъ случаѣ важна.

[2]) Доказательство отъ невозможнаго имѣетъ слѣдующій видъ: требуется доказать положеніе А; возможно принять или положеніе А, или ему противорѣчащее (— А); но положеніе (— А) силлогистически ведетъ къ нелѣпости, слѣдовательно и т. д. „Другая часть доказательства, не сводимая къ силлогизму", есть предположеніе: возможно или А или (— А).

невозможному тѣмъ, что въ первыхъ должно было нѣчто заранѣе уступать, чтобы затѣмъ получить заключеніе, какъ, напримѣръ, если доказано, что противоположности производятся одной и тою же способностью, то [должно уступать, что] и наука объ нихъ одна и та же; въ доказательствѣ же отъ невозможнаго выводъ принимается и безъ такого предварительнаго соглашенія, ибо получаемая нелѣпость совершенно очевидна, какъ, напримѣръ, если мы предположимъ, что діагональ (не) соизмѣрима со стороною квадрата, то четныя числа окажутся равными нечетнымъ [1]).

Существуютъ и другія доказательства отъ предположеннаго условія, которыя должно разсмотрѣть и ясно различать; но о томъ, чѣмъ они отличаются другъ отъ друга и сколько ихъ видовъ, будетъ сказано впослѣдствіи; теперь же мы замѣтимъ только, что эти доказательства нельзя сводить къ фигурамъ умозаключенія; а почему, мы уже сказали.

ГЛАВА СОРОКЪ ПЯТАЯ.

О сведеніи умозаключеній одной фигуры къ умозаключеніямъ другой.

Если доказательство извѣстнаго положенія, доказуемаго по нѣсколькимъ фигурамъ, выведено по извѣстной фигурѣ, его можно перевести въ умозаключеніе другой фигуры, напримѣръ, отрицательное заключеніе по первой фигурѣ свести къ заключенію по второй, и заключеніе по второй — къ заключенію по первой. Такое сведеніе возможно, однако, не во всѣхъ случаяхъ, а лишь въ нѣкоторыхъ; это очевидно изъ слѣдующаго.

Если А не присуще ни одному В, а В присуще всякому С, то А не присуще ни одному С—это первая фигура; если же обратить отрицательное сужденіе, получается вторая: В не присуще ни одному А и присуще всякому С. То же самое и въ томъ случаѣ, когда заключеніе не общее, а частное, какъ напримѣръ, если А не присуще ни одному В, и В присуще нѣкоторымъ изъ С: обративъ отрицательное сужденіе, получимъ вторую фигуру [2]).

Изъ умозаключеній по второй фигурѣ общія сводимы къ первой

[1]) О смыслѣ этого примѣра см. выше, гл. 23 и примѣчаніе къ ней.

[2]) Итакъ, модусъ EAE (I), то-есть, первой фигуры, = модусу E A E (II), то-есть, второй фигуры, и модусъ EIO (I) = EIO (II).

фигурѣ, а изъ частныхъ только одно. Пусть А не присуще ни одному В и присуще всякому С; обративъ отрицательное сужденіе, получимъ первую фигуру: В не присуще ни одному А, и А присуще всякому С [1]). Если, далѣе, сужденіе съ В утвердительно, а съ С — отрицательно, первымъ понятіемъ должно взять С: оно не будетъ присуще ни одному А, и А присуще всякому В, слѣдовательно, С не присуще ни одному В; а такъ какъ [всеобще] отрицательное сужденіе превратимо, то и В не присуще ни одному С [2]). Частное же умозаключеніе сводимо къ первой фигурѣ, въ случаѣ когда большая посылка отрицательна; если А не присуще ни одному В и присуще нѣкоторымъ изъ С, то превративъ отрицательную посылку, получимъ первую фигуру: В будетъ не присуще ни одному А, и А присуще нѣкоторымъ изъ С [3]); въ случаѣ же, когда большая посылка утвердительна, умозаключеніе не сводимо, какъ напримѣръ, если А присуще всякому В и не всякому С: сужденіе АВ здѣсь не обращается или обратившись не даетъ аключенія [4]).

Далѣе, умозаключенія третьей фигуры не всѣ разрѣшимы въ умозаключенія первой, но всѣ умозаключенія первой — въ третью [5]). Пустъ А присуще всякому В, и В — нѣкоторымъ изъ С; такъ какъ частно-утвердительное сужденіе обратимо, С будетъ присуще нѣкоторымъ изъ В, но А присуще всѣмъ В, слѣдовательно, мы получаемъ третью фигуру. То же самое, если умозаключеніе отрицательно: частно-утвердительное сужденіе обратимо, и слѣдовательно, А не будетъ присуще ни одному В и будетъ присуще нѣкоторымъ изъ С [6]).

Изъ умозаключеній по третьей фигурѣ лишь одно не разрѣшается въ первую, именно тотъ случай, когда отрицательное сужденіе взято не всеобщимъ; всѣ же прочія умозаключенія разрѣшимы. Пусть А и В утверждаются за всѣми С; С можетъ быть обмѣнено на часть

[1]) EAE (II) = EAE (I).

[2]) AEE (II) = EAE (I).

[3]) EIO (II) = EIO (I).

[4]) То-есть, не обращается во всеобщее сужденіе, а обратившись въ частное, не даетъ заключенія, ибо тогда обѣ посылки будутъ частными. Рѣчь идетъ о модусѣ AOO (II).

[5]) Само собою разумѣется, что здѣсь идетъ рѣчь лишь о частныхъ заключеніяхъ первой фигуры: третья фигура вообще не даетъ общихъ заключеній и, слѣдовательно, общіе модусы первой фигуры (AAA и EAE) никоимъ образомъ къ ней сведены быть не могутъ.

[6]) AII (I) = AII (III), и EIO (I) = EIO (III).

каждаго изъ двухъ остальныхъ понятій; поэтому оно будетъ присуще нѣкоторымъ изъ B, и мы получаемъ, слѣдовательно, первую фигуру: A присуще всякому C, и C—нѣкоторымъ изъ B [1]). Если A присуще всякому C, а B—нѣкоторымъ изъ C, то же самое разсужденіе имѣетъ мѣсто, ибо B обмѣнимо на C [2]). Если же B присуще всякому C, о A—нѣкоторымъ изъ C, то должно взять B первымъ понятіемъ; именно B будетъ присуще всякому C, и C—нѣкоторымъ изъ A, слѣдовательно, B присуще нѣкоторымъ изъ A; а такъ какъ частное сужденіе обратимо, A присуще нѣкоторымъ изъ B [3]). Если умозаключеніе отрицательно, то, въ случаѣ общихъ понятій, должно поступать по прежнему: пусть B присуще всѣмъ C, и A не присуще ни одному C; C будетъ присуще нѣкоторымъ изъ B, и A не присуще ни одному C, то-есть C станетъ среднимъ понятіемъ; то же самое, если отрицательное сужденіе всеобще, а утвердительное—частно: A не присуще ни одному C, и C будетъ присуще нѣкоторымъ изъ B [4]). Если же отрицательное сужденіе взято частнымъ, сведеніе [къ первой фигурѣ] не возможно, какъ напримѣръ, если B присуще всякому C, и A не присуще нѣкоторымъ изъ C: обративъ сужденіе BC, мы получимъ обѣ посылки частными [5]).

Итакъ мы видимъ, что для разрѣшенія фигуръ одна въ другую должно обращать въ обѣихъ фигурахъ меньшую посылку: черезъ ея обращеніе одна фигура и измѣняется въ другую [6]).

Изъ умозаключеній второй фигуры иныя разрѣшаются въ третью, а иныя—нѣтъ. Если всеобщая посылка отрицательна, умозаключеніе разрѣшается, ибо если A не присуще ни одному B и присуще нѣкоторымъ изъ C, то эти оба понятія одинаково обмѣнимы на A, такъ что B не будетъ присуще ни одному A, и C будетъ присуще нѣкоторымъ изъ A; среднимъ понятіемъ будетъ, слѣдовательно, A [7]). Если же A присуще всѣмъ B и не присуще нѣкоторымъ изъ C, раз-

---

[1]) AAI (III) = AII (I).

[2]) AII (III) = AII (I).

[3]) IAI (III) = AII (I).

[4]) EAO (III) = EIO (I), и EIO (III) = EIO (I).

[5]) Модусъ OAO (III).

[6]) Это говорится о первой и третьей фигурѣ. Принимая однако въ соображеніе переходъ IAI (III) въ AII (I), было бы точнѣе сказать „должно обращенную посылку принимать за меньшую“, ибо въ указанномъ случаѣ обращается не меньшая, а большая посылка.

[7]) EIO (II) = EIO (III).

рѣшеніе не возможно, ибо послѣ превращенія ни одна изъ посылокъ не будетъ всеобщей [1]).

Умозаключенія третьей фигуры разрѣшимы во вторую, когда отрицательная посылка всеобща, какъ напримѣръ, если А не присуще ни одному С, а В присуще всѣмъ или нѣкоторымъ изъ С; ибо [въ такомъ случаѣ] С не будетъ присуще ни одному А и будетъ присуще нѣкоторымъ изъ В [2]); когда же отрицательная посылка частная, умозаключеніе не разрѣшимо, ибо частно-отрицательное сужденіе не допускаетъ обращенія [3]).

Итакъ, мы видимъ, что въ этихъ фигурахъ тѣ же умозаключенія не разрѣшимы, которыя не были разрѣшены въ первую фигуру [4]), и что при сведеніи умозаключеній къ первой фигурѣ эти модусы доказуемы лишь отъ невозможнаго.

Изъ сказаннаго явствуетъ, какъ должно сводить умозаключенія, и что фигуры разрѣшимы одна въ другую.

ГЛАВА СОРОКЪ ШЕСТАЯ.

О значеніи отрицанія.

При доказательствѣ и опроверженіи важно знать, значатъ ли выраженія „не быть тѣмъ-то" и „быть не тѣмъ-то" (какъ напримѣръ не быть бѣлымъ и быть не бѣлымъ) одно и то же или разное. Эти выраженія не означаютъ одного и того же, и выраженію *быть бѣлымъ* противорѣчитъ не выраженіе *быть не бѣлымъ*, но выраженіе *не быть бѣлымъ*. Доказывается это слѣдующимъ образомъ. Выраженіе *онъ можетъ ходить* относится къ выраженію *онъ можетъ не ходить* такъ же, какъ выраженіе *это—бѣло* къ выраженію *это—не бѣло* или какъ выраженіе *онъ знаетъ, что благо* къ выраженію *онъ знаетъ, что не благо*; а такъ какъ все равно сказать *онъ знаетъ, что благо* или *онъ есть знающій благое*, равно какъ сказать *онъ можетъ ходить* или онъ *имѣетъ способность ходить*, то и выраженія противоположныя этимъ—*онъ не можетъ ходить* и *онъ не имѣетъ способности ходить* тоже равнозначущи; но если бы выраженіе *онъ не имѣетъ способ-*

---

[1]) И притомъ меньшая посылка вовсе не обратима. Модусъ АОО (II).

[2]) ЕАО (III) и ЕIO (II_1) = ЕIO (II).

[3]) Модусъ ОАО (III).

[4]) То-есть АОО (II) и ОАО (III).

ности ходить значило то же, что выраженіе *онъ имѣетъ способность не ходить*, то оба они были бы вмѣстѣ присущи одному и тому же субъекту; однако утвержденіе и отрицаніе (ибо тотъ, кто можетъ ходить, можетъ и не ходить, и тотъ, кто знаетъ что̀ благо, знаетъ и что̀ не благо), какъ противоположныя, не присущи вмѣстѣ одному и тому же субъекту [1]). Поэтому и выраженія *не знать, что благо* и *знать, что не благо*, равно какъ и выраженія *быть не благимъ* и *не быть благимъ* не одно и то же; ибо если въ подобныхъ [по формѣ] выраженіяхъ одно отлично отъ другого, то и прочія [подобныя первому отличны отъ прочихъ подобныхъ второму]. Также [2]) и *быть не равнымъ* не то же, что *не быть равнымъ*: первое, то-есть сущее не равнымъ, принадлежитъ нѣкоторому субъекту, а именно *неравному*, а второе никакому субъекту не принадлежитъ; поэтому обо всемъ нельзя сказать, что оно есть равное или есть неравное, но можно сказать, что оно есть равное или не есть равное. Далѣе [3]), положенія *это есть не бѣлое дерево* и *это не есть бѣлое дерево* не могутъ быть вмѣстѣ утверждаемы, ибо когда нѣчто есть не бѣлое дерево, то дерево существуетъ, а когда нѣчто не есть бѣлое дерево, дерева, можетъ быть, и вовсе нѣтъ. Мы видимъ далѣе, что выраженія *это есть не благо* не составляетъ отрицанія для выраженія *это есть благо*, ибо если о всякой вещи вѣрно или утвержденіе или отрицаніе, то, когда нѣтъ отрицанія, ясно, что должно быть утвержденіе, и для всякаго утвержденія есть лишь одно отрицаніе; а для приведеннаго положенія [это есть не благо] отрицаніемъ служитъ положеніе *это не есть не благо* [4]). Пусть быть благомъ=A, не быть благомъ=B, быть не благомъ=C (заключено подъ B) и не быть не благомъ=D (заключено подъ A) [5]); всякой вещи присуще

---

[1]) Это доказательство, изложенное у Аристотеля недостаточно ясно, въ сущности таково: выраженіе *онъ можетъ не ходить* = выраженію *онъ можетъ ходить* (ср. выше, гл. 13); если бы, слѣдовательно, выраженіе *онъ можетъ не ходить* было = выраженію *онъ не можетъ ходить*, то и выраженіе *онъ можетъ ходить* было бы = выраженію *онъ не можетъ ходить*, что нелѣпо, ибо очевидно что такія выраженія прямо противорѣчивы.

[2]) Второе доказательство того же.

[3]) Третье доказательство того же.

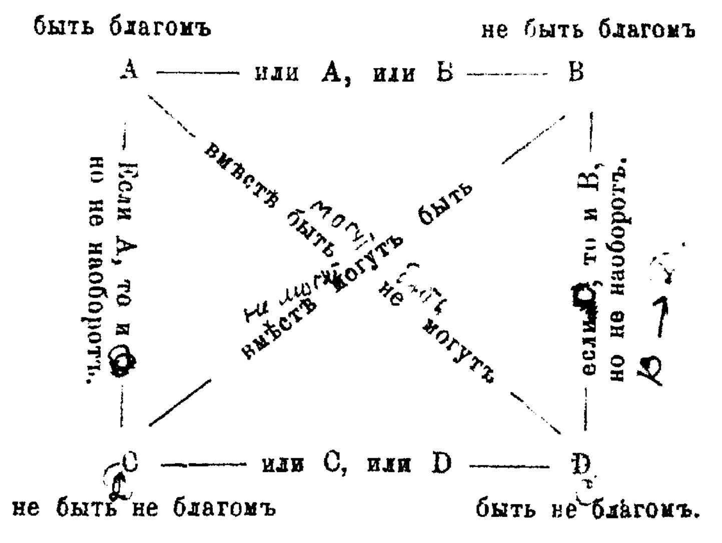
[4]) Слѣдовательно, и выраженіе *это не есть благо* не составляетъ отрицанія для выраженія *это есть благо* (ибо иначе первое положеніе имѣло бы два отрицанія).

[5]) Аристотель хочетъ пояснить разсмотрѣнныя отношенія на схемѣ. Для

или A или B, но вмѣстѣ они ничему не присущи;—также или C или D, но вмѣстѣ они тоже ничему не присущи; далѣе, всему тому, чему присуще C, необходимо присуще и B, и о чемъ правильно сказать, что оно есть не бѣлое, о томъ правильно также утверждать, что оно не есть бѣлое; а невозможно быть вмѣстѣ бѣлымъ и быть не бѣлымъ [1]), или быть не бѣлымъ деревомъ и быть бѣлымъ деревомъ, такъ что вообще если нѣтъ утвержденія, есть отрицаніе; но далѣе, не всѣмъ B присуще C, ибо то, что вообще не есть дерево, не будетъ и бѣлымъ деревомъ; а наоборотъ, всему, чему присуще A, присуще и D [2]), ибо ему можетъ быть присуще или C или D, но такъ какъ ничто не можетъ быть и не бѣлымъ и бѣлымъ, то ему присуще D; такъ что о всемъ, что есть бѣлое, правильно сказать, что оно не есть не бѣлое; но не всякое D есть A: неправильно утверждать о всемъ, что не есть не дерево, что оно есть A, то-есть что оно есть бѣлое дерево, такъ что этой вещи D свойственно, а A (бѣлое дерево) не свойственно. Наконецъ, очевидно, что A и C ничему вмѣстѣ не присущи, но B и D могутъ быть присущи одному и тому же.

Таковы, по порядку, отношенія и отрицательныхъ выраженій къ

большей понятности слѣдующаго за симъ комментаторъ *Patius* даетъ такую табличку:

[1]) Это примѣры для перваго изъ указанныхъ отношеній (или A, или B, или C, или D).

[2]) Понятія D и B суть родовыя, сравнительно съ понятіями A и C, и относятся какъ къ несуществующему, такъ и къ извѣстному роду существующаго; понятіе же A и C относятся только къ существующему (напримѣръ *ничто* тоже не есть благо, но о немъ нельзя сказать, что оно есть не благо).

утвердительнымъ. Пусть, напримѣръ, A=конечное, B=не конечное, C=безконечное, D=не безконечное [1]).

Во многихъ случаяхъ бываетъ, что одной части субъекта свойственно то, что другой не свойственно; въ такомъ случаѣ отрицаніе будетъ одинаково вѣрно, скажемъ-ли мы *все (A) не есть нѣчто бѣлое* или *каждое (A) не есть нѣчто бѣлое* [2]), но оно будетъ неправильно, если мы скажемъ *все (A) есть нѣчто не бѣлое* или *каждое (A) есть нѣчто не бѣлое*; и для выраженія *каждое животное есть нѣчто бѣлое* отрицаніемъ служитъ не выраженіе *каждое животное есть нѣчто не бѣлое* (ибо оба положенія могутъ быть ложны), но выраженіе *каждое животное не есть нѣчто бѣлое*. Итакъ, если ясно, что выраженія *быть не бѣлымъ* и *не быть бѣлымъ* имѣютъ различное значеніе, и что первое изъ нихъ утвердительно, а второе—отрицательно, то очевидно, что и способы ихъ доказательства должны быть тоже различны, какъ напримѣръ то имѣетъ мѣсто для положеній *всякое животное не есть нѣчто бѣлое* (или—*можетъ не быть бѣлымъ*) и *правильно утверждать, что всякое животное есть нѣчто не бѣлое*; это послѣднее значитъ то же, что *всякое животное не бѣло*. Напротивъ, для положеній *правильно утверждать, что всякое животное есть нѣчто бѣлое* и—*есть нѣчто не бѣлое* доказательства однородны: оба доказываются какъ утвердительныя заключенія первой фигуры; ибо выраженіе *правильно утверждать* равнозначуще выраженію *есть*, и для выраженія *правильно что (A) есть нѣчто бѣлое* служитъ отрицаніемъ не выраженіе *правильно, что (A) есть нѣчто не бѣлое*, но выраженіе *неправильно, что (A) есть нѣчто бѣлое*. Итакъ, если должно, напримѣръ, доказать положеніе *правильно, что всякій человѣкъ есть существо музыкальное* или—*немузыкальное*, то слѣдуетъ взять положеніе *всякое животное есть существо музыкальное* или—*немузыкальное* и такимъ образомъ доказать [требуемое]; а выраженіе *всякій человѣкъ не есть существо музыкальные* доказывается [отрицательно тремя вышеуказанными способами [3]).

---

[1]) Это въ подробности разсматривается во второмъ трактатѣ Органа — *О смыслѣ сужденій*, гл. 10. (Мы замѣнили здѣсь Аристотелевскій примѣръ равнозначущимъ, ибо выраженія *не равное* и *неравное* по русски слишкомъ близки другъ къ другу).

[2]) Бѣлизна есть здѣсь именно то свойство, которое присуще лишь нѣкоторымъ изъ A,

[3]) То-есть, тремя модусами: EAE(I), AEE(II) и EAE(II).

Вообще, если отношенія A и B таковы, что вмѣстѣ они ничему не присущи, но всякой вещи одно изъ нихъ необходимо свойственно, если, далѣе, отношенія C и D таковы-же, и если A сопутствуетъ C [1], но не наоборотъ; тогда D сопутствуетъ B, но не наоборотъ, и A и D могутъ быть присущи одному и тому-же, а B и C—не могутъ. Вопервыхъ, что D сопутствуетъ C, видно изъ слѣдующаго: такъ какъ всякой вещи необходимо свойственно или C, или D, а тому, чему присуще B, не можетъ быть присуще C—ибо C связано съ A, а B и A не могутъ быть присущи одному и тому-же—то ясно, что D будетъ сопутствовать B. Вовторыхъ, такъ какъ A и C не могутъ быть обмѣнены, и такъ какъ всякой вещи присуще или C, или D, то A и D могутъ быть присущи одному и тому-же [2]), B и C не могутъ быть присущи одному и тому-же, ибо C сопутствуетъ A, такъ что получилось-бы невозможное [3]). Ясно также, что D и B тоже не обмѣнимы, ибо A и D могутъ быть вмѣстѣ присущи [4]).

Иногда случается и при такихъ отношеніяхъ понятій впадать въ ошибку, благодаря именно тому, что мы неправильно выбираемъ противуположности, изъ которыхъ каждой вещи должно быть свойственна лишь та или другая. Пусть, напримѣръ, A и B не могутъ быть присущи одному и тому-же, и тому, чему не присуще одно изъ нихъ, должно быть присуще другое; отношенія C и D пусть будутъ таковы-же; наконецъ, пусть тому, чему свойственно C,

---

[1]) Гдѣ второе, тамъ и первое. Въ такомъ-же ограниченномъ значеніи мы употребляемъ терминъ „сопутствовать" и вездѣ ниже.

[2]) Еслибы A и C могли быть обмѣнены (то-есть, если-бы не только за всякимъ C слѣдовало A, но и за всякимъ A—C), тогда A (которому было-бы присуще C) не могло бы быть вмѣстѣ съ D, ибо C и D вмѣстѣ быть не могутъ. Это и прочія разбираемыя здѣсь отношенія соединяются обыкновенно въ слѣдующую схему:

$$\begin{matrix} A & — & B \\ \uparrow & & \downarrow \\ C & — & D \end{matrix}$$

въ которой знакъ — указываетъ на противорѣчіе (или—или), а знакъ $\longrightarrow$ на отношеніе основанія на слѣдствію (если—то и).

[3]) То-есть A было-бы вмѣстѣ съ B.

[4]) Еслибы D и B были обмѣнимы, то-есть, еслибы и за D слѣдовало B, то такъ какъ D можетъ быть вмѣстѣ съ A, A было-бы вмѣстѣ съ B.

[5]) Ибо при такихъ отношеніяхъ, какъ показано выше, D должно сопутствовать B, но не наоборотъ.

присуще и A. Въ такомъ случаѣ можетъ оказаться, что тому, чему свойственно D, необходимо присуще и B, что однако ложно [1]); примемъ именно F за отрицаніе A и B, и H — за отрицаніе C и D: тогда всякой вещи присуще или A, или F, ибо это утвержденіе и отрицаніе; и равнымъ образомъ, все есть или C, или H, ибо это тоже утвержденіе и отрцианіе; но всему тому, чему присуще C, присуще и H [1]); далѣе всему присуще или F, или B, и или H, или D; но H сопутствуетъ D, слѣдовательно (мы это знаемъ изъ предыдущаго) B будетъ сопутствовать D; однако вѣдь если A сопутствуетъ C, то B сосопутсвуетъ D, то-есть предыдущее положеніе [именно, что B сопутствуетъ D] ложно: при такихъ отношеніяхъ [понятій] порядокъ зависимости обратный. [Ошибка наша состояла въ томъ, что] вовсе не было необходимымъ, чтобы всякой вещи было присуще или A, или F, и или F, или B, ибо F вовсе не отрицаніе для A: для *блага* отрицаніе *неблаго*, а *неблаго* вовсе не то-же, что *ни благо, ни неблаго*; то же должно сказать и о C и D; а мы [ошибочно] приняли за отрицаніе двойныя выраженія [2]).

---

[1]) По доказанному выше.

[2]) То-есть F и H. Для поясненія можно привести слѣдующую схему, объясненіе знаковъ въ которой см. въ предыдущихъ примѣчаніяхъ:

A	—	B	F
добро		недобро	ни добро, ни недобро
↑		↓	
C	—	D	H
здоровье		не здоровье	ни здоровье, ни нездоровье.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПЕРВОЙ КНИГѢ.

Для того, чтобы читатель могъ легче оріентироваться въ сложномъ и пространномъ изслѣдованіи фигуръ силлогизма, изложенномъ Аристотелемъ въ гл. 4—22 первой книги, предлагается слѣдующая

Таблица модусовъ, дающихъ заключеніе.

	Обѣ посылки простыя.	Обѣ посылки необходимыя.	Одна посылка необходимая, другая простая.	Обѣ посылки возможныя.	Одна посылка возможная, другая — простая.	Одна посылка необходимая, другая — возможная.
Первая фигура.	AAA . EAE AII . EIO (глава 4).	A,A,A, . E,A,E, A,I,I, . E,I,O, (глава 8).	A,AA, . AA,A E,AE, . EA,E A,II, . AI,I E,IO, . EI,O (глава 9).	A„A„A„ . E„A„E„ (A„E„A„) (E„E„A„) A„I„I„ . E„I„O„ (A„O„I„) . ([E„O„O„]) (глава 14).	A„A„A„ . E„AE„ AA„A„ . EA„E„ (AE„A„) (EE„E„) A„II„ . E„IO„ AI„I„ . EI„O„ (AO„I„) . (EO„O„) (глава 15).	A,A„A„ . A„A,A„ E,A„E . E„A,E„ (A,E„A„) . (E„E,E) (E,O„O) . E„I,O A,I„I„ . (A„O,I„) E,I„O„ . [A„I,I„] (глава 16).
Вторая фигура.	AEE . EAE AOO . EIO (глава 5).	A,E,E, . E,A,E, A,O,O, . E,I,O, (глава 8).	A,EE . AE,E, E,AE, . EA,E A,OO . AO,O E,IO, . [EI,O] (глава 10).	Нѣтъ заключеній. (глава 17).	EA„E„ . A„EE„ (E„EE„) . (EE„E„) I„EO„ . EI„O„ (EO„O„) . (O„EO„) (глава 18).	E,A„E . A„E,E (E,E„E) (E„E,E) I„E,O . E,I„O (O„E,O) . (E,O„O) (глава 19).
Третья фигура.	AAI . EAO IAI . AII OAO . EIO (глава 6).	A,A,I, . E,A,O, I,A,I, . A,I,I, O,A,O, . E,I,O, (глава 8).	A,AI, . AI,I, E,AO, . EA,O I,AI . IA,I, A,II, . AI,I O,AO . OA,O E,IO, . EI,O глава 11).	A„A„I„ . E„A„O„ (E„E„O„) . [(A„E„I„)] A„I„I„ . I„A„E„ E„I„O„ . O„A„I„ (O„E„I„) . (E„O„O„) [(A„O„I„)] . [(I„E„I„)] (глава 20).	AA„I„ . A„AI„ E„AO„ . EA„O„ [A„EO„ . (AE„I„) (E„EO„) . (EE„O„) A„II„ . AI„I„ I„AI„ . IA„I„ E„IO„ . EI„O„ I„EO„ . IE„O„ A„OO„ . (AO„O„) O„AO„ . OA„O„ [(E„OO„)] . [(EO„O„)] [(O„EO„)] . [(OE„O„)] (глава 21).	A,A„I„ . A„A,I„ E„A,O„ . E,A„O (A,E„I„) . (E„E,O) A,I„I„ . A„I,I„ I„A,I„ . I,A„I„ E,I„O„ . (A„O,I„) (O„A,I„) . I„E,O„ E,I„O . (E,O„O) (глава 22).

Объясненіе. Первая буква означаетъ большую посылку, вторая — меньшую, третья — заключеніе. Буква А есть сужденіе всеобще — утвердительное, буква Е—вообще—отрицательное, I —частно-утвердительное, О—частно-отрицательное. Эти буквы безъ всякаго значка указываютъ на сужденія простыя (о дѣйствительномъ), съ однимъ подстрочнымъ знакомъ—на сужденія необходимыя, съ двумя — на сужденія возможныя. Такъ что, напримѣръ, E,I„O значитъ: если большая посылка есть обще-отрицательное сужденіе необходимости, а меньшая—частно утвердительное сужденіе возможности, то заключеніе будетъ частно отрицательнымъ сужденіемъ о дѣйствительности. Въ скобки круглыя ( ) заключены модусы, которые даютъ заключеніе лишь послѣ обращенія сужденій возможности въ противуположныя, см. гл. 13; въ скобки-же угловатыя [ ] заключены модусы, Аристотелемъ пропущенные.

КНИГА ВТОРАЯ.

Содержаніе второй книги.

Въ этой книгѣ можно различать (*Brandis*, Handbuch der Griech.-römisch. Philosophie, II, 2, 1, стр. 225 и слѣд.) три части. Въ *первой* части Аристотель изслѣдуетъ нѣкоторыя общія свойства умозаключенія и ихъ приложенія. Онъ разсуждаетъ здѣсь о полученіи нѣсколькихъ выводовъ изъ однѣхъ и тѣхъ же посылокъ (гл. 1) и объ истинныхъ выводахъ изъ ложныхъ посылокъ (гл. 2—4), затѣмъ разсматриваетъ „круговыя умозаключенія" (гл. 5—7), превращеніе силлогизмовъ (гл. 8—10), доказательство черезъ сведеніе къ невозможному (гл. 11—13) и его отношеніе къ прямому умозаключенію (гл. 14), наконецъ, говоритъ о выводахъ изъ противорѣчивыхъ посылокъ (гл. 15). Во *второй* части идетъ рѣчь о нѣкоторыхъ главныхъ формахъ ошибочныхъ умозаключеній и о средствахъ ихъ избѣжать; Аристотель разсматриваетъ здѣсь такъ называемое petitio principii (гл. 16), неправильныя сведенія къ невозможному (гл. 17), ложность посылокъ (гл. 18), а также даетъ правила для спора (гл. 19) и силлогистическаго опроверженія (гл. 20). *Третья* часть представляетъ уже переходъ отъ силлогистики къ риторикѣ и изучаетъ тѣ умозаключенія, которыя, содержа въ себѣ потенціально силлогизмъ, въ дѣйствительности его не формулируютъ (*Prantl*, Geschichte der Logik, I, стр. 313). Сюда принадлежитъ изслѣдованіе объ ошибочныхъ предположеніяхъ, принимаемыхъ за посылки (гл. 21) и о провѣркѣ ихъ черезъ перестановку терминовъ (гл. 22), объ индукціи (гл. 23), о доказательствахъ отъ примѣра (гл. 24), о доказательствѣ черезъ редукцію (гл. 25), о возраженіи (гл. 26) и объ энтимемѣ (гл. 27).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Объ обращеніи заключеній силлогизмовъ и о заключеніяхъ къ тому, что содержится подъ среднимъ и подъ меньшими терминами.

Выше было сказано, во-первыхъ, о томъ, по сколькимъ фигурамъ, черезъ сколько и какія именно посылки, когда и какимъ образомъ получается умозаключеніе; далѣе, мы указали, на что̀ должно обра-

щать вниманіе, что либо доказывая или опровергая, и какъ должно по любому методу вести изысканіе относительно даннаго предмета; наконецъ, было сказано о томъ, какимъ методомъ отыскивать посылки для каждаго случая.

Силлогизмы [какъ мы видѣли] бываютъ или общими, или частными; изъ нихъ всѣ общіе всегда даютъ нѣсколько выводовъ, изъ частныхъ же — утвердительные тоже — нѣсколько, отрицательные же — только одинъ, ибо всѣ сужденія, кромѣ [частно] отрицательныхъ, обратимы, заключеніе же есть нѣкоторое сужденіе, такъ что всѣ такія [обратимыя] умозаключенія даютъ нѣсколько выводовъ; напримѣръ, если доказано, что *A* присуще всѣмъ или нѣкоторымъ *B*, то необходимо, чтобы и *B* было присуще нѣкоторымъ изъ *A*; и если доказано, что *A* не присуще ни одному *B*, то и *B*—ни одному *A*; а это есть нѣчто иное, чѣмъ первоначальное заключеніе; если же *A* не присуще нѣкоторымъ изъ *B*, то не необходимо, чтобы *B* не было присуще нѣкоторымъ изъ A: оно можетъ быть всѣмъ имъ присуще [1]).

Такова общая причина для всѣхъ силлогизмовъ какъ общихъ, такъ и частныхъ [2]). Относительно же общихъ силлогизмовъ [3]) должно сдѣлать еще другое замѣчаніе: обо всемъ, что содержится *подъ* среднимъ терминомъ или подъ меньшимъ, обо всемъ этомъ получается то же самое заключеніе, если мы примемъ [какъ посылки], что оно содержится въ среднемъ или въ меньшемъ терминѣ; напримѣръ, если *AB* есть заключеніе, получаемое черезъ *C* [4]), то всему тому, что содержится подъ *B* или подъ *C*, необходимо должно быть присуще *A*; ибо если *D* содержится во всѣхъ *B*, а *B*—во всѣхъ *A*, то *D* будетъ и во всѣхъ *A*; а также если *E* содержится во всѣхъ *C*, и *C*—во всѣхъ *A*, то *E* будетъ во всѣхъ *A*. То же самое и въ отрицательномъ умозаключеніи [5]). По второй же фигурѣ можно сдѣлать умозаключеніе лишь о томъ, что содержится подъ меньшимъ терминомъ; пусть, напримѣръ, *A* не присуще ни одному *B* и присуще всѣмъ *C*, и слѣдовательно *B* не присуще ни одному *C*: если *D* заключено подъ *C*, то,

---

[1]) О правилахъ обращенія сужденій см. въ кн. первой, гл. 2.

[2]) То-есть общая причина, почему умозаключенія даютъ больше одного вывода. Эта причина есть обратимость выводовъ.

[3]) То-есть силлогизмовъ съ обѣими общими посылками.

[4]) *A*—большій терминъ, *B*—меньшій, *C*—средній.

[5]) То-есть въ модусѣ EAE первой фигуры. Пусть ни одно *B* не есть *C*, всѣ *C* суть *A*, и слѣдовательно ни одно *B* не есть *A*; если всѣ *D* суть *B*, то всѣ *D* не суть *A*, и если всѣ *E* суть *C*, то всѣ *E* тоже не суть *A*.

очевидно, и ему не будетъ присуще *B*. Но положеніе, что *B* не присуще тому, что содержится подъ *A*, не вытекаетъ черезъ [данный] силлогизмъ, хотя *B*, дѣйствительно, не присуще ни одному *E*, если *E* содержится подъ *A*; ибо положеніе, что *B* не присуще ни одному *C*, доказывалось силлогизмомъ, а положеніе, что *B* не присуще ни одному *A*, взято безъ доказательства, такъ что и положеніе, что *B* не присуще ни одному *E* [тоже] получается не черезъ [данный] силлогизмъ [1]).—Въ частныхъ же силлогизмахъ, къ тому, что содержится подъ меньшимъ терминомъ, заключенія не получается (ибо заключенія нѣтъ, когда большая посылка частная) [2]), но оно бываетъ ко всему тому, что содержится подъ среднимъ терминомъ, хотя и не по [данному] силлогизму; если, напримѣръ, *A* присуще всякому *B*, и *B*—

---

[1]) Аристотель показываетъ здѣсь, что во второй фигурѣ нѣтъ *силлогистическаго* заключенія къ тому, что содержится подъ среднимъ терминомъ, хотя заключеніе къ нему существуетъ. Пусть дана вторая фигура: ни одно *B* не есть *A*, всѣ *C* суть *A*, слѣд. ни одно *C* не есть *A*; и пусть *E* содержится подъ *A* (то-есть всѣ *E* суть *A*); въ такомъ случаѣ мы можемъ утверждать, что ни одно *E* не есть *B* (ибо если ни одно *B* не есть *A*, то и ни одно *A*, а слѣд. и *E*, не есть *B*); но это, очевидно, не есть силлогистическій выводъ, вродѣ заключенія „ни одно *C* не есть *B*", но получается черезъ простое обращеніе одной большей посылки, взятой безъ доказательства и для него меньшая посылка не нужна. Все это относится лишь къ модусу EAE второй фигуры; другой же общій модусъ этой же фигуры, именно AEE, не даетъ вообще основаній для какого бы то ни было заключенія къ тому, что содержится подъ среднимъ терминомъ: пусть всѣ *B* суть *A*, ни одно *C* не есть *A*, и слѣд. ни одно *C* не есть *B*; пусть далѣе, *E* заключено подъ *A*; тогда всѣ *E* суть *A*, и всѣ *B* суть *A* (мы должны взять именно это сужденіе въ видѣ большей посылки, чтобы получить заключеніе объ отношеніи *E* къ *B*); но при двухъ утвердительныхъ посылкахъ вторая фигура не даетъ никакого заключенія.—О третьей фигурѣ Аристотель пока не говоритъ, ибо въ ней нѣтъ модусовъ съ общими заключеніями.

[2]) Возьмемъ, напримѣръ, модусъ AJJ первой фигуры: всѣ *B* суть *A*, нѣкоторые изъ *C* суть *B* и слѣдов. нѣкоторые *C* суть *A*, пусть, далѣе, *D* заключено въ *C*; чтобы получить заключеніе объ отношеніи *DA*, мы должны взять *A* большимъ терминомъ и *C*—среднимъ, то-есть принять за большую посылку—нѣкоторые *C* суть *A*; меньшею же будетъ—всѣ *D* суть *C*; то-есть мы получаемъ первую фигуру съ частной большой посылкой, въ каковомъ случаѣ, какъ было показано въ гл. 4 первой книги, она не даетъ заключенія.—То же самое и въ частныхъ модусахъ второй и третьей фигуръ. Возьмемъ, для примѣра, модусъ EJO второй фигуры: ни одно *A* не есть *B*, нѣкоторые *C* не суть *B*; слѣдовательно нѣкоторые *C* не суть *A*; и пусть *D* заключено въ *C*; чтобы получить заключеніе *DA*, мы должны взять посылки: нѣкоторые *C* не суть *A* и всѣ *D* суть *C*, то-есть получимъ опять первую фигуру съ частною большею посылкою.

нѣкоторымъ изъ *C*, то къ тому, что заключено подъ *C*, заключенія не будетъ, а къ тому, что подъ *B*, будетъ, хотя и не по сказанному силлогизму [1]); то же самое и въ прочихъ фигурахъ [2]): къ тому, что содержится подъ меньшимъ терминомъ, заключенія не будетъ, а о другомъ — будетъ, хотя и не по данному силлогизму, но, какъ въ общихъ силлогизмахъ, то, что содержится подъ среднимъ терминомъ, доказывается черезъ недоказанную посылку; такъ что, или и въ общихъ силлогизмахъ такія доказательства невозможны, или [если они тамъ возможны] они возможны и здѣсь [въ частныхъ силлогизмахъ].

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Истинныя заключенія изъ ложныхъ посылокъ, по первой фигурѣ.

Посылки, изъ которыхъ получается заключеніе, бываютъ или истинными, или ложными, или одна—истинной, другая—ложной; заключеніе же, по необходимости, бываетъ или истиннымъ, или ложнымъ. Изъ истинныхъ посылокъ не можетъ получиться ложнаго заключенія,

---

[1]) Всѣ *B* суть *A*, нѣкоторые *C* суть *B*, слѣдовательно нѣкоторые *C* суть *A*; примемъ, что *E* заключено подъ среднимъ терминомъ (*B*); тогда нѣкоторые *E* будутъ тоже A, ибо всѣ *B* суть *A*, и всѣ *E* суть *B*. Это не есть заключеніе по сказанному силлогизму, ибо для него вторая посылка этого силлогизма не нужна. То же при модусѣ EJOI.

[2]) За исключеніемъ однако модусовъ AOO и EJO второй фигуры и JAJ и OAO третьей, которые не даютъ заключеній къ тому, что содержится подъ среднимъ терминомъ, и именно модусы AOO и EJO потому, что при этомъ получается вторая фигура съ двумя утвердительными посылками, а модусу JAJ и OAO по тому, что при этомъ получается первая фигура съ частной большей посылкой. Дадимъ доказательство того и другаго: 1) Пусть данъ модусъ AOO второй фигуры, то-есть всѣ *B* суть *A*, нѣкоторые *C* не суть *A*, слѣдовательно нѣкоторые *C* не суть *B*, и примемъ, что *E* содержится подъ *A*, то-есть, что всѣ *E* суть *A*; для того, чтобы получить искомое заключеніе объ отношеніи *EB*, придется, очевидно, взять изъ даннаго силлогизма еще посылку: всѣ *B* суть *A*; но тогда мы получимъ вторую фигуру съ двумя утвердительными посылками, что, какъ извѣстно, не даетъ никакого заключенія. 2) Пусть данъ модусъ JAJ третьей фигуры, то-есть нѣкоторые *A* суть *B*, всѣ *A* суть *C*, слѣдовательно нѣкоторые *C* суть *B*, и примемъ, что всѣ *E* суть *A*; для того, чтобы получить искомое заключеніе объ отношеніи *EB*, придется прибавить сужденіе „всѣ *A* суть *B*", принявъ его за большую посылку и при томъ обративъ въ сужденіе „нѣкоторые *B* суть *A*"; но тогда мы получимъ первую фигуру съ частной большей посылкой, что, какъ извѣстно, не даетъ заключенія.

изъ ложныхъ же истинное—можетъ, при чемъ однако не видно, *почему* заключеніе есть истина, а видно только, что оно [слѣдуетъ изъ посылокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ] есть истина, ибо помощью ложныхъ посылокъ нельзя показать, *почему* заключеніе есть истина [1]); объ основаніяхъ этого мы скажемъ впослѣдствіи.

Вопервыхъ, что изъ истинныхъ посылокъ не можетъ слѣдовать ничего ложнаго, видно изъ слѣдующаго. Если *B* должно существовать, когда *A* существуетъ, то если нѣтъ *B*, необходимо не будетъ и *A*; поэтому если *A* истинно, то и *B* необходимо должно быть истиннымъ, ибо иначе вышло бы, что одно и то-же и будетъ, и не будетъ существовать, что невозможно [2]). Не должно, однако, изъ того, что *A* взято здѣсь какъ *одно* понятіе, заключать, что нѣчто необходимо бываетъ, благодаря бытію лишь чего-нибудь *одного*; это совершенно невозможно, ибо то, что съ необходимостью бываетъ, есть слѣдствіе, а для того, чтобы получилось это послѣднее, нужны, по крайней мѣрѣ, три термина и два ихъ соединенія или посылки. Итакъ, если истинно, что всему, чему присуще *B*, присуще *A*, и тому, чему присуще *C*, присуще и *B*, то необходимо, чтобы тому, чему присуще *C*, было присуще *A*, и это послѣднее сужденіе тоже не можетъ быть ложнымъ. Здѣсь [прежнему] *A*, взятому какъ *одно*, соотвѣтствуютъ *двѣ* посылки. Таковы же отношенія [истинности посылокъ къ истинности заключенія] и въ отрицательныхъ силлогизмахъ, такъ что [вообще] изъ истинныхъ посылокъ нельзя доказать чего-нибудь ложнаго.

Напротивъ, изъ ложныхъ посылокъ можно получить истинное заключеніе, какъ въ томъ случаѣ, когда обѣ посылки ложны, такъ и въ томъ, когда одна изъ нихъ такова; однако, если эту посылку берутъ вполнѣ ложной, то не безразлично, которая она: это должна быть вторая [то-есть меньшая] посылка; если же посылка не вполнѣ ложная, то все равно, которая она [3]). Пусть именно *A* присуще

---

[1]) Истинныя заключенія, получаемыя черезъ ложныя посылки, истинны, конечно, не потому, что вытекаютъ изъ этихъ посылокъ, а сами по себѣ.

[2]) Допустимъ, что *A* истинно, то-есть реально существуетъ, а *B* не истинно, то-есть реально не существуетъ; если *B* не существуетъ, то нѣтъ и *A*; иначе говоря, при нашемъ предположеніи, *A* будетъ реально существовать и не существовать.

[3]) Не вполнѣ ложнымъ или отчасти ложнымъ бываютъ сужденія всеобще утвердительное, или истинно частно утвердительное, и всеобще отрицательное, или истинно частно отрицательное.

всѣмъ *C*, *A* неприсуще ни одному изъ *B*, и *B*—ни одному изъ *C*; такое соединеніе возможно [1]); напримѣръ, ни одному камню не присуще быть животнымъ и ни одному человѣку—камнемъ [2]); если же [теперь] мы приняли бы, что *A* присуще всѣмъ *B*, и *B* всѣмъ *C* [3]), то *A* будетъ присуще всѣмъ *C* [4]), то-есть изъ двухъ ложныхъ посылокъ будетъ слѣдовать истинное заключеніе: всякій человѣкъ есть животное. То-же самое и при отрицательномъ силлогизмѣ [5]), ибо можетъ быть, что ни *A*, ни *B* не присущи ни одному *C*, но *A* присуще всѣмъ *B* [6]), какъ напримѣръ, взявъ прежніе термины, примемъ за средній человѣка [7]): ни одинъ камень не есть ни животное, ни человѣкъ, а всякій человѣкъ есть животное; если же [теперь] мы приняли бы, что ничему тому, чему нѣчто присуще, оно не присуще, и всему тому, чему нѣчто не присуще, оно присуще, мы [опять] получимъ истинное заключеніе изъ двухъ ложныхъ посылокъ [8]). Подобнымъ же образомъ ведется доказательство, если обѣ посылки отчасти ложны [9]). Если же только одна изъ посылокъ взята ложной, то когда первая, напримѣръ *AB*, взята вполнѣ ложной, заключеніе не будетъ истиннымъ, когда же *BC*,—будетъ. Я называю вполнѣ ложной посылку [прямо] противную [истинѣ], когда, напримѣръ, о

---

[1]) Что такое соединеніе возможно, видно изъ слѣдующаго: принявъ два послѣднихъ сужденія за посылки, мы получаемъ первую фигуру, съ двумя отрицательными посылками; какъ было показано въ первой книгѣ, такой модусъ не даетъ никакого опредѣленнаго заключенія, то-есть, объ отношеніяхъ *A* къ *C* въ этихъ посылкахъ ничего опредѣленнаго не утверждается, а слѣдовательно онѣ допускаютъ и отношеніе: всѣ *C* суть *A*.—То-же разсужденіе приложимо и ко всѣмъ нижеслѣдующимъ утвержденіямъ этого же рода.

[2]) Здѣсь *A*—животное, *B*—камень, *C*—человѣкъ.

[3]) То-есть примемъ вполнѣ ложныя посылки.

[4]) По модусу AAA первой фигуры.

[5]) Дѣло идетъ о модусѣ EAE первой фигуры.

[6]) Посылки: всѣ *B* суть *A* и ни одно *C* не есть *B*, не давая, по правиламъ первой фигуры, никакого заключенія, допускаютъ всякія утвержденія объ отношеніи *C* къ *A*, слѣдовательно и утвержденіе, что всѣ *C* не суть *A*.

[7]) *A*—животное, *B*—человѣкъ, *C*—камень.

[8]) Ни одинъ человѣкъ не животное, всякій камень—человѣкъ, а заключеніе истинно: ни одинъ камень не животное (по модусу EAEJ).

[9]) Примѣры для обоихъ случаевъ: все бѣлое—животное (отчасти ложно), всякая птица—бѣла (отч. ложно), и заключеніе, по модусу AAAJ, истинное: всякая птица—животное; ничто бѣлое—не животное (отч. ложно), всякій камень—бѣлъ (отч. ложно), и заключеніе, по модусу EAEJ, истинное: ни одинъ камень не животное.

томъ, что ничему не присуще, мы принимаемъ, что оно присуще всему, или о томъ, что всему присуще,—что оно не присуще ничему. Пусть A не присуще ни одному B, и B присуще всѣмъ C; если бы мы взяли посылку BC истинной, а посылку AB вполнѣ ложной, именно приняли, что A присуще всякому B, заключеніе не можетъ быть истиннымъ; ибо A не было присуще ни одному C, если A не присуще ничему, что есть B, а B присуще всѣмъ C[1]). Равнымъ образомъ, и въ томъ случаѣ, если A присуще всѣмъ B, и B всѣмъ C, то взявъ посылку BC истинной, а посылку AB вполнѣ ложной, то-есть принявъ, что A не присуще ничему, что есть B, [мы получимъ] заключеніе ложное, ибо A было присуще всѣмъ C, когда A присуще всему, что есть B, и B—всему C[2]). Итакъ, очевидно, что взявъ первую посылку вполнѣ ложной, все равно будетъ ли она утвердительной или отрицательной, а другую посылку взявъ истинною, мы не получимъ истиннаго заключенія. Если же мы возьмемъ первую посылку не вполнѣ ложной, заключеніе будетъ истиннымъ; ибо пусть A присуще всему C и нѣкоторымъ изъ B, и B присуще всему C, какъ напримѣръ всякому лебедю и кое-чему изъ бѣлаго свойственно быть животнымъ и всякому лебедю свойственно быть бѣлымъ; если мы приняли бы, что A присуще всему B[3]), и B—всему C, A будетъ истинно присуще всему C, такъ какъ всякій лебедь животное. То-же самое, если посылка AB отрицательная, ибо возможно, что A присуще нѣкоторымъ изъ B и не присуще ни одному C, а B присуще всѣмъ C, какъ напримѣръ иному изъ бѣлаго свойственно быть животнымъ, никакому снѣгу это не свойственно, и всякому снѣгу свойственно быть бѣлымъ; если

---

[1]) Тогда какъ изъ новаго силлогизма, съ вполнѣ ложной большей посылкой, получится заключеніе, что A присуще всѣмъ C.—Аристотель говоритъ, что въ модусѣ EAE первой фигуры истиннаго заключенія быть не можетъ, если большая посылка взята прямо противоположной истинѣ, ибо послѣ этой перемѣны мы получимъ модусъ AAA; если однако прежнее несомнѣнно истинное заключеніе было E, то очевидно, что новое заключеніе—A будетъ ложно. И вообще ясно, что истинныя заключенія изъ ложныхъ посылокъ могутъ имѣть мѣсто лишь тогда, когда они не противорѣчатъ соотвѣтственному заключенію изъ истинныхъ посылокъ или когда истинныя посылки вовсе не давали заключенія.

[2]) Тогда какъ изъ новаго силлогизма, съ ложной большей посылкой, слѣдуетъ, что A не присуще ни одному C. Дѣло идетъ о второмъ изъ общихъ модусовъ первой фигуры, именно о модусѣ AAA.

[3]) Это отчасти ложно.

же мы приняли бы, что *A* не присуще ни одному *B* [1]), и *B*—присуще всѣмъ *C*, *A* не будетъ присуще ни одному *C* [2]). Если, далѣе, мы возьмемъ посылку *AB* вполнѣ истинной, а посылку *BC*—вполнѣ ложной, заключенie будетъ истиннымъ, ибо ничто не препятствуетъ, чтобы *A* было присуще всему *B* и всему *C*, а *B* не присуще ни одному *C*, каковы отношенія видовъ одного и того же рода, но не содержащихся одинъ подъ другимъ [3]); напримѣръ, и человѣку, и лошади свойственно быть животными, но ни одному человѣку не свойственно быть лошадью; если же мы приняли бы, что *A* присуще всему *B*, и *B*—всему *C*, заключенie будетъ истиннымъ, хотя посылка *BC* вполнѣ ложная [4]). Подобнымъ же образомъ, когда посылка *AB* отрицательная: возможно, что *A* не присуще ни одному *B* и ни одному *C*, и *B* не присуще ни одному *C*, каковы соотношенія рода и видовъ другаго рода [5]); напримѣръ, ни музыка, ни медицина не подходятъ подъ родъ животнаго, ни медицина не есть музыка; если же приняли бы, что *A* не присуще ни одному *B*, но *B* присуще всѣмъ *C*, заключенie будетъ истиннымъ. Если посылка *BC* взята не вполнѣ ложной, а лишь отчасти, и въ такомъ случаѣ заключенie будетъ истиннымъ; ибо ничто не препятствуетъ, чтобы *A* было присуще всему *B* и всему *C*, а *B* было свойственно нѣкоторымъ изъ *C* [6]), каковы отношенія рода къ виду и отличительному признаку [7]): всякому человѣку и всякому существу, имѣющему ноги, свойственно быть животнымъ, но только нѣкоторыя, а не всѣ, существа, имѣющія ноги, суть люди; если же мы приняли бы, что *A* присуще всему *B*, и *B*—всему *C*, *A* будетъ присуще нѣкоторымъ изъ *C*, что и

---

[1]) Это отчасти ложно.

[2]) Это истинно, такъ какъ никакой снѣгъ не есть животное.

[3]) Поскольку всѣ *B* и всѣ *C* суть *A*, они суть виды рода *A*.

[4]) Всѣ лошади—животныя, всѣ люди—лошади (вполнѣ ложно), слѣдовательно всѣ люди—животныя (истинно).

[5]) *A* есть одинъ родъ, *B* и *C* разные виды другаго рода: и виды отличны одинъ отъ другаго, и вмѣстѣ отличны отъ другаго рода.

[6]) Изъ модуса AJ (всѣ *B* суть *A*, и нѣкоторые C суть *B*) слѣдуетъ въ первой фигурѣ заключенie частно-утвердительное; но этому, конечно, не противорѣчитъ общеутвердительное сужденie: всѣ *C* суть *A*.

[7]) Здѣсь *A* есть родъ, *B*—видъ, *C*—отличительный признакъ,—или, какъ въ слѣдующемъ за симъ примѣрѣ: родъ—животное, видъ—существо имѣющее ноги, отличительный признакъ—человѣкъ.

есть истина [1]). Подобнымъ же образомъ, если посылка *AB* отрицательная: возможно, что *A* не присуще ни одному *B* и ни одному *C*, а *B* присуще нѣкоторымъ изъ *C*, каковы отношенія рода къ виду и отличительному признаку; напримѣръ, ни разумъ [вообще], ни теоретическій разумъ не принадлежатъ животному, но одинъ изъ видовъ разума [вообще] есть теоретическій разумъ; если же мы приняли бы, что *A* не присуще ни одному *B*, и *B* присуще всему *C*, *A* не будетъ присуще ни одному *C*, что и вѣрно [2]).

При частныхъ силлогизмахъ [3]) выводъ можетъ быть истиннымъ,

---

[1]) То-есть, всѣ люди—животныя (вѣрно), всѣ существа, имѣющія ноги, суть люди (отчасти—ложно), слѣдовательно всѣ существа, имѣющія ноги, суть животныя (вѣрно).

[2]) Аристотель разобралъ, слѣдовательно, возможные случаи истинныхъ заключеній изъ ложныхъ посылокъ въ обоихъ модусахъ первой фигуры, дающихъ заключеніе (AAA и EAE); а именно, вопервыхъ, когда обѣ посылки вполнѣ ложныя: вовторыхъ, когда обѣ отчасти ложныя; въ-третьихъ, когда одна истинная, другая—отчасти ложная. (Случай, однако, когда одна посылка отчасти ложная а другая—вполнѣ ложная, Аристотель пропустилъ безъ изслѣдованія. Очевидно, что при этомъ истинное заключеніе получится лишь тогда, когда большая посылка отчасти ложная). Того же плана въ перечисленіи возможныхъ случаевъ истиннаго заключенія Аристотеля держится и въ двухъ слѣдующихъ главахъ.

[3]) Относительно частныхъ посылокъ должно замѣтить слѣдующее: Сужденіе частное можетъ имѣть или опредѣленное значеніе или неопредѣленное; напримѣръ, если нѣкоторые *A* суть *B*, то это можетъ значить, или что прочіе *A* не суть B, или что объ этихъ прочихъ B ничего опредѣленнаго не извѣстно. Въ настоящемъ изслѣдованіи Аристотель всегда принимаетъ частныя посылки въ первомъ, опредѣленномъ значеніи; слѣдуетъ полагать, что нѣкоторые *A* суть *B*= нѣкоторые *A* не суть *B*. Отсюда понятно, почему Аристотель, говоря о ложности частныхъ посылокъ, не изслѣдуетъ, какъ при общихъ посылкахъ двухъ случаевъ: полной ложности и ложности отчасти. Это зависитъ именно отъ того, что частныя сужденія (въ вышеуказанномъ *опредѣленномъ* значеніи) никогда не бываютъ вполнѣ ложны, а всегда лишь или истинны или отчасти ложны. Дѣйствительно, возьмемъ посылку „нѣкоторые *A* суть *B*"; ей можно противополагать или сужденіе *всѣ A суть B*, или сужденіе *ни одно A не есть B*, или сужденіе *нѣкоторые A не суть B* — другихъ возможностей нѣтъ; но если сужденіе *всѣ A суть B* истинно, то наша посылка лишь отчасти ложна (поскольку она утверждаетъ, что прочіе *A* не суть *B*); если сужденіе *ни одно A не B* истинно, то наше сужденіе тоже отчасти лишь ложно (по скольку оно утверждаетъ, что нѣкоторые *A* суть *B*); если, наконецъ, сужденіе *нѣкоторые A не суть B* истинно, наша посылка тоже истинна, ибо она съ нимъ тождественна. Тѣ же разсужденія приложимы, конечно, и ко второму виду частныхъ посылокъ, то-есть когда нѣкоторые *A* не суть *B*.

какъ при первой посылкѣ вполнѣ ложной, а другой истинной, такъ и при первой посылкѣ отчасти ложной [1]), а другой истинной, и при первой истинной, а частной—ложной, и при обѣихъ ложныхъ. Ничто не препятствуетъ, чтобы *A* не было свойственно ни одному *B* и было свойственно нѣкоторымъ *C* и *B* было свойственно нѣкоторымъ *C*, напримѣръ никакой снѣгъ не есть животное, иное изъ бѣлаго—животныя, и иное изъ бѣлаго есть снѣгъ; если бы взяли за средній терминъ снѣгъ, а за первый—животное, и приняли бы, что *A* свойственно всѣмъ *B* и *B*—нѣкоторымъ *C*, то посылка *AB* будетъ вполнѣ ложной, посылка *BC*—истинной, а заключеніе будетъ истинно [2]). Подобнымъ же образомъ, если посылка *AB* отрицательная: возможно, что *A* присуще всѣмъ *B* и не присуще нѣкоторымъ изъ *C*, а *B* присуще нѣкоторымъ изъ *C*, напримѣръ понятіе животнаго присуще всякому человѣку и не присуще иному изъ бѣлаго, а понятіе человѣка присуще иному изъ бѣлаго; взявъ за средній терминъ человѣка, и принявъ, что *A* не присуще ни одному изъ *B*, и *B* присуще нѣкоторымъ изъ *C*, получимъ истинное заключеніе, при вполнѣ ложной посылкѣ *AB* [3]). И если посылка *AB* отчасти ложная, заключеніе будетъ истиннымъ; ничто именно не мѣшаетъ, чтобы *A* было присуще какъ нѣкоторымъ изъ *B*, такъ и нѣкоторымъ изъ *C*, а *B* было присуще нѣкоторымъ изъ *C*; напримѣръ, понятіе животнаго присуще иному изъ прекраснаго и иному изъ великаго, а понятіе прекраснаго присуще иному изъ великаго; если теперь мы приняли бы, что *A* присуще всѣмъ *B*, и *B*—нѣкоторымъ изъ *C*, то посылка *AB* будетъ отчасти ложной, посылка *BC*—истинной, заключеніе же будетъ истиннымъ [4]). То же самое, когда посылка *AB* отрицательная: тѣ же тер-

---

[1]) Это можетъ быть, какъ указано въ предыдущемъ примѣчаніи, лишь въ томъ случаѣ, когда эта первая посылка общая, а не частная; но вѣдь во всѣхъ модусахъ, дающихъ заключеніе, первая посылка и должна быть общей.

[2]) Всякій снѣгъ есть животное (вполнѣ ложно), кое-что изъ бѣлаго есть снѣгъ (истинно), слѣдовательно (по модусу AJJI), кое-что изъ бѣлаго — животныя (истинно).

[3]) Ни одинъ человѣкъ не животное (вполнѣ ложно), кое-что изъ бѣлаго — люди (истинно), слѣдовательно (по модусу EJOI), кое-что изъ бѣлаго—не животныя (истинно).

[4]) Все прекрасное — животныя (отчасти ложно), иное изъ великаго—прекрасно (истинно), слѣдовательно (по модусу AJJI), иное изъ великаго — животныя (истинно).

мины и въ тѣхъ же отношеніяхъ могутъ служить для доказательства [1]. Далѣе, если посылка AB истинная, а BC—ложная, заключеніе будетъ истиннымъ; ничто именно не мѣшаетъ, чтобы A было присуще всѣмъ B и нѣкоторымъ изъ C, а B не было присуще ни одному изъ C, какъ напримѣръ понятіе животнаго присуще всякому лебедю и кое-чему изъ чернаго, а понятіе лебедя не присуще ничему черному; если же мы приняли бы, что A присуще всѣмъ B, и B—нѣкоторымъ изъ C, получится истинное заключеніе, при ложной посылкѣ BC [2]). То же самое, если посылка AB взята отрицательной, можетъ именно быть, что A не присуще ни одному B, ни нѣкоторымъ изъ C, а B не присуще ни одному C, каковы отношенія рода къ виду другаго рода и къ случайному признаку; напримѣръ понятіе животнаго не присуще никакому числу и присуще кое-чему изъ бѣлаго [3]), а понятіе числа не присуще ничему бѣлому [4]); взять число [B] за средній терминъ и принять, что A не присуще ни одному B и B присуще нѣкоторымъ изъ C, то A не будетъ присуще нѣкоторымъ изъ С, что и истинно, при этомъ посылка AB истинна, а BC ложна. Если [далѣе] посылка AB отчасти ложная и вмѣстѣ BC ложная, заключеніе будетъ истиннымъ; ничто именно не препятствуетъ, чтобы A было присуще и нѣкоторымъ изъ B и нѣкоторымъ изъ C, а B не было присуще ни одному C, какъ то бываетъ, когда B противоположно C, и оба они суть случайные признаки одного и того же рода; напримѣръ, понятіе животнаго присуще и иному изъ бѣлаго, и иному изъ чернаго, а бѣлое не присуще ничему черному; или же

---

[1]) Ничто прекрасное не есть животное (отчасти ложно), иное великое—прекрасно (истинно), слѣдовательно (по модусу EJOI) иное изъ великаго—не животныя (истинно).

[2]) Всѣ лебеди—животныя (истинно), иное изъ чернаго лебеди (ложно), слѣдовательно (по модусу AJJ I), иное изъ чернаго—животныя (истинно).

[3]) Здѣсь выраженіе „и кое-чему изъ бѣлаго" значитъ то же, что „ни кое-чему изъ бѣлаго", то-есть сужденія частныя принимаются здѣсь въ ихъ точномъ значеніи: если нѣкоторые A суть B, то это значитъ, что прочіе A не суть B, а не то, что о нихъ ничего не извѣстно. Будь это иначе, выраженіе *отчасти ложно* не имѣло бы смысла, ибо тогда, напримѣръ, сужденіе „нѣкоторые A не суть B" могло бы вполнѣ исключать сужденіе „всѣ A суть B" (въ случаѣ именно если бы и прочіе A не были B), а не отчасти только. Такое же пониманіе частныхъ сужденій имѣетъ мѣсто и во всемъ слѣдующемъ изслѣдованіи объ истинныхъ заключеніяхъ при ложныхъ посылкахъ.

[4]) Здѣсь B (число) есть родъ; другой родъ есть реальныя существа, котораго понятіе A (животное) есть видъ; C есть случайный признакъ для A.

мы приняли бы, что *A* присуще всякому *B*, и *B* нѣкоторымъ изъ *C*, заключенiе будетъ истиннымъ [1]). То же самое, если *AB* отрицательная посылка: тѣ же термины и такъ же взятые послужатъ для доказательства [2]). И если обѣ посылки взяты ложными, заключенiе будетъ истиннымъ; ибо можетъ быть, что *A* не присуще ни одному *B* и присуще нѣкоторымъ изъ *C*, а *B* не присуще ни одному *C*, какъ именно относится родъ къ виду другаго рода и къ случайному признаку видовъ того же рода; напримѣръ, понятiе животнаго не присуще никакому числу и присуще иному изъ бѣлаго, а понятiе числа не присуще ничему бѣлому [3]); если же мы приняли бы, что *A* присуще всѣмъ *B* и *B* нѣкоторымъ изъ *C*, заключенiе получится истинное, при обѣихъ ложныхъ посылкахъ [4]). То же самое, если [посылка] *AB* отрицательная; ничто именно не мѣшаетъ, чтобы *A* было присуще всему *B* и не было присуще нѣкоторымъ изъ *C*, а *B* не было присуще ни одному *C*, какъ напримѣръ, понятiе животнаго присуще всякому лебедю и не присуще иному изъ чернаго, а понятiе лебедя не присуще ничему черному; такъ что если бы мы приняли, что *A* не присуще ни одному *B*, и *B* присуще нѣкоторымъ изъ *C*, *A* не будетъ присуще нѣкоторымъ изъ *C*, то-есть заключенiе будетъ истиннымъ, а посылки ложными [5]).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Истинныя заключенiя изъ ложныхъ посылокъ, по второй фигурѣ.

По второй фигурѣ можно во всѣхъ случаяхъ заключать къ истинѣ изъ ложныхъ посылокъ, все равно возьмемъ ли мы обѣ посылки вполнѣ ложными, или обѣ отчасти ложными, или одну истинную, а другую вполнѣ ложную—причемъ безразлично, которая посылка лож-

---

[1]) Все бѣлое—животныя (отчасти ложно), иное изъ чернаго—бѣло (ложно), слѣдовательно (по модусу AJJI), иное изъ чернаго—животныя (истинно).

[2]) Ничто бѣлое не животное (отчасти ложно), иное черное—бѣло (ложно), слѣдовательно (по модусу EJOI), иное черное не суть животныя (истинно).

[3]) То-есть ничто бѣлое не есть число—здѣсь *B* (число) есть родъ, *A* (животное) видъ другаго рода (напримѣръ реальныхъ вещей) и *C* (бѣлое) случайный признакъ видовъ этого послѣдняго рода.

[4]) Всѣ числа суть животныя (ложно), иное изъ бѣлаго—числа (ложно), слѣдовательно (по модусу AJJI), иное изъ бѣлаго—животныя (истинно).

[5]) Никакой лебедь не животное (ложно), иное изъ чернаго—лебеди (ложно), слѣдовательно (по модусу EJOI), иное изъ чернаго — не животныя (истинно)

ная—или одну вполнѣ истинную, а другую отчасти ложную [1]; и это относится какъ къ общимъ силлогизмамъ, такъ и къ частнымъ. Пусть *A* не присуще ни одному *B* и присуще всѣмъ *C*, какъ напримѣръ понятіе животнаго не присуще никакому камню и присуще всякой лошади; если взять противорѣчащія этому посылки, то-есть принять, что *A* присуще всякому *B* и не присуще ни одному изъ *C*, то изъ вполнѣ ложныхъ посылокъ получится истинное заключеніе [2]. Подобнымъ же образомъ, если *A* присуще всякому *B* и не присуще ни одному изъ *C*, ибо заключеніе будетъ то же [3]. Далѣе, [заключеніе будетъ истиннымъ] когда одна изъ посылокъ вполнѣ ложная, а другая—вполнѣ истинная; ничто не мѣшаетъ, чтобы *A* было присуще всѣмъ *B* и всѣмъ *C*; а *B* не было присуще ни одному *C*, какъ именно относится родъ къ видамъ, не содержащимся одинъ подъ другимъ; напримѣръ понятіе животнаго присуще и всякой лошади и всякому человѣку, но ни одинъ человѣкъ не лошадь; если же принять, что понятіе животнаго одному присуще, а другому не присуще, то одна изъ посылокъ будетъ вполнѣ ложной, а другая—вполнѣ истинной, и заключеніе будетъ истиннымъ, въ которую изъ посылокъ мы ни помѣстимъ отрицаніе [4]. [Заключеніе будетъ истиннымъ] и тогда, когда одна изъ посылокъ отчасти ложная, а другая—вполнѣ истинная; возможно именно, что *A* присуще нѣкоторымъ изъ *B* и

---

[1]) Аристотель, разбирая ниже каждый изъ перечисленныхъ случаевъ, пропускаетъ и здѣсь, какъ и въ первой фигурѣ, то соединеніе, когда одна изъ посылокъ вполнѣ ложная, а другая—отчасти ложная. Очевидно, однако, что и при такомъ соединеніи заключеніе должно получаться истинное, такъ какъ истинное заключеніе получается изъ обѣихъ вполнѣ ложныхъ посылокъ, а вполнѣ ложная посылка заключаетъ въ себѣ ложность и отчасти ложной.

[2]) Каждый камень есть животное (вполнѣ ложно), ни одна лошадь не животное (вполнѣ ложно), слѣдовательно (по модусу AEE II) ни одна лошадь не камень (истинно).

[3]) Здѣсь измѣненъ только порядокъ посылокъ; напримѣръ, ни одна лошадь не животное, каждый камень животное, слѣдовательно ни одинъ камень не лошадь.

[4]) Приведенное доказательство относится, однако, лишь къ тому случаю, когда отрицательная посылка ложная, а утвердительная—истинная. Примѣръ для обратнаго случая: никакое число не есть животное (истинно), всякій треугольникъ—животное (вполнѣ ложно), слѣдовательно (по модусу JAE II) всякій треугольникъ не есть число (истинно). Эти же примѣры годятся, очевидно, и для случаевъ съ обратнымъ расположеніемъ посылокъ, а именно первый для случая, когда большая посылка отрицательная и ложная, а меньшая—утвердительная и истинная, а второй—для случая, когда большая посылка утвердительная и ложная, а меньшая—отрицательная и истинная.

всѣмъ C, а B не присуще ни одному изъ C; напримѣръ, понятіе животнаго присуще иному изъ бѣлаго и всѣмъ воронамъ, а бѣлое не присуще ни одному ворону; если же принять, что A не присуще ни одному B и присуще всѣмъ C, посылка AB будетъ отчасти ложной, посылка AC вполнѣ истинной и заключеніе будетъ истиннымъ. Перемѣстивъ отрицаніе, мы получимъ то же; доказывается это черезъ тѣ же термины [1]). То же самое, если утвердительная посылка отчасти ложная, а отрицательная—вполнѣ истинна; ничто именно не мѣшаетъ, чтобы A было присуще нѣкоторымъ изъ B и не было присуще ни одному C, а B не было присуще ни одному C; напримѣръ, понятіе животнаго присуще иному изъ бѣлаго и не присуще никакому дегтю, и бѣлое не присуще никакому дегтю; такъ что если принять, что A присуще всякому B и не присуще ни одному C, посылка AB будетъ отчасти ложной, а посылка AC—вполнѣ истинной, заключеніе же будетъ истиннымъ [2]). Оно будетъ истиннымъ и тогда, когда обѣ посылки отчасти ложныя; возможно именно, что A присуще и нѣкоторымъ изъ B, и нѣкоторымъ изъ C, а B не присуще ни одному C; напримѣръ, понятіе животнаго присуще и иному изъ бѣлаго и иному изъ чернаго, а бѣлое не присуще ничему черному; если же принять, что A присуще всѣмъ B, и не присуще ни одному C, обѣ посылки будутъ отчасти ложны, заключеніе же будетъ истиннымъ. То же самое будетъ, если мы перемѣстимъ отрицательную посылку; доказывается это черезъ тѣ же термины [3]).

Такія же отношенія представляютъ и частные силлогизмы [4]). Ни-

[1]) Каждый воронъ—животное (истинно), ничто бѣлое не есть животное (отчасти ложно), слѣдовательно (по модусу AEE II) ничто бѣлое не воронъ (истинно).

[2]) Аристотель оставляетъ безъ упоминанія случай, когда большая посылка всеобще отрицательная и истинная, меньшая—всеобще утвердительная и отчасти ложная, заключеніе же истинное. Примѣръ: никакой деготь не животное (истинно), все бѣлое—животное (отчасти ложно), слѣдовательно (по модусу EAE) никакой деготь не животное (истинно).

[3]) Ничто бѣлое не есть животное (отчасти ложно), все черное—животное (отчасти ложно), слѣдовательно (по модусу EAE II) ничто черное не бѣло (истинно).

[4]) Частные силлогизмы второй фигуры (то-есть, модусы EJO и AOO) Ар. разсматриваетъ короче, именно говоритъ лишь о случаяхъ *вполнѣ ложной* большей посылки, оставляя въ сторонѣ тѣ, когда эта посылка *отчасти ложна*. Ясно однако, что сказанное о первыхъ, примѣнимо и ко вторымъ, ибо если вполнѣ ложная посылка допускаетъ истинное заключеніе, то тѣмъ болѣе должна допускать такое же заключеніе и посылка ложная отчасти. Такимъ образомъ, Аристотель изслѣдуетъ здѣсь, для обоихъ модусовъ, слѣдующіе случаи: 1) когда большая посылка вполнѣ ложная, а меньшая — истинная; 2) когда большая посылка истинная, а меньшая—ложная и 3) когда обѣ посылки ложныя.

что не препятствуетъ, чтобы *A* было присуще всякому *B* и нѣкоторымъ изъ *C*, а *B* не было присуще нѣкоторымъ изъ *C*, какъ напримѣръ понятіе животнаго присуще всякому человѣку и иному изъ бѣлаго, а понятіе человѣка не присуще иному изъ бѣлаго; если же принять, что *A* не присуще ни одному *B* и присуще нѣкоторымъ изъ *C*, большая посылка будетъ вполнѣ ложной, меньшая—истинной, заключеніе же получится истинное. То же самое, если посылка *AB* взята утвердительной; возможно, что *A* не присуще ни одному *B* и не присуще нѣкоторымъ изъ *C*, и *B* не присуще нѣкоторымъ изъ *C*, какъ напримѣръ понятіе животнаго не присуще ничему неодушевленному и не присуще иному изъ бѣлаго, и понятіе неодушевленнаго не присуще иному изъ бѣлаго; если же принять, что *A* присуще всѣмъ *B* и не присуще нѣкоторымъ изъ *C*, посылка *AB*, всеобщая, будетъ вполнѣ ложной, посылка же *AC*—истинной, и заключеніе получится истинное. Оно будетъ истиннымъ и тогда, когда общая посылка взята истинной, а частная — ложной; ничто именно не препятствуетъ, чтобы *A* не сопутствовало ни одному *B* и ни одному *C*, а *B* не было присуще нѣкоторымъ изъ *C*, какъ напримѣръ понятіе животнаго не присуще ни одному числу и ничему неодушевленному, а число не сопутствуетъ иному изъ неодушевленнаго; если же принять, что *A* не присуще ни одному *B* и присуще нѣкоторымъ изъ *C*, заключеніе будетъ истиннымъ, какъ и большая посылка, а меньшая посылка будетъ ложной. То же самое, когда общая посылка—утвердительна; возможно, что *A* присуще и всѣмъ *B*, и всѣмъ *C*, а *B* не сопутствуетъ нѣкоторымъ изъ *C*, какъ относится родъ къ виду и отличительному признаку; напримѣръ понятіе животнаго присуще каждому человѣку и всѣмъ существамъ, имѣющимъ ноги, а понятіе человѣка — не всѣмъ такимъ существамъ; если же принять, что *A* присуще всѣмъ *B*, и не присуще нѣкоторымъ изъ *C*, общая посылка будетъ истинной, а частная — ложной, заключеніе же получится истинное. Очевидно также, что истинное заключеніе получится и изъ обѣихъ ложныхъ посылокъ, такъ какъ A можетъ сопутствовать и всѣмъ *B*, и всѣмъ *C*, а *B*—не сопувствовать нѣкоторымъ изъ *C*; если же принять, что *A* не присуще ни одному *B* и присуще нѣкоторымъ изъ *C*, обѣ посылки будутъ ложными, заключеніе же истиннымъ. То же самое и тогда, когда общая посылка утвердительная, а частная—отрицательная; возможно именно, что *A* не сопутствуетъ ни одному *B*, и сопутствуетъ всякому *C*, а *B* не присуще нѣкоторымъ изъ *C*, какъ, напримѣръ, понятіе животнаго не свойственно

пикакой наукѣ, но присуще всякому человѣку, а понятіе науки не присуще всякому человѣку; если же принять, что *A* присуще всякому *B*, но не сопутствуетъ нѣкоторымъ изъ *C*, посылки будутъ ложными, а заключеніе—истиннымъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Истинныя заключенія изъ ложныхъ посылокъ по третьей фигурѣ.

И по третьей фигурѣ получается истинное [заключеніе] изъ ложныхъ [посылокъ], возьмемъ-ли мы обѣ посылки вполнѣ или отчасти ложныя, или одну вполнѣ истинную, а другую—ложную, или одну отчасти ложную, а другую вполнѣ истинную, или обратно, или какимъ еще инымъ образомъ можно взять посылки. Ничто именно не мѣшаетъ, чтобы ни *A*, ни *B* не были присущи ни одному *C*, и *A* было присуще нѣкоторымъ изъ *B*, какъ напримѣръ ни понятіе человѣка, ни понятіе существа, имѣющаго ноги, не сопутствуютъ ничему неодушевленному, а понятіе человѣка присуще нѣкоторымъ изъ существъ, имѣющихъ ноги; если же принять, что *A* и *B* присуще всѣмъ *C*, то посылки будутъ вполнѣ ложны, а заключеніе истинно. То же самое, когда одна изъ посылокъ утвердительная, а другаа—отрицательная; возможно именно, что *B* не присуще ни одному *C*, и *A* присуще всѣмъ *C* и не присуще нѣкоторымъ изъ *B*, какъ напримѣръ понятіе чернаго не присуще ни одному лебедю, а понятіе животнаго свойственно каждому лебедю, но не всему черному, такъ, что, если принять, что *B* присуще всѣмъ *C*, и *A* не присуще ни одному *C*, *A* не будетъ присуще нѣкоторымъ изъ *B*, то-есть заключеніе будетъ истиннымъ, а посылки—ложными.—Заключеніе будетъ истиннымъ и тогда, когда обѣ посылки отчасти ложныя; ничто именно не препятствуетъ, чтобъ *A* и *B* были присущи нѣкоторымъ изъ *C*, и *A*—нѣкоторымъ изъ *B*, какъ напримѣръ понятіе бѣлаго и прекраснаго присущи инымъ изъ животныхъ, а понятія бѣлаго—иному изъ прекраснаго; если же принять, что *A* и *B* присущи всѣмъ *C*, посылки будутъ отчасти ложны, заключеніе же истинно. То же самое, когда посылка *AC* отрицательная; ничто именно не препятствуетъ, чтобы *A* не было присуще нѣкоторымъ изъ *C*, *B* было присуще нѣкоторымъ изъ *C*, и *A* было присуще не всѣмъ *B*, какъ напримѣръ бѣлое не присуще инымъ изъ животныхъ, прекрасное присуще инымъ изъ животныхъ, и бѣлое присуще не всему прекрасному; такъ что,

если принять, что A не присуще ни одному изъ C, а B присуще всѣмъ C, обѣ посылки будутъ отчасти ложными, а заключеніе — истиннымъ [1]).—То же самое и тогда, когда одна изъ посылокъ взята вполнѣ ложной, а другая—вполнѣ истинной; возможно именно, что и A, и B сопутствуютъ всѣмъ C, и A не присуще нѣкоторымъ изъ B, какъ напримѣръ понятіе животнаго и понятіе бѣлаго присущи всякому лебедю, но понятіе животнаго присуще не всему бѣлому: взявъ такіе термины и принявъ, что B присуще всѣмъ C, а A не присуще всѣмъ C, посылка BC будетъ вполнѣ истинной, посылка AC— вполнѣ ложной, заключеніе же — истиннымъ. То же самое, если посылка BC — ложная, а AC — истинная: для доказательства годятся тѣ же термины [2]). Заключеніе будетъ истиннымъ и тогда, когда обѣ посылки утвердительныя; ничто именно не препятствуетъ, чтобы B сопутствовало всѣми C, A вообще не сопутствовало C и A было присуще нѣкоторымъ изъ B, какъ напримѣръ понятіе животнаго присуще всякому лебедю, понятіе чернаго не присуще ни одному лебедю, и понятіе чернаго присуще иннымъ изъ животныхъ, такъ что если принять, что A и B присущи всѣмъ C, посылка BC будетъ вполнѣ истинной, посылка AC—вполнѣ ложной, заключеніе же истиннымъ. То же самое и тогда, когда посылка AC взята истинной; доказывается это черезъ тѣ же термины [3]). — Далѣе, заключеніе будетъ истиннымъ, когда одна изъ посылокъ вполнѣ истинна, а другая— отчасти ложная; возможно именно, что B присуще всѣмъ C, и A присуще нѣкоторымъ изъ C и нѣкоторымъ изъ B, какъ напримѣръ понятіе двуногаго присуще всякому человѣку, понятіе прекраснаго присуще не всякому человѣку и инымъ изъ двуногихъ; если же принять, что и A, и B присущи всѣмъ C, посылка BC будетъ вполнѣ истинной, AC—отчасти ложной, заключеніе же истиннымъ. То же самое, когда посылка AC взята истинной, а посылка BC — отчасти

[1]) Модусъ АА въ третьей фигурѣ даетъ заключеніе J, которое допускаетъ и сужденіе О.

[2]) Это заключеніе Аристотеля, какъ справедливо замѣчаетъ Александръ Афродисійскій, ошибочно, ибо при этихъ терминахъ большая посылка, долженствующая быть отрицательной, будетъ всегда ложной. Поэтому изъ комментарія Александра дается здѣсь другой примѣръ: ни одинъ лебедь не черенъ (истинно), всякій лебедь—неодушевленное существо, слѣдовательно (по модусу ЕАОШ) иныя изъ неодушевленныхъ существъ не черны (истинно).

[3]) Каждый лебедь — животное (истинно), каждый лебедь черный (вполнѣ ложно), слѣдуетъ (по модусу AAJ III) иные изъ чернаго суть животныя.

ложной; доказывается это черезъ тѣ же термины, переставивъ ихъ [1]). Заключеніе будетъ истиннымъ и тогда, когда одна изъ посылокъ отрицательная, а другая утвердительная; возможно именно, что *B* присуще всѣмъ *C*, *A* — нѣкоторымъ изъ *C*, и что при такихъ отношеніяхъ *A* присуще всѣмъ *B*; если же принять, что *B* присуще всѣмъ *C*, я *A* не присуще ни одному *C*, отрицательная посылка будетъ отчасти ложной, а другая — вполнѣ истинной, заключеніе же тоже истиннымъ. Далѣе, такъ какъ показано, что *A* можетъ быть не присуще нѣкоторымъ изъ *B*, когда *A* не присуще ни одному *C*, а *B* присуще нѣкоторымъ изъ *C* [2]), то ясно, что заключеніе можетъ быть истиннымъ, когда посылка *AC* вполнѣ истинная, а посылка *BC* — отчасти ложная; если именно принять, что *A* не присуще ни одному *C*, а *B* присуще всѣмъ *C*, посылка *AC* будетъ вполнѣ истинной, а *BC*—отчасти ложной.

Очевидно, что и въ частныхъ силлогизмахъ истинное заключеніе всегда получимо изъ ложныхъ посылокъ. Въ этихъ силлогизмахъ можно употребить [для доказательства] тѣ же самые термины, какіе мы брали въ общихъ посылкахъ, а именно въ утвердительныхъ — термины утвердительныхъ [общихъ силлогизмовъ], въ отрицательныхъ — термины отрицательныхъ. Ибо для употребленія терминовъ не дѣлаетъ никакой разницы, возьмемъ ли мы всеобще утвердительное [ложное] сужденіе вмѣсто [истиннаго] всеобще отрицательнаго или вмѣсто [истиннаго] частно утвердительнаго; и то же относится къ отрицательнымъ сужденіямъ [3]).

---

[1]) То-есть, принявъ терминъ „прекрасный“ за меньшій, а терминъ „двуногое существо“—за большій.

[2]) По модусу EJO третьей фигуры.

[3]) Что частные силлогизмы третьей фигуры даютъ истинныя заключенія во всѣхъ возможныхъ случаяхъ ложныхъ посылокъ, видно изъ слѣдующаго *общаго* соображенія. Частные модусы третьей фигуры, дающіе заключеніе, суть, какъ мы знаемъ, четыре слѣдующихъ: AJJ, JAJ; OAO, EJO. Сравнивая ихъ съ общими модусами третьей фигуры, дающими заключеніе, то-есть съ AAJ и EJO, мы видимъ, что два первыхъ частныхъ модуса вполнѣ подобны, по выводу, первому общему, а два послѣднихъ—второму общему. Отсюда видно, что общіе модусы отличаются отъ частныхъ (не по выводу, а) лишь по тому, что въ нихъ имѣется по одной общей посылкѣ; но эта большая степень утвержденія и отрицанія остается въ сущности (для вывода) безплодной, ненужной. Итакъ, если то, чѣмъ общіе модусы третьей фигуры отличаются отъ частныхъ, есть часть безплодная, то очевидно, что условія вывода и, въ частности, условія полученія истинныхъ заключеній изъ ложныхъ посылокъ, для частныхъ модусовъ должны быть одинаковы съ общими, и т. д. Аристотель однако прибѣгаетъ не къ этому общему сообра-

Итакъ мы видимъ [во всѣхъ трехъ фигурахъ], что, когда заключеніе ложно, посылки, изъ которыхъ оно выведено, необходимо должны быть ложными или всѣ, или нѣкоторыя, но когда заключеніе истинно, онѣ не необходимо должны быть истинны—ни всѣ, ни нѣкоторыя; если даже ни одна изъ посылокъ въ силлогизмѣ не истинна, заключеніе все-таки *можетъ* быть истиннымъ, хотя оно и *не необходимо* таково. Причина этого [то-есть того, что заключеніе не необходимо истинно] слѣдующая: когда два [термина] такъ связаны другъ съ другомъ, что если первый существуетъ, необходимо долженъ существовать и второй, то если этотъ второй не существуетъ, не можетъ существовать и первый, хотя если второй существуетъ, первый можетъ и не существовать; но невозможно, чтобы нѣчто *необходимо* существовало подъ условіемъ *и* бытія, *и* не-бытія чего-нибудь другаго, какъ напримѣръ, *B* было необходимо велико, когда *A*—бѣло, и *B* было бы необходимо велико, когда *A* не бѣло. Если именно одно, то-есть, *B*, велико, когда другое, напримѣръ, *A*, бѣло; и если *C*—не бѣло, когда *B* велико, то *C* необходимо будетъ не бѣло,

---

женію, но указываетъ на возможность провѣрить всѣ случаи истинныхъ заключеній изъ ложныхъ посылокъ въ частныхъ модусахъ помощью *тѣхъ же* самыхъ терминовъ, помощью которыхъ была сдѣлана эта провѣрка въ общихъ модусахъ. Чтобы понять общую причину этой возможности, возьмемъ примѣръ, замѣтивъ заранѣе, что частныя посылки, какъ-то было объяснено выше, никогда не бываютъ вполнѣ ложны, а лишь отчасти. Пусть намъ надо показать, что, напримѣръ, модусъ AJJ даетъ истинное заключеніе, когда большая посылка вполнѣ ложная, а меньшая—отчасти ложная; беремъ тѣ же термины, которые служили для подобнаго доказательства въ модусѣ AAA при обѣихъ *вполнѣ* ложныхъ посылкахъ: „вполнѣ возможно“, говорилъ тогда Аристотель, „что ни *A*, ни *B* не присущи ни одному *C*, и *A* присуще нѣкоторымъ изъ *B*“; примемъ теперь (какъ и въ модусѣ AAA), что *A* присуще всѣмъ *C*, что вполнѣ ложно, и далѣе, что *B* присуще нѣкоторымъ изъ *C*, что отчасти ложно (въ модусѣ AAA мы брали „*B* присуще всѣмъ *C*“, что вполнѣ ложно); получаемое заключеніе „A присуще нѣкоторымъ изъ C“ будетъ истинно (и тождественно съ заключеніемъ въ модусѣ AAA). Итакъ доказательство частнаго модуса велось черезъ тѣ же термины, съ тѣмъ только различіемъ, что (въ меньшей посылкѣ) вмѣсто *вполнѣ* ложнаго было взято отчасти ложное предположеніе. Но такъ какъ для вывода важно не то, истинны ли посылки, или ложны, а лишь формальныя отношенія подчиненности терминовъ, то заключеніе получилось въ обоихъ случаяхъ одинаковое. Вотъ это-то обстоятельство и разъясняетъ Аристотель, говоря, что для употребленія терминовъ безразлично, возьмемъ-ли мы ложное положеніе вполнѣ ложнымъ (напримѣръ, вмѣсто всеобщаго отрицанія—всеобщее утвержденіе) или отчасти ложнымъ (напримѣръ, вмѣсто частнаго утвержденія—всеобщее утвержденіе): для вывода важна лишь форма сужденія (то-есть, что оно всеобще—утвердительное), а есть-ли оно вполнѣ ложное или отчасти, безразлично.

когда *A* бѣло. И далѣе, если два термина такъ связаны, что если одинъ существуетъ, необходимо существуетъ и другой, то когда этотъ второй не существуетъ, необходимо не существуетъ и первый, то-есть, если *B* не велико, то и *A* не можетъ быть бѣлымъ. [Посему] предположивъ, что *B необходимо* велико, когда *A* не бѣло, мы съ необходимостью получаемъ, что *B* велико, когда *B* не велико, что невозможно; именно *A* необходимо не будетъ бѣло, когда *B* не велико и [по предположенію] *B* [необходимо] будетъ велико, когда *A* не бѣло, слѣдовательно *B* будетъ велико, когда оно не велико, соотвѣтственно тому, что получалось при трехъ терминахъ [1]).

---

[1]) Это разсужденіе, въ основѣ своей, весьма просто. Аристотель хочетъ доказать, помощью *reductio ad absurdum*, что заключеніе изъ ложныхъ посылокъ, хотя бы и было истиннымъ, но не необходимо таково. Дѣйствительно, допустивъ, что оно *необходимо* истинное, мы получимъ слѣдующее: выше было доказано, что если посылки истинны, заключеніе необходимо получается истинное, и слѣдовательно обратно, если нѣтъ истиннаго заключенія, то посылки необходимо не истинны; теперь же мы предположили, что необходимое слѣдствіе не истинныхъ посылокъ есть истинное заключеніе; слѣдовательно выходитъ, что необходимое слѣдствіе не истиннаго заключенія есть истинное заключеніе, что нелѣпо; такъ какъ первое условіе, приведшее къ такому выводу, несомнѣнно, то второе должно быть ложно, иначе говоря, наше предположеніе, оказывается ложнымъ, ч. т. д. Въ частности же разсужденіе Аристотеля ведется слѣдующимъ образомъ: вопервыхъ, Аристотель установляетъ смыслъ условной необходимой связи: если *B* есть необходимое слѣдствіе *A*, то когда *B* не существуетъ, *A* тоже не можетъ существовать; но *A* можетъ не существовать, когда *B* существуетъ. Затѣмъ переходя къ самой аргументаціи, онъ выставляетъ положеніе, что одно и то же, напримѣръ *B*, не можетъ быть необходимымъ слѣдствіемъ и *A* и *non—A* (или, какъ въ нашемъ случаѣ, истинное заключеніе не можетъ быть *необходимымъ* слѣдствіемъ и истинныхъ посылокъ, и ложныхъ); для доказательства этого положенія Аристотель предпосылаетъ два замѣчанія: 1) объ условномъ силлогизмѣ: изъ условныхъ посылокъ *если A—бѣло*, *то B—велико*, и *если B—велико*, *то C—не бѣло*, слѣдуетъ, что *если A—бѣло, то C не бѣло*; 2) какъ было уже замѣчено выше, если *B* есть необходимое слѣдствіе *A*, то когда *B* не существуетъ, *A* тоже не можетъ существовать. Помня это, мы легко поймемъ слѣдующее: если бы наше предположеніе, что *B* можетъ быть необходимымъ слѣдствіемъ и *A*, и *non—A* (*B* необходимо велико, когда *A* бѣло, и когда *A* не бѣло), было вѣрно, то отсюда получилось бы слѣдующее: когда *A* не бѣло, *B* необходимо велико, и слѣдовательно (по замѣчанію № 2), когда *B* не велико, *A* необходимо не бѣло; но когда *A* бѣло, *B* необходимо велико; слѣдовательно (по формѣ условнаго силлогизма въ замѣчаніи № 1), когда *B* велико, *B* необходимо не велико, что нелѣпо. Итакъ, *B* не можетъ быть *необходимымъ* слѣдствіемъ и *A*, и *non—A*. то-есть истинное заключеніе не можетъ быть *необходимымъ* слѣдствіемъ и истинныхъ, и ложныхъ посылокъ; но такъ какъ оно есть завѣдомо необходимое слѣд-

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О круговыхъ или взаимныхъ доказательствахъ, по первой фигурѣ.

Круговое или взаимное доказательство состоитъ въ томъ, что черезъ выводъ и одну изъ посылокъ. взятую, въ отношеніи къ сказуемому, наоборотъ [1]), доказывается другая изъ посылокъ, находившаяся въ данномъ силлогизмѣ, Напримѣръ, если должно было доказать, что *A* свойственно всѣмъ *C*, и это доказывалось черезъ *B*; а затѣмъ доказывается, что *A* присуще [всѣмъ] *B*, принявъ [за посылки], что *A* присуще [всѣмъ] *C*, и *C* присуще [всѣмъ] *B*, а слѣдовательно *A* присуще [всѣмъ] *B*; раньше же мы брали, наоборотъ, что *B* присуще всѣмъ *C* [2]). Или если должно доказать, что *B* присуще всѣмъ *C*, и принимается [за посылки], что *A* присуще [всѣмъ] *C* (это было раньше выводомъ), и что *B* присуще [всѣмъ] *A*; раньше же бралось, что *A* присуще [всѣмъ] *B*.—Иныхъ видовъ взаимнаго доказательства быть не можетъ; ибо если взять за средній терминъ нѣчто иное [а не *A*, *B* или *C*], доказательство не будетъ круговымъ: ничто изъ прежняго не будетъ [при новомъ среднемъ терминѣ] взято [какъ посылка]; если же за средній терминъ будетъ взято одно изъ прежнихъ понятій, то одна изъ посылокъ должна быть прежней, ибо если обѣ посылки будутъ прежними, получится и прежнее заключеніе, а должно получиться новое [3]). При сужденіяхъ не превратимыхъ, умо-

---

ствіе истинныхъ посылокъ, то остается допустить, что оно не есть необходимое слѣдствіе ложныхъ: заключеніе изъ ложныхъ посылокъ можетъ быть истиннымъ, но оно не необходимо таково, ч. т. д. Выраженіе „соотвѣтственно тому, что получалось при *трехъ* терминахъ" относится къ вышеуказанному (въ замѣчаніи № 1) условному силлогизму, съ его терминами *A*, *B*, *C*.

[1]) То-есть, черезъ обращенную посылку.

[2]) Основной силлогизмъ былъ таковъ: всѣ *B* суть *A*, всѣ *C* суть *B*, слѣдовательно всѣ *C* суть *A*. Въ новомъ же силлогизмѣ посылка „всѣ *B* суть *A*" принимается за доказуемое и посылками же берется прежній выводъ „всѣ *C* суть *A*" и обращенная прежняя меньшая посылка, обративъ „всѣ *B* суть *C*". Очевидно однако, что такое обращеніе всеобще—утвердительнаго сужденія во всеобще утвердительное (что необходимо, если мы желаемъ получить въ выводѣ, что всѣ *B* суть *A*) необычно, и возможно лишь въ исключительномъ случаѣ, напримѣръ если къ обращаемому сужденію „всѣ *C* суть *B*" прибавлено, что ни одно *B* не можетъ не быть *C*.

[3]) Среднимъ терминомъ новыхъ силлогизмовъ можетъ быть или *A*, или *B*, или *C*. Если это *B*, то получится старый силлогизмъ; если *C*, то посылками будутъ *AC* и *CB*, а заключеніе *AB*, то-есть получается первый изъ уже указан-

заключеніе получается съ одной изъ посылокъ не доказанной, а именно изъ данныхъ терминовъ невозможно доказать, что меньшій терминъ присущъ среднему, или что средній—первому [1]). При сужденіяхъ же превратимыхъ, все можетъ быть доказано одно черезъ другое, какъ напримѣръ, когда и *A*, и *B*, и C взаимно перемѣстимы [2]). Пусть именно [3]) *AC* доказано черезъ средній терминъ *B*, а затѣмъ *AB* черезъ [это] заключеніе и обращенную посылку *BC*; и также *BC*—черезъ [то же] заключеніе и обращенную посылку *AB*; должно теперь доказать *CB* и *BA*, ибо только этими посылками мы пользовались безъ доказательства. Если принять, что *B* присуще всякому *C*, и *C*—всякому *A*, получится заключеніе объ отношеніи *B* къ *A*; и далѣе, принявъ, что *C* присуще всякому *A*, и *A*—всякому *B*, необходимо *C* будетъ присуще всякому *B*. Въ обоихъ этихъ силлогизмахъ [только] посылка *CA* взята еще не доказанной, другія же посылки были уже доказаны; слѣдовательно, когда мы докажемъ и эту, всѣ посылки будутъ доказаны одна черезъ другую. Принявъ, что *C* присуще всякому *B*, и *B*—всякому *A*, мы взяли обѣ посылки уже [раньше] доказанныя, и доказали [вмѣстѣ съ тѣмъ], что *C* будетъ присуще A. Очевидно однако, что круговое или взаимное до-

---

ныхъ круговыхъ силлогизмовъ; если, наконецъ, среднимъ терминомъ будетъ *A*, то посылками будутъ *BA* и *AC*, а заключеніе *BC*, и получится второй изъ указанныхъ круговыхъ силлогизмовъ. Такъ какъ эти случаи исчерпываютъ всѣ возможности, то иныхъ видовъ круговыхъ силлогизмовъ нѣтъ.

[1]) Для доказательства перваго изъ указанныхъ обратныхъ силлогизмовъ необходима посылка „*C* присуще всѣмъ *B*" (меньшій терминъ присущъ среднему) и, если эта посылка не можетъ быть доказана, черезъ обращеніе данной въ главномъ силлогизмѣ меньшей посылки „*B* присуще всѣмъ *C*", то она остается не доказанной. То же надо сказать о посылкѣ „*B* присуще всѣмъ *A*" (средній терминъ присущъ большему) во второмъ изъ указанныхъ обратныхъ силлогизмовъ.

[2]) То-есть въ томъ исключительномъ случаѣ, когда напримѣръ сужденіе „всѣ *A* суть *C*" обратимо въ сужденіе „всѣ *C* суть *A*", и вообще, когда посылки *вполнѣ* обратимы.

[3]) Аристотель даетъ здѣсь доказательство того, что принявъ полную обратимость посылокъ, онѣ всѣ могутъ быть доказаны одна черезъ другую. Беремъ, дѣйствительно, основной силлогизмъ, именно *AC* доказываемъ черезъ *AB* и *BC*. Затѣмъ *AB*, какъ уже показано выше, доказуемо черезъ *AC* и *CB*, а *BC*—черезъ *BA* и *AC*. Изъ этихъ новыхъ посылокъ *AC* уже было доказываемо, *BA* доказуемо черезъ *BC* и *CA*, а *CB*—черезъ *CA* и *AB*. Въ свою очередь изъ этихъ новыхъ посылокъ не было раньше доказано только *CA*, которое и доказываемъ черезъ *CB* и *BA*, то-есть черезъ уже раньше доказанныя посылки. Такимъ образомъ доказательство доведено до конца, ничего не доказаннаго не осталось, и все доказано взаимно.

казательство возможно лишь при сужденіяхъ [вполнѣ] обратимыхъ; въ другихъ же случаяхъ оно получается лишь тѣмъ способомъ, о которомъ сказано выше [1]). Но и въ перваго рода доказательствахъ [2]) приходится пользоваться для доказательства самимъ доказываемымъ положеніемъ: посылки объ отношеніи *C* къ *B* и *B* къ *A* доказываются, принявъ, что *C* присуще *A*, а то, что *C* присуще *A*, доказывается, въ свою очередь, черезъ эти посылки, такъ что мы пользуемся заключеніемъ для доказательства.

При отрицательныхъ [общихъ] силлогизмахъ [3]) взаимное доказательство идетъ слѣдующимъ образомъ. Пусть *B* присуще всякому *C*, и *A* не присуще ни одному изъ *B*; заключеніе будетъ, что *A* не присуще ни одному изъ *C*; если же, затѣмъ, должно вывести, что *A* не присуще ни одному изъ *B* (это раньше принималось за данное), то посылки будутъ: *A* не присуще ни одному изъ *C*, и *C* присуще всякому *B*, ибо такова обращенная [прежняя] посылка. Если же должно вывести, что *B* присуще *C*, посылку *AB* приходится превращать не по прежнему, ибо будетъ-ли *B* не присуще ни одному изъ *A* или *A* не присуще ни одному изъ *B*—это все одна и та же посылка [4]); но должно принять [за посылку] сужденіе: всему тому, чему вовсе не присуще *A*, присуще *B*; дѣйствительно, пусть *A* будетъ не присуще ни одному изъ *C* (это было раньше заключеніемъ) и пусть всему тому, чему вовсе не присуще *A*, присуще *B*; отсюда съ необходимостью слѣдуетъ, что *B* присуще всякому *C* [5]). Такимъ образомъ каждое изъ трехъ положеній

---

[1]) То-есть черезъ ложное превращеніе сужденій, недопускающихъ полнаго превращенія.

[2]) То-есть при сужденіяхъ вполнѣ превратимыхъ.

[3]) То-есть въ модусѣ EAE первой фигуры.

[4]) То-есть въ обоихъ случаяхъ она остается отрицательной, а такъ какъ другая посылка (*AC*) тоже отрицательная, то такимъ образомъ не получится никакого заключенія.

[5]) Суть введеннаго измѣненія состоитъ въ томъ, чтобы придать отрицательному сужденію на словахъ утвердительную форму. Первый силлогизмъ былъ: ни одно *B* не есть *A*, всѣ *C* суть *B*, слѣдовательно ни одно *C* не *A*. Второму же силлогизму придается такая форма: все, *что не есть A*, есть *B*; всякое *C* есть то, *что не есть A*; слѣдовательно всѣ *C* суть *B*. Напримѣръ, пусть первый силлогизмъ будетъ таковъ: ничто разрушимое не вѣчно; все сотворенное—разрушимо, слѣдовательно ничто сотворенное не вѣчно; второй же силлогизмъ получитъ такую форму: все не вѣчное разрушимо; все сотворенное не вѣчно; слѣдовательно все сотворенное разрушимо.

становится заключеніемъ. а круговое доказательство и состоитъ въ томъ, что черезъ заключеніе и одну обращенную посылку доказывается другая посылка.

Въ частныхъ силлогизмахъ [1]) общую посылку невозможно доказать черезъ прочія положенія. а частную—можно. Что общая посылка недоказуема. это ясно: общее положеніе доказуемо лишь черезъ общія же, а заключеніе было не общимъ, доказывать же [общую посылку] приходится именно черезъ заключеніе и другую посылку; и черезъ обращеніе посылки не получится вообще никакого силлогизма [2]). Частная же посылка доказуема; пусть доказано черезъ *B* [какъ средній терминъ], что *A* присуще нѣкоторымъ изъ *C*; если принять, что *B* присуще всякому *A*, и сохранить заключеніе, то *B* будетъ присуще нѣкоторымъ изъ *C*; получается именно первая фигура, и *A* будетъ среднимъ терминомъ.—Если же силлогизмъ отрицательный [3]). общая посылка недоказуема, на томъ же основаніи. какъ выше; частная же доказуема, если мы обратимъ посылку *AB* такъ же, какъ то дѣлали при общемъ [отрицательномъ] заключеніи, то-есть, примемъ, что тому, чему не присуще *A*, присуще *B*; иначе же не получается никакого вывода. такъ какъ и [другая, то-есть] частная посылка отрицательна [4]).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О круговомъ доказательствѣ во второй фигурѣ.

Во второй фигурѣ утвердительная посылка не можетъ быть доказана такимъ [круговымъ] способомъ. а отрицательная—можетъ. Утвердительная не доказуема. ибо не обѣ посылки будутъ утвердительны: именно [прежнее] заключеніе отрицательно [5]), а утвердительное положеніе доказуемо только черезъ обѣ посылки утвердительныя. Отрицательная же посылка доказуема слѣдующимъ обра-

---

[1]) Модусы AJJ и EJO.

[2]) Ибо образуется модусъ съ двумя частными посылками, что вообще не даетъ никакого заключенія.

[3]) Модусъ EJO.

[4]) Пусть первое умозаключеніе было: ни одно *B* не есть *A*, нѣкоторыя *C* суть *B*, слѣдовательно нѣкоторыя *C* не *A*. Силлогизмъ же доказывающій частную посылку приметъ такую форму: все, *что не есть A*, есть *B* (обращенная большая посылка), нѣкоторыя *C* суть то, *что не есть A*, слѣдовательно нѣкоторыя *C* суть *B*.

[5]) Вторая фигура дастъ только отрицательные выводы.

зомъ: пусть A присуще всякому B, но не присуще ни одному C; заключеніе будетъ: B не присуще ни одному C; если же принять, что B присуще всякому A [1]), необходимо A не будетъ присуще ни одному C: получается именно вторая фигура со среднимъ терминомъ B[2]). Если же посылка AB взята отрицательной, а другая—утвердительная [3]), получится первая фигура; именно C присуще всѣмъ A, и B не присуще ни одному C, слѣдовательно, B не присуще ни одному A, а потому и A не присуще ни одному B; то-есть черезъ заключеніе и одну изъ посылокъ [искомое] заключеніе не получается, но оно получается послѣ прибавленія другаго положенія [4]). Если же умозаключеніе не всеобщее, общая посылка не доказуема, по той же причинѣ, которая указана выше [5]), а частная—доказуема, именно когда общая посылка утвердительная [6]); пусть именно A присуще всѣмъ B, но не всѣмъ C; заключеніе будетъ BC; принявъ же, что B присуще всѣмъ A, но не всѣмъ C, A не будетъ присуще инымъ изъ C; здѣсь среднiй терминъ B. Если же общая посылка отрицательная, нельзя доказать посылку AC черезъ AB [7]), ибо обѣ, или одна изъ посылокъ [8]) оказываются отрицательными, такъ что [искомаго] заключенія не получится; однако это можно доказать тѣмъ способомъ, какой мы примѣняли въ общихъ силлогизмахъ, принявъ именно, что тому, чему не присуще B, присуще A [9]).

---

[1]) То-есть взявъ большую посылку обращенной, какъ въ предыдущемъ, здѣсь предполагается, что всѣ сужденія *вполнѣ* обратимы.

[2]) Всѣ A суть В, ни одно C не есть В, слѣдовательно ни одно C не есть A.

[3]) Дѣло идетъ о второмъ изъ двухъ общихъ модусовъ второй фигуры, именно объ EAE.

[4]) Черезъ заключеніе (ни одно C не есть B) и одну изъ посылокъ (всѣ C суть A) не получается никакого заключенія (ибо модусъ AE въ третьей фигурѣ не даетъ вывода). Поэтому Аристотель беретъ прежнюю посылку (всѣ C суть B) *вполнѣ* обращенной (всѣ B суть C); это онъ и называетъ прибавленіемъ другаго кромѣ даннаго) положенія, такъ какъ въ обыкновенныхъ условіяхъ обращенія изъ положенія „всѣ C суть B“ было-бы получено только „нѣкоторыя B суть C.“

[5]) Въ предыдущей главѣ. Общая посылка не можетъ быть здѣсь доказана, потому что прежнее заключеніе, становящееся теперь посылкой, частное, а общее заключеніе выводимо лишь изъ обѣихъ общихъ посылокъ.

[6]) И слѣдовательно, частная посылка—утвердительная: модусъ AOO.

[7]) Модусъ EJO.

[8]) Аристотель намекаетъ на то, что часто отрицательное заключеніе (перваго силлогизма) мы могли бы принять за равное частно утвердительному; тогда только одна изъ посылокъ остается отрицательною.

[9]) То-есть взявъ большую посылку въ утвердительной формѣ, о чемъ смотри

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О круговомъ доказательствѣ въ третьей фигурѣ.

Въ третьей фигурѣ, если обѣ посылки взяты всеобщими [1]), круговое доказательство [по третьей же фигурѣ] не возможно: всеобшія положенія доказываются черезъ всеобщія-же, а въ этой фигурѣ заключеніе всегда бываетъ частнымъ, такъ что по этой фигурѣ невозможно доказать общей [прежней] посылки. Если же одна изъ посылокъ общая, а другая—частная, [частная] посылка иногда доказуема, иногда-же нѣтъ; она именно доказуема, когда обѣ посылки взяты утвердительными и меньшая посылка—общая; если же другая [большая] общая, то не доказуема [2]). Пусть [3]) *А* присуще всякому *С*, а *В* только нѣкоторымъ изъ *С*; заключеніе будетъ *АВ*; принявъ же, что *С* присуще всякому *А* [4]), доказано, что *С* присуще нѣкоторымъ изъ *В*, но что *В* присуще нѣкоторымъ изъ *С* [5]), это [еще] не доказано; хотя и необходимо *В* будетъ присуще инымъ изъ *С*, если *С* присуще нѣкоторымъ изъ *В*; но [все-таки] это не одно и то же, если первое присуще второму, и если второе присуще первому; должно именно [для искомаго вывода] прибавить указаніе, что если одно присуще другому, то и другое—первому; а принявъ это указаніе, умозаключеніе мы получаемъ уже не изъ вывода и одной изъ посылокъ [6]). Если же [7]) *В* присуще всякому *С*, и *А* присуще нѣкоторымъ изъ *С*, можно доказать посылку *АС*, принявъ, что *С* присуще всякому *В* [8]) и *А* нѣкоторымъ изъ *В*; ибо если *С* присуще

въ предыдущей главѣ. Примѣръ: 1) ни одинъ человѣкъ не лошадь, иныя изъ животныхъ—лошади, слѣдовательно, иныя изъ животныхъ не люди; 2) лошадь есть то, что не есть человѣкъ, иныя изъ животныхъ суть лошади, слѣдовательно, иныя изъ животиыхъ суть то, что не есть человѣкъ.

[1]) Модусы AAJ и EAO.

[2]) То-есть въ модусахъ JAJ и AJJ.

[3]) Доказательство второй половины утвержденія, то-есть, что въ модусѣ AJJ частная посылка недоказуема.

[4]) Такое полное обращеніе всеобще-утвердительнаго сужденія мы повсюду допустили въ круговыхъ доказательствахъ,

[5]) А это вѣдь и есть искомое въ круговомъ доказательствѣ заключеніе.

[6]) То-есть доказуемое положеніе „нѣкоторыя *В* суть *С*“ получается здѣсь не какъ прямое заключеніе изъ вывода и одной изъ посылокъ прямаго силлогизма, а черезъ обращеніе этого заключенія.

[7]) Доказательство второй половины утвержденія, то-есть, что въ модусѣ JAJ частная посылка доказуема.

[8]) Это опять полное обращеніе всеобще-утвердительнаго сужденія.

всякому B, и A — инымъ изъ B, необходимо A быть присущимъ инымъ изъ C; средній терминъ здѣсь B. Если же одна изъ посылокъ утвердительная, а другая—отрицательная, и если утвердительная—всеобща, то другая [то-есть частная] посылка доказуема [1]); пусть именно B присуще всякому C, и A не присуще инымъ изъ C; заключеніе: A не присуще инымъ изъ B; если же принять, что C присуще всякому B, слѣдуетъ [2]), что A не присуще инымъ изъ C; средній терминъ здѣсь B. Если-же [3]) отрицательная посылка всеобща, другая [частно-утвердительная] не доказуема иначе какъ указаннымъ выше способомъ, то-есть, принявъ, что тому, чему нѣчто не присуще, присуще другое [4]); если именно A не присуще ни одному C, и B присуще инымъ изъ C, заключеніе будетъ: A не присуще инымъ изъ B; если же взять [посылкой]: „C присуще тому, чему A не присуще“, необходимо C будетъ присуще инымъ изъ B [5]); доказывать инымъ образомъ эту посылку черезъ превращеніе большей посылки—невозможно, ибо никакимъ инымъ способомъ не получается вывода.

Итакъ, мы видимъ, что въ первой фигурѣ взаимное доказательство происходитъ и по третьей фигурѣ, и по первой, именно когда выводъ утвердительный — по первой, а когда отрицательный—по третьей, принимая, что тому, чему то-то не присуще, присуще другое [6]). Во второй фигурѣ, когда умозаключеніе общее, [взаимное] доказательство ведется по той же фигурѣ и по первой [7]), когда-же частное—по той же и по третьей [8]). Въ третьей же фигурѣ всѣ доказатель-

---

[1]) Модусъ OAO.

[2]) Это опять полное обращеніе всеобще-утвердительнаго сужденія. На особенность этого обращенія и указываетъ слово „прибавить“.

[3]) Модусъ EJO.

[4]) То-есть взявъ отрицательную по содержанію посылку въ утвердительной формѣ, о чемъ см. выше, гл. 5.

[5]) а) Ни одно C не есть A, нѣкоторыя C суть B, слѣдовательно нѣкоторыя B не суть A. б) То, *что не есть* A, есть C; то, *что не есть* A, есть B; слѣдовательно нѣкоторыя B суть C.

[6]) О такой замѣнѣ отрицательной посылки въ первой фигурѣ см. въ гл. 5, примѣчаніе къ модусамъ EAE и EJO. Такая видоизмѣненная посылка имѣетъ, дѣйствительно, форму какъ-бы двухъ посылокъ третьей фигуры (напримѣръ: въ модусѣ EJO: все то, что не есть A, есть B; здѣсь A и B какъ будто большій и терминъ, а *все то* ихъ общій субъектъ); однако выводъ и здѣсь, въ противность мнѣнію Аристотеля, происходитъ все-таки по первой фигурѣ.

[7]) См. выше, гл. 6, въ началѣ.

[8]) См. тамъ же; модусъ AOO доказывается по второй фигурѣ, а въ модусѣ

ства ведутся по той же фигурѣ. Мы видимъ также, что всѣ [взаимныя] доказательства въ третьей и во второй фигурѣ, которыя не получаются [непосредственно] черезъ эти фигуры [1], не суть круговыя доказательства, или, вѣрнѣе, суть не совершенныя круговыя доказательства.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

О превращеніи умозаключеній вообще, и въ частности въ первой фигурѣ.

Превратить [умозаключеніе] значитъ, превративъ выводъ [2], построить умозаключеніе о томъ, что большій терминъ не присущъ среднему, или что средній—меньшему. Если выводъ именно превращенъ, и одна изъ посылокъ сохранена, то необходимо другая посылка отрицается; ибо если-бы она осталась, то и [прежнее] заключеніе сохранилось-бы. Различается превращеніе вывода противуположнымъ образомъ и противнымъ образомъ, ибо не одно и то же умозаключеніе получается въ обоихъ случаяхъ превращенія; это будетъ видно изъ слѣдующаго. Я называю противуположными сужденія, что нѣчто присуще всему и присуще не всему, и сужденія, что нѣчто присуще иному и не присуще ничему; а противными я называю сужденія, что нѣчто присуще всему и не присуще ничему, и

EJO большая посылка такъ измѣняется, что имѣетъ форму посылокъ третьей фигуры, однако и здѣсь выводъ происходитъ въ дѣйствительности все-таки по второй же фигурѣ.

[1]) Аристотель имѣетъ въ виду тѣ доказательства, въ которыхъ заключеніе еще необходимо обращать; см. гл. 6, модусъ EAE и гл. 7, въ началѣ, модусъ AJJ.

[2]) Превращать сужденіе есть нѣчто иное, чѣмъ его обращать; въ послѣднемъ случаѣ субъектъ становится предикатомъ и наоборотъ; при превращеніи же сужденіе измѣняется въ противоположное или въ противное. Эти послѣднія отношенія ясно выражаются въ такъ называемомъ логическомъ квадратѣ:

Всеобще утвердительное сужденіе (A)	противныя	Всеобще отрицательное сужденіе (E)
	противуположныя / противуположныя	
Частно утвердительное сужденіе (J)	противныя	Частно отрицательное сужденіе (O)

сужденія, что нѣчто присуще тому-то, и не присуще тому-то [1]). Итакъ [2]), пусть доказано, черезъ средній терминъ *B*, что *A* присуще [всѣмъ] *C*. Если принять, что *A* не присуще ни одному *C*, но присуще всѣмъ *B*, *B* не будетъ присуще; если же принять, что *A* не присуще ни одному *C*, и *B* присуще всѣмъ *C*, то *A* не будетъ присуще нѣкоторымъ изъ *B*, но мы не получимъ вывода, что *A* не присуще ни одному *B*, ибо по третьей фигурѣ невозможно доказать общаго положенія. Вообще. черезъ превращеніе умозаключенія нельзя всецѣло опровергнуть большую посылку, ибо это опроверженіе всегда ведется черезъ третью фигуру, такъ какъ [въ превращенномъ умозаключеніи] приходится брать за меньшую посылку каждую изъ [прежнихъ] посылокъ [3]). И если умозаключеніе отрицательно, то же самое [4]); пусть именно доказано черезъ *B*, что *A* не присуще ни одному изъ *C*; если принять, что *A* присуще всякому *C*, и *C* не присуще ни одному *B*, *B* не будетъ присуще ни одному изъ *C*; а если *A* и *B* присущи всякому *C*, *A* будетъ присуще инымъ изъ *B*; [въ основномъ же силлогизмѣ] утверждалось, что *A* не присуще ни одному изъ *B*.

Если-же выводъ превращенъ въ противуположный, и умозаключенія получатся противуположныя [5]) и не общія, ибо одна изъ посылокъ оказывается частной [6]), и слѣдовательно и выводъ долженъ

---

[1]) См. предыдущее примѣчаніе.

[2]) Аристотель начинаетъ съ анализа превращенія общаго заключенія (утвердительнаго и отрицательнаго) въ противное; затѣмъ говоритъ о превращеніи его же въ противуположное; далѣе изслѣдуетъ превращеніе частнаго заключенія въ противуположное, и наконецъ, частнаго же—въ противное.

[3]) Основной силлогизмъ: всѣ *B* суть *A*, всѣ *C* суть *B*, слѣд. всѣ *C* суть *A*. Противное этому выводу сужденіе: ни одно *C* не есть *A*. Соединяя это сужденіе съ большей посылкой основнаго силлогизма, опровергаемъ вполнѣ меньшую посылку того же силлогизма; соединяя же его съ меньшей посылкой — опровергаемъ *отчасти* большую. Дѣйствительно, если ни одно *C* не есть *A*, и всѣ *B* суть *A*, то (по модусу AEE второй фигуры) ни одно *C* не *B*. Если-же ни одно *C* не *A*, и всѣ *C* суть *B*, то (по модусу EAO третьей фигуры) только *нѣкоторые B* не суть *A*.

[4]) То-есть, взявъ сужденіе противное выводу, мы получимъ, при помощи бывшей большей посылки, заключеніе *противное* бывшей меньшей посылкѣ; при помощи-же бывшей меньшей посылки—заключеніе *противуположное* бывшей большей и лишь отчасти ее опровергающее.

[5]) То-есть, выводъ такого силлогизма будетъ не противнымъ, а противуположнымъ одной изъ посылокъ основнаго силлогизма.

[6]) Одна изъ посылокъ, именно та, которая взята противуположной посылкѣ

получиться частный. Пусть именно дано утвердительное умозаключеніе [1]), и превратимъ его указаннымъ способомъ; если *A* присуще не всякому *C*, и присуще всякому *B*, *B* будетъ присуще не всякому *C*; и если *A*—не всякому *C*, а *B*—всякому, *A* будетъ присуще не всякому *B* [2]). То же самое, если умозаключеніе отрицательно; если именно *A* присуще нѣкоторымъ изъ *C* и не присуще ни одному *B*, *B* не будетъ присуще инымъ изъ *C*, но не вообще ни одному *C*; и если *A* присуще инымъ изъ *C*, а *B*, какъ сначала [въ основномъ силлогизмѣ], присуще всякому *C*, *A* будетъ присуще инымъ изъ *B* [3]).

При частныхъ умозаключеніяхъ, когда выводъ превращается въ противуположный, каждая изъ посылокъ отрицается, а когда въ противный,—ни одна, ибо по превращеніи вывода онъ [по объему] оказывается недостаточнымъ [4]), и отрицаніе [посылокъ] болѣе не удается такъ, какъ при общихъ умозаключеніяхъ, и даже вообще не удается. Пусть именно доказано, что *A* присуще нѣкоторымъ изъ *C*; если принять, что *A* не присуще ни одному *C*, и *B* присуще нѣкоторымъ изъ *C*, *A* не будетъ присуще нѣкоторымъ изъ *B*; и если принять, что *A* не присуще ни одному *C* и присуще всякому *B*, *B* не будетъ присуще ни одному *C*; слѣдовательно, каждая изъ посы-

---

основнаго силлогизма, будетъ непремѣнно частной, такъ какъ посылка основнаго силлогизма въ разбираемыхъ модусахъ всеобща, а по опредѣленію, обще-утвердительному сужденію противуположно частно-отрицательное, и обще-отрицательному—часто утвердительное.

[1]) Всѣ *B* суть *A*, всѣ *C* суть *B*, слѣдовательно всѣ *C* суть *A*.

[2]) Въ обоихъ случаяхъ взято посылкой сужденіе противуположное заключенію основнаго силлогизма; второю же посылкою служитъ въ одномъ случаѣ большая, а въ другомъ—меньшая посылка основнаго силлогизма; и выводъ въ обоихъ случаяхъ получается частный и противуположный, въ первомъ случаѣ меньшей, а во второмъ—большей посылки основнаго силлогизма, ч. и т. д.

[3]) Основной силлогизмъ: ни одно *B* не *A*, всѣ *C* суть *B*, слѣд. ни одно *C* не *A*. Беремъ посылкой сужденіе противуположное этому выводу, то-есть, нѣкоторыя *C* суть *A*; другою же посылкой выбираемъ въ одномъ случаѣ большую посылку основнаго силлогизма, а въ другомъ — меньшую; заключеніе въ обоихъ случаяхъ получается частное и противуположное, въ первомъ случаѣ меньшей посылкѣ основнаго силлогизма, а во второмъ—большей, ч. и т. д.

[4]) Превращая частный выводъ въ противуположный, мы получаемъ общее сужденіе; превращая же его въ противный—опять-таки частное. Этотъ недостаточный объемъ и есть причина, почему превращенный силлогизмъ не даетъ въ этомъ случаѣ искомаго вывода, то-есть, не можетъ служить къ опроверженію посылокъ основнаго силлогизма.

локъ отрицается [1]). Если-же заключенiе превращается въ противное, ни одна изъ посылокъ не отрицается; ибо если *A* не присуще нѣкоторымъ изъ *C* и присуще всякому *B*, *B* не будетъ присуще нѣкоторымъ изъ *C*; но [этимъ] не отрицается данное сначала, ибо *B* можетъ быть нѣкоторымъ изъ *C* присуще, а нѣкоторымъ не присуще; о большей же посылкѣ, *AB*, вообще не получается заключенiя, ибо если *A* не присуще нѣкоторымъ изъ *C*, и *B* присуще нѣкоторымъ изъ *C*, ни одна изъ посылокъ не всеобща [2]). То же самое, если умозаключенiе отрицательно, именно если будетъ принято, что *A* присуще всякому *C*, каждая посылка отрицается, а если будетъ принято, что *A* присуще нѣкоторымъ изъ *C*,—ни одна; доказательство то же [3]).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О превращенiи заключонiй во второй фигурѣ.

Во второй фигурѣ большую посылку нельзя отрицать противнымъ образомъ [4]), какъ бы превращенiе [заключенiя] ни дѣлалось, ибо

---

[1]) Основной силлогизмъ: всѣ *B* суть *A*, нѣкоторыя *C* суть *B*, слѣдовательно нѣкоторыя *C* суть *A*. Сужденiе противуположное этому выводу: ни одно *C* не есть *A*; соединяя его съ меньшей посылкой основнаго силлогизма, получаемъ, что нѣкоторыя *B* не суть *A*, выводъ, отрицающiй большую посылку основнаго силлогизма; соединяя же его съ меньшей посылкой основнаго силлогизма, получаемъ выводъ, что ни одно *C* не есть *B*, выводъ, отрицающiй меньшую посылку основнаго силлогизма.

[2]) Основой силлогизмъ тотъ же, что̀ выше. Сужденiе противное его заключенiю: нѣкоторые *C* не суть *A*. Соединяя это сужденiе съ большей посылкой основнаго силлогизма, получаемъ, что нѣкоторыя *C* не суть *B*, а это не противорѣчитъ меньшей посылкѣ основнаго силлогизма; соединяя же это сужденiе съ меньшей посылкой основнаго силлогизма, не получаемъ никакого вывода, такъ какъ двѣ частныхъ посылки вообще не составляютъ силлогизма.

[3]) Основной силлогизмъ: ни одно *B* не *A*, нѣкоторыя *C* суть *B*, слѣдовательно нѣкоторыя *C* не суть *A*. Сужденiе противуположное этому выводу (всѣ *C* суть *A*) вмѣстѣ съ большой посылкой даетъ заключенiе (ни одно *C* не *B*), отрицающее меньшую посылку, вмѣстѣ же съ меньшей посылкой, — заключенiе (нѣкоторыя *B* суть *A*), отрицающее большую посылку. Сужденiе противное заключенiю (нѣкоторыя *C* суть *A*), вмѣстѣ съ большей посылкой, даетъ заключенiе (нѣкоторыя *C* не суть *B*) не противорѣчащее меньшей посылкѣ; вмѣстѣ же съ меньшей посылкой, не даетъ никакого заключенiя, ибо обѣ посылки оказываются частными.

[4]) Отрицать по̀сылку противнымъ образомъ значитъ вывести заключенiе ей противное.

всегда выводъ будетъ получаться по третьей фигурѣ, а общихъ заключеній въ этой фигурѣ не имѣется; меньшую же посылку мы будемъ такъ же отрицать, какъ превращаемъ [заключеніе]; я говорю такъ же, то-есть, если заключеніе превращено противнымъ образомъ, и посылка отрицается противнымъ образомъ, а если противуположнымъ, то и посылка противоположнымъ образомъ. Пусть именно A присуще всякому B и не присуще ни одному C; заключеніе будетъ BC [1]); если же принять, что B присуще всякому C [2]), и оставить [посылку] AB, A будетъ присуще всякому C [3]); получается именно первая фигура; если же B присуще всякому C, и A не присуще ни одному C [4]) A будетъ присуще не всѣмъ B [5]); это — третья фигура. Если превратить BC по противуположности, сужденіе AB будетъ доказано такимъ же образомъ, а сужденіе AC окажется противуположнымъ; если именно B присуще нѣкоторымъ изъ C [6]), и A не присуще ни одному C, A не будетъ присуще нѣкоторымъ изъ B; и вовторыхъ, если B присуще нѣкоторымъ изъ C, и A присуще всякому B, A будетъ присуще нѣкоторымъ изъ C, такъ что заключеніе будетъ противуположнымъ [въ обоихъ случаяхъ]. Такъ же ведется доказательство и тогда, когда посылки взяты наоборотъ [7]).

Если же силлогизмъ частный, то черезъ превращеніе заключенія въ противное не отрицается ни одна изъ посылокъ, какъ и въ первой фигурѣ; а черезъ превращеніе его въ противуположное отрицается каждая изъ посылокъ. Положимъ именно, что A не присуще ни одному B и присуще нѣкоторымъ изъ C; заключеніе будетъ BC [8]);

---

[1]) Модусъ второй фигуры AEE.

[2]) То-есть, взять сужденіе противное заключенію.

[3]) То-есть, получается выводъ противный меньшей посылкѣ и его отрицающій.

[4]) То-есть, сохраняется меньшая посылка.

[5]) То-есть, получается выводъ противуположный большей посылкѣ и ее не вполнѣ отрицающій.

[6]) То-есть, выводъ AB окажется, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, отчасти отрицающимъ посылку основнаго силлогизма, выводъ же AC, который былъ въ предыдущемъ случаѣ вполнѣ отрицающимъ соотвѣтственную посылку основнаго силлогизма, здѣсь будетъ только отчасти ее отрицать.

[7]) Это и есть сужденіе противуположное выводу основнаго силлогизма.

[8]) Основной силлогизмъ: ни одно B не A, всѣ C суть A, слѣдовательно ни одно C не B. Сужденіе *противное* заключенію (всѣ C суть B), вмѣстѣ съ большей посылкой, даетъ выводъ (ни одно C не A) *противный* меньшей посылкѣ основнаго силлогизма и ее опровергающій; а вмѣстѣ съ меньшей посылкой — выводъ (нѣкоторыя B суть A) *противуположный* большей посылкѣ и ее опровер-

если же принять, что *B* присуще нѣкоторымъ изъ *C* [1]), и сохранить [посылку] *AB*, получится заключеніе: *A* не присуще нѣкоторымъ изъ *C*; но этимъ не отрицается данное сначала, ибо *A* можетъ быть нѣкоторымъ изъ *C* присуще, а нѣкоторымъ нѣтъ; далѣе, если *B* присуще нѣкоторымъ изъ *C*, и *A* присуще нѣкоторымъ изъ *C* [2]), заключенія не получится, такъ какъ ни одна изъ посылокъ не общая, и слѣдовательно [прежняя посылка] *AB* не отрицается. Если же заключеніе превращено въ противуположное, каждая изъ посылокъ отрицается; именно если *B* присуще всѣмъ *C* [3]), и *A* не присуще ни одному *B*, *A* не будетъ присуще ни одному *C*, а оно было присуще нѣкоторымъ *C*; и далѣе, если *B* присуще всѣмъ *C*, и *A* присуще нѣкоторымъ изъ *C*, *A* будетъ присуще нѣкоторымъ изъ *B* [4]). Таково же доказательство, если общая посылка взята утвердительной [5]).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

О превращеніи заключеній въ третьей фигурѣ.

Въ третьей фигурѣ, когда заключеніе превращается въ противное, ни одна изъ посылокъ не отрицается; если же оно превращается въ противуположное, то отрицается каждая изъ посылокъ и во всѣхъ умозаключеніяхъ. Пусть именно доказано, что *A* присуще нѣкоторымъ изъ *B*, среднимъ терминомъ пусть будетъ принято *C*, и пусть [обѣ] посылки взяты всеобщими; если принять, что *A* нѣкоторымъ изъ *B* не присуще [6]), и *B* присуще всѣмъ *C*, заключенія объ *A* и *C* не получается; и если A не присуще нѣкоторымъ изъ *B*, но присуще всѣмъ *C*, тоже не получается заключенія объ *B* и *C* [7]). Такъ же доказывается это, когда посылки не всеобщи, ибо послѣ пре-

гающій. Сужденіе же *противуположное* заключенію (нѣкоторыя *C* суть *B*), вмѣстѣ съ большей посылкой, даетъ выводъ (нѣкоторыя *C* не суть *B*) *противуположный* меньшей посылкѣ; а вмѣстѣ съ меньшей—такой же выводъ, какъ при сужденіи противномъ заключенію.

[1]) Основной силлогизмъ. Модусъ EJO.

[2]) То-есть, взявъ сужденіе противное заключенію основнаго силлогизма.

[3]) То-есть, сохранивъ меньшую посылку основнаго силлогизма.

[4]) Это сужденіе противуположно частно-отрицательному заключенію основнаго силлогизма.

[5]) Дано же было, что *A* не присуще ни одному изъ *B*.

[6]) То-есть, въ модусѣ AOO.

[7]) То-есть, взято сужденіе противное основному силлогизму.

вращенія или обѣ посылки будутъ частными, или меньшая изъ нихъ будетъ общей, а при этомъ не получается заключенія ни по первой фигурѣ, ни по второй [1]). Если же умозаключенія превращаются противуположнымъ образомъ, и та, и другая посылка отрицается; если именно *А* не присуще ни одному *В* [2]), и *В* присуще всякому *С*, *А* не будетъ присуще ни одному *С* [3]); и вовторыхъ, если *А* не присуще ни одному *В* и присуще всякому *С*, *В* не будетъ присуще ни одному *С* [4]). То же самое, если одна изъ посылокъ частная [5]), ибо если *А* не присуще ни одному изъ *В*, и *В* присуще нѣкоторымъ *С*, *А* будетъ не присуще нѣкоторымъ *С*; если же *А* не присуще ни одному *В*, но присуще каждому *С*, *В* не будетъ присуще ни одному *С*.

То же самое, если умозаключеніе отрицательно; пусть именно доказано, что *А* не присуще нѣкоторымъ изъ *В*, и пусть [посылка]

---

[1]) Точнѣе сказать, не получается заключенія объ отношеніи *В* къ *С*, а только объ отношеніи *С* къ *В* (нѣкоторыя *В* не суть *С*).

[2]) Аристотель говоритъ здѣсь о частно утвердительныхъ модусахъ третьей фигуры, то-есть, объ JAJ и AJJ. Превративъ частно утвердительное заключеніе въ сужденіе ему противное, мы получаемъ частно-же отрицательное, которое и будетъ теперь большей посылкой. Итакъ, большая посылка здѣсь всегда частная, а меньшая будетъ или общей (именно когда мы возьмемъ за меньшую посылку сужденіе *СВ* въ первомъ изъ этихъ модусовъ, и сужденіе *АС* — во второмъ), или частной (именно если мы возьмемъ за меньшую посылку сужденіе *СА* въ первомъ модусѣ, и *СВ*—во второмъ). Во всѣхъ этихъ четырехъ случаяхъ мы получаемъ или первую фигуру (если меньшая посылка *СВ*), или вторую (если меньшая посылка *СА*) и именно въ обѣихъ фигурахъ модусы OJ и OA; а эти модусы въ этихъ фигурахъ, какъ извѣстно, не даютъ заключеній.

[3]) Это сужденіе противуположно частно утвердительному выводу главнаго силлогизма.

[4]) Большая же посылка основнаго силлогизма гласила, что *А* присуще всѣмъ *С*.

[5]) Меньшая же посылка главнаго силлогизма: *В* присуще всѣмъ *С*. Дѣло идетъ о модусѣ AAJ.

[6]) Модусы JAJ и AJJ. Дѣйствительно, 1) модусъ JAJ: нѣкоторыя *С* суть *А* всѣ *С* суть *В*, слѣдовательно, нѣкоторыя *В* суть *А*; превратимъ заключеніе въ противуположное — всѣ *С* не суть *А*; съ большей посылкой это даетъ выводъ: нѣкоторыя *С* не суть *В*, съ меньшей же — всѣ *С* не суть *А*; первый выводъ противорѣчитъ меньшей посылкѣ, второй—большей; 2) модусъ AJJ: всѣ *С* суть *А*, нѣкоторыя *С* суть *В*, слѣдовательно, нѣкоторыя *В* суть *А*; превратимъ заключеніе въ поотивуположное—всѣ *В* не суть *А*; съ большей посылкой это даетъ — всѣ *С* не суть *В*, съ меньшей-же — нѣкоторыя *С* не суть *А*; первый выводъ противорѣчитъ меньшей посылкѣ, второй—большей.

BC утвердительная, и *AC*—отрицательная: такимъ образомъ получалось заключеніе [1]); если взять сужденіе противное выводу, умозаключенія не получится; ибо если *A* присуще нѣкоторымъ изъ *B*, и *B*—всякому *C*, то нѣтъ заключенія объ *A* и *C* [2]); и когда *A* присуще нѣкоторымъ изъ *B* и не присуще ни одному *C*, нѣтъ заключенія о *B* и *C*, такъ что и посылки [основного силлогизма] не отрицаются; если же взято сужденіе противоположное заключенію, каждая изъ посылокъ отрицается, ибо когда *A* присуще всякому *B*, и *B*—всякому *C*, *A* будетъ присуще всякому *C*, а [въ основномъ силлогизмѣ] оно не было присуще ни одному *C*; и вовторыхъ, если *A* присуще всякому *B* и не присуще ни одному *C*, *B* не будетъ присуще ни одному *C*, а оно было присуще всякому *C*. Такъ же доказывается это, если посылки не всеобщи; посылка *AC* бываетъ [при этомъ] всеобщей и отрицательной [3]); когда *A* присуще всякому *B*, и *B*—нѣкоторымъ изъ *C*, *A* оказывается присущимъ нѣкоторымъ изъ *C*, а оно не было присуще ни одному *C*; и вовторыхъ, когда *A* присуще всякому *B* и не присуще ни одному *C*, *B* не будетъ присуще ни одному *C*; если же *A* присуще нѣкоторымъ изъ *B*, и *B*—нѣкоторымъ изъ *C*, умозаключенія не получается; не бываетъ его и тогда, если *A* присуще нѣкоторымъ изъ *B* и не присуще ни одному *C* [4]); такъ что въ первомъ случаѣ [прежнія] посылки отрицаются, а во второмъ—нѣтъ [5]).

Изъ сказаннаго видно, какимъ образомъ при превращеніи вывода получается заключеніе въ каждой фигурѣ, и когда получается оно противнымъ посылкѣ, а когда — противоположнымъ; видно также, что въ первой фигурѣ эти заключенія получаются черезъ вторую

---

[1]) Въ модусѣ EAO.

[2]) Точнѣе: нѣтъ *нужнаго* заключенія объ отношеніи *B* къ *C*, а лишь заключеніе объ отношеніи *C* къ *B* (нѣкоторыя *B* суть C).

[3]) Модусъ EJO.

[4]) Или, точнѣе, не получается нужнаго заключенія, а только обратное, и притомъ не обратимое (частно-отрицательное).

[5]) Превращеніе модуса OAO, о которомъ Аристотель отдѣльно не говоритъ, подобно предыдущему. Основной силлогизмъ: нѣкоторыя *C* не суть *A*, всѣ *C* суть *B*, слѣдовательно, нѣкоторыя *B* не суть *A*; превратимъ заключеніе въ *противное* ему сужденіе—нѣкоторыя *B* суть *A*; съ большой посылкой это сужденіе вовсе не даетъ заключенія, а съ меньшей—нѣкоторыя *C* суть *B*, что не противорѣчитъ данному. Превратимъ заключеніе въ *противоположимое* ему сужденіе—всѣ *B* суть *A*; съ большой посылкой это сужденіе даетъ выводъ—нѣкоторыя *C* не суть *B*, а съ меньшей—всѣ *C* суть *A*; оба вывода не противорѣчатъ даннымъ.

и третью фигуру, именно меньшая посылка всегда отрицается черезъ вторую фигуру, а большая—черезъ третью; что во второй фигурѣ эти заключенія получаются черезъ первую и третью фигуру, а именно меньшая посылка отрицается всегда черезъ первую, а большая—черезъ третью фигуру; [и наконецъ] что въ третьей фигурѣ они получаются черезъ первую и вторую фигуру, а именно большая посылка отрицается всегда черезъ первую, а меньшая—черезъ вторую.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Сведеніе къ невозможному и его отношеніе къ превращенію умозаключеній вообще, и въ частности, въ первой фигурѣ,

Мы видѣли, въ чемъ состоитъ превращеніе умозаключеній, какъ оно происходитъ въ каждой фигурѣ, и какое [при этомъ] получается заключеніе. Умозаключеніе же черезъ невозможное доказывается тѣмъ, что берется сужденіе противорѣчащее заключенію и прибавляется еще другая посылка; примѣнимо же оно во всѣхъ фигурахъ. Оно подобно превращенію, но отличается тѣмъ, что превращаемъ мы, когда умозаключеніе уже дано, и обѣ посылки приняты, а сводимъ къ невозможному безъ предварительнаго доказательства противоположнаго [истинѣ] положенія, но [условно] беремъ его за очевидно истинное [1]); однако термины въ обоихъ доказательствахъ имѣютъ тѣ же соотношенія и берутся одинаково въ обѣихъ посылкахъ; напримѣръ, [если въ дѣйствительности] A присуще всякому B, а сред-

[1]) Въ превращеніи умозаключенія ложность одной изъ посылокъ доказывалась слѣдующимъ образомъ: вопервыхъ, брался нѣкоторый силлогизмъ, въ который эта посылка входитъ; затѣмъ признавалось, что полученный въ этомъ основномъ силлогизмѣ выводъ ложенъ, а что, слѣдовательно, истинно сужденіе ему противоположное или противное; наконецъ, изъ этого сужденія и изъ другой посылки дѣлалось заключеніе противоположное или противное той посылкѣ, ложность которой должна быть доказана. Иначе ведется умозаключеніе отъ невозможнаго: здѣсь заранѣе не берется никакого основнаго силлогизма, но выставляется положеніе противорѣчащее доказуемому, и изъ этого положенія силлогистически выводится нелѣпое заключеніе; нелѣпость же заключенія и показываетъ, что положеніе, противорѣчащее доказуемому ложно, а доказуемое истинно. Такимъ образомъ, при превращеніи мы имѣемъ уже нѣкоторое основное умозаключеніе и притомъ признается, что выводъ этого основнаго силлогизма ложенъ; при доказательствѣ же черезъ невозможное такое предварительное доказательство не нужно; мы только условно, на время, предполагаемъ, что доказуемое положеніе ложно, а ему противорѣчащее—истинно.

ній терминъ C, и если предположить, что A не присуще нѣкоторымъ изъ B или ни одному B, и что оно присуще всякому C (это послѣднее истинно), то необходимо C не будетъ присуще нѣкоторымъ или ни одному B; но это невозможно; а слѣдовательно, наше предположеніе ложно; итакъ истинное ему противуположное; такъ же и относительно прочихъ фигуръ, гдѣ именно допустимо превращеніе, тамъ возможно и доказательство отъ невозможнаго [1]).

Обще-утвердительное положеніе доказуемо черезъ невозможное лишь по второй и третьей фигурѣ, а не по первой; всѣ же прочія положенія—по всѣмъ фигурамъ [2]). Примемъ, что A не присуще или нѣкоторымъ или ни одному изъ B [3]), и присоединимъ еще одну изъ двухъ посылокъ, именно или „C присуще всякому A", или „B присуще всякому D", ибо именно такимъ образомъ можетъ получиться

---

[1]) *Доказательство отъ невозможнаго.* Данъ основной силлогизмъ: всѣ C суть A, всѣ B суть C, слѣдовательно всѣ B суть A; это заключеніе признается ложнымъ, слѣдовательно истинно то, что нѣкоторые или всѣ B не суть A; но всѣ C суть A (несомнѣнно истинная посылка основнаго силлогизма), слѣдовательно нѣкоторые или всѣ B не суть C, а слѣдовательно посылка „всѣ B суть C" ложна, и т. д. *Доказательство черезъ невозможное*; доказать, что всѣ B суть A; если это ложно, то нѣкоторые или всѣ B не суть C; но всѣ B суть A; слѣдовательно въ такомъ случаѣ нѣкоторыя B не были-бы C, что невозможно, слѣдовательно и наше предположеніе ложно, слѣдовательно всѣ B суть A. Такимъ образомъ, дѣйствительно, въ обоихъ доказательствахъ берутся тѣ же термины и въ одинаковыхъ сужденіяхъ. Замѣтимъ однако, что Аристотель не упомянулъ того рѣзкаго различія, которое раздѣляетъ оба доказательства: въ доказательствѣ черезъ превращеніе выводъ основнаго силлогизма оказывается ложнымъ, въ доказательствѣ же черезъ невозможное онъ доказывается какъ истинный, и соотвѣтственно тому въ первомъ сужденіи „нѣкоторыя или всѣ B суть A" признается за истинное, также какъ сужденіе „нѣкоторыя B суть C", въ доказательствѣ же черезъ невозможное они признаются ложными.

[2]) Методъ слѣдующаго изслѣдованія таковъ: доказуемыя черезъ невозможныя сужденія могутъ быть или всеобще, или частно утвердительными, или всеобще, или частно отрицательными; Аристотель беретъ послѣдовательно положенія имъ противуположныя, предполагаетъ ихъ истинными и ищетъ такихъ *истинныхъ* посылокъ, чтобы вмѣстѣ съ ними они давали заключенія по каждой изъ фигуръ; это заключеніе затѣмъ признается ложнымъ, и выводится, что, слѣдовательно, и сдѣланное предположеніе ложно, слѣдовательно противорѣчащее ему доказуемое положеніе истинно.

[3]) Аристотель хочетъ доказать, что по первой фигурѣ нельзя доказать, черезъ невозможное, всеобще утвердительнаго сужденія (всѣ B суть A). Если всеобще утвердительное сужденіе ложно, то истинно отрицательное, то-есть или ни одно, или нѣкоторыя B не суть A.

первая фигура [1]). Однако [во-первыхъ] если мы предполагаемъ, что *A* неприсуще нѣкоторымъ изъ *B*, не получается заключенія, какую бы мы ни взяли [другую] посылку [2]). Если же [во-вторыхъ] предполагаемъ, что *A* не присуще ни одному *B*, заключеніе о ложномъ получится, если мы прибавимъ [посылку] *BD*, но основное положеніе [все-таки] остается недоказаннымъ: когда *A* не присуще ни одному *B*, и *B* присуще всякому *D*, *A* не будетъ присуще ни одному *D*; пусть это невозможно, слѣдовательно, предположеніе, что *A* не присуще ни одному *B*, ложно; однако изъ того, что положеніе „*A* не присуще ни одному *B*" ложно, не слѣдуетъ, что *A* присуще всякому *D*. Если же мы прибавимъ [посылку] *CA*, заключенія тоже не получается [3]); не получается его и тогда, когда мы предполагаемъ, что *A* не присуще нѣкоторымъ изъ *B* [4]). Итакъ, мы видимъ, что по первой фигурѣ доказать всеобще утвердительное положеніе черезъ невозможное нельзя. Положеніе же частно утвердительное и обще—и частно отрицательныя [такимъ образомъ] доказуемы; предположимъ, что *A* не присуще ни одному изъ *B* [5]), и возьмемъ [посылку]: *B* присуще всѣмъ или нѣкоторымъ *C*; слѣдовательно, *A* не будетъ присуще ни одному или нѣкоторымъ *C*; это невозможно — пусть именно истинно и очевидно, что *A* присуще всякому *C*—, если же это невозможно, то необходимо *A* присуще инымъ изъ *B*. Взявъ же иную посылку съ *A*, мы не получимъ заключенія [6]). Не получается доказательства и тогда, когда предполагается сужденіе противное [7]) заключенію, то-есть частно

---

[1]) Если одна изъ посылокъ есть *BA*, то другая, необходимо имѣя съ первой одинъ изъ терминовъ общимъ, а другой—различнымъ, можетъ быть или *AC*, или *DB*; такъ какъ *A* и *B* взяты въ первой посылкѣ логическими сказуемымъ и подлежащимъ, то во второй они должны быть, наоборотъ, подлежащимъ и сказуемымъ, безъ чего не выйдетъ первой фигуры; эти двѣ возможныя вторыя посылки должны быть утвердительными, ибо первая посылка отрицательная, и притомъ общими, ибо иначе заключеніе не могло бы быть общимъ. Соединяя всѣ эти условія, мы видимъ, что меньшей посылкой можетъ быть или „*C* присуще всякому *A*" или „*B* присуще всякому *D*".

[2]) Ибо модусы AO и OA въ первой фигурѣ не даютъ заключенія.

[3]) Ибо модусъ AE въ первой фигурѣ не даетъ заключенія.

[4]) Эта послѣдняя прибавка излишня, ибо этотъ случай уже былъ разсмотрѣнъ выше.

[5]) Доказывается, отъ невозможнаго, частно утвердительное положеніе „*A* присуще инымъ изъ *B*".

[6]) То-есть принявъ за средній терминъ не *B*, но *A*. Напримѣръ, всѣ *A* суть *C*, ни одно *B* не *A*—заключенія нѣтъ (модусъ AE).

[7]) Но не противуположное, какъ выше. Дѣйствительно, изъ посылокъ „нѣ-

отрицательное; слѣдовательно. должно дѣлать противоположное [заключенію] предположеніе. Далѣе, предположимъ, что *A* присуще инымъ изъ *B* [1]), и возьмемъ [посылкой]: *C* присуще всякому *A* необходимо, слѣдовательно, *C* будетъ присуще инымъ изъ *B*; это пусть невозможно, слѣдовательно, наше предположеніе ложно; а если это такъ, то истинно. что *A* не присуще ни одному *B*: то же. если взять [посылку] *CA* отрицательной [2]). Если же взята посылка съ *B*. заключенія не будетъ [3]). Сдѣлавъ же предположеніе противное [доказуемому положенію], мы получимъ заключеніе и невозможный выводъ, но заданное не будетъ доказано; предположимъ именно, что *A* присуще всѣмъ *B* [4]). и возьмемъ [за посылку]—*C* присуще всѣмъ *A*; слѣдовательно, необходимо *C* быть присущимъ всѣмъ *B*; это невозможно, и [предположеніе, что] *A* присуще всѣмъ *B*. ложно; но если оно и не присуще всѣмъ *B*, то вовсе не слѣдуетъ, что оно не присуще ни одному *B*; то же, если взять другую посылку съ *B*, умозаключеніе и невозможный выводъ получается. но предположеніе не отрицается [5]); итакъ, должно дѣлать [не противное, но] противуположное предположеніе.—Для того, чтобы доказать. что *A* присуще не всему *B*, должно предположить, что оно присуще всему; если именно *A* присуще всему *B*, и *C* — всему *A*. *C* будетъ присуще всему *B*; такъ что, если это не вѣрно, предположеніе наше ложно [6]); то же, если другая посылка взята съ *B* [7]). И если посылка *CA*

которые *B* суть *A*" и „всѣ *C* суть *B*", равно какъ изъ посылокъ „нѣкоторые *B* не суть *A*" и „всѣ *A* суть *C*" не слѣдуетъ никакихъ заключеній (модусы OA и AO первой фигуры).

[1]) То-есть докажемъ отъ невозможнаго обще отрицательное положеніе „ни одно *B* не *A*".

[2]) Нѣкоторые *B* суть *A*, ни одно *A* не *C*, слѣдовотельно нѣкоторые *C* не *B*; это пусть ложно; слѣд. наше предположеніе, что нѣкоторые *B* суть *A*, тоже ложно, слѣд. и т. д.

[3]) Нѣкоторые *B* суть *A*, всѣ *C* суть *B*—или нѣкоторые *B* суть *A*, ни одно *C* не *B*: въ обоихъ случаяхъ заключеній нѣтъ.

[4]) Обще отрицательному сужденію противно обще утвердительное.

[5]) Точнѣе было бы сказать „предположеніе отрицается, но основное положеніе тѣмъ не доказывается": всѣ *B* суть *A*, и всѣ *C* суть *B*, слѣд. всѣ *C* суть *A*; если же это ложно, то предположеніе (всѣ *B* суть *A*) тоже ложно; но отсюда не слѣдуетъ, что ни одно *B* не *A*.

[6]) И если, ложно, что *A* присуще всему *B*, то истинно, что *A* присуще не всему *B*, ч. т. д.

[7]) Всѣ *B* суть *A*, всѣ *C* суть *B*, слѣд. всѣ *C* суть *A*; это ложно, слѣдовательно ложно и то, что всѣ *B* суть *A*; слѣд. не всѣ *B* суть *A*, ч. т. д.

была отрицательной,—то же, то-есть, такимъ же образомъ получается умозаключеніе [1]); если же посылка съ *B* отрицательна, никакого доказательства не выходитъ [2]). Если же мы предположимъ не всеобще утвердительное, а частно утвердительное сужденіе [3]), то докажемъ не частно, а обще отрицательное положеніе; если именно *A* присуще нѣкоторымъ изъ *B*, и *C* присуще всѣмъ *A*, *C* будетъ присуще нѣкоторымъ изъ *B*; если же это невозможно, то ложно, что *A* присуще нѣкоторымъ изъ *B*, а слѣдовательно истинно, что оно не присуще ни одному *B*; но черезъ доказательство такого положенія отрицается вмѣстѣ съ тѣмъ и истинное [4]), ибо *A* было инымъ изъ *B* присуще, а инымъ нѣтъ. Да и притомъ изъ нашего предположенія и не вытекаетъ ничего невозможнаго: [для этого] оно должно бы быть ложнымъ, такъ какъ изъ истинныхъ посылокъ нельзя получить ложнаго заключенія, а между тѣмъ оно истинно: *A* присуще нѣкоторымъ изъ *B*. Итакъ, мы должны [для доказательства] предполагать не то, что *A* присуще нѣкоторымъ изъ *B*, а то, что оно присуще имъ всѣмъ. То же самое и въ томъ случаѣ, когда намъ предстоитъ доказать, что *A* не присуще нѣкоторымъ изъ *B*: если выраженія „не всему быть присущимъ“ и „нѣкоторымъ быть не присущимъ“ тождественны, то и доказательства въ обоихъ случаяхъ тѣ же.

Итакъ мы видимъ, что во всѣхъ умозаключеніяхъ должно дѣлать не противное, но противуположное [основному положенію] предположеніе; ибо такимъ именно образомъ получается нѣкоторый выводъ, и [черезъ него] основное положеніе становится очевиднымъ. Такъ какъ о всемъ вѣрно или утвержденіе или отрицаніе, то если доказано, что отрицаніе невѣрно, необходимо слѣдуетъ, что истинно утвержденіе; и далѣе, если отвергается истинность утвержденія, то очевидно, должно признать отрицаніе. Но отношеніе по противному не подходитъ ни къ одному изъ этихъ случаевъ, ибо ни всеобще утвердительное положеніе необходимо истинно, если всеобще отрицательное ложно, ни если первое ложно, не очевидно, что второе истинно.

---

[1]) Всѣ *B* суть *A*, ни одно *A* не *C*, слѣд. ни одно *C* не *B*; если это ложно, то ложно и предположеніе, что всѣ *B* суть *A*; слѣд. истинно, что не всѣ *B* суть *A*, ч. т. д.

[2]) Получается именно модусъ АЕ первой фигуры.

[3]) То-есть сдѣлаемъ предположеніе не противуположное, но противное доказываемому.

[4]) То-есть если мы возьмемъ предположеніе не противуположное, но противное доказываемому, то получимъ, что ни одно *B* не *A*, тогда какъ должно было доказать, что нѣкоторыя *B* не суть *A* (и нѣкоторыя *B* суть *A*).

Мы видѣли, что всякія положенія, кромѣ всеобще утвердительнаго, доказуемы отъ невозможнаго по первой фигурѣ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Доказательство отъ невозможнаго по второй фигурѣ.

По второй же и по послѣдней фигурамъ доказуемы отъ невозможнаго и положенія всеобще утвердительныя. Пусть именно *A* присуще не всему *B*, и примемъ, что *A* присуще всѣмъ *C*; если оно присуще не всему *B* и всему *C*, то *C* присуще не всему *B*: но это оказывается невозможнымъ; ибо пусть очевидно, что *C* присуще всему *B*; слѣдовательно, наше предположеніе ложно, и слѣдовательно, *A* присуще всѣмъ *B*. Если же мы сдѣлаемъ предположеніе противное [доказываемому], умозаключеніе и ложный выводъ получится, но требуемое доказано не будетъ. Если именно *A* не присуще ни одному *B* и присуще всякому *C*, *C* не присуще ни одному *B*; но это невозможно; слѣдовательно, ложно, что *A* не присуще ни одному *B*; однако изъ того, что это ложно, еще не слѣдуетъ, что *A* присуще всѣмъ *B*. Если далѣе, [должно доказать, что] *A* присуще нѣкоторымъ изъ *B*, и предположимъ, что оно не присуще ни одному *B*, и пусть оно присуще всѣмъ *C*; слѣдовательно, *C* не присуще ни одному *B*; если же это невозможно, необходимо, чтобы *A* было присуще нѣкоторымъ изъ *B*. Если же мы сдѣлаемъ предположеніе, что *A* не присуще нѣкоторымъ изъ *B* [1]), получится то же, что и въ первой фигурѣ [2]). Далѣе, предположимъ, что *A* присуще нѣкоторымъ изъ *B* [3]), и пусть оно не присуще ни одному *C*; слѣдовательно, *C* не присуще ни одному изъ *B*; но оно было присуще всѣмъ имъ, поэтому наше предположеніе ложно, а слѣдовательно, *A* не будетъ присуще ни одному *B*. Если же доказывается, что *A* присуще не всѣмъ *B* [4]), предположимъ, что оно присуще всѣмъ имъ, и пусть *A*

---

[1]) То-есть возьмемъ предположеніе не противуположное доказываемому, но противное ему.

[2]) То-есть докажемъ не то, что требуется: не частно, а обще утвердительное положеніе. Именно, если нѣкоторыя *B* не суть *A*, и всѣ *C* суть *A*, то нѣкоторыя *C* не суть *B*; если же это ложно, то ложно и то, что нѣкоторыя *B* не суть *A*; а слѣдовательно всѣ *B* суть *A*.

[3]) Доказывается обще отрицательное сужденіе отъ противуположнаго ему частно утвердительнаго.

[4]) То-есть сужденіе частно отрицательное.

неприсуще ни одному *C*; *C* не будетъ, слѣдовательно, присуще ни одному изъ *B*; но это невозможно; слѣдовательно, истинно, что *A* присуще не всѣмъ *B*.

Итакъ, мы видимъ, что по второй фигурѣ доказуемы [отъ невозможнаго] всѣ положенія.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Доказательство отъ невозможнаго по третьей фигурѣ.

Подобнымъ же образомъ ведутся доказательства отъ невозможнаго и по третьей фигурѣ. Положимъ, что *A* не присуще нѣкоторымъ изъ *B* [1]), и пусть *C* присуще всѣмъ *B*; *A*, слѣдовательно, не присуще нѣкоторымъ изъ *C*; если же это невозможно, то ложно, что *A* не присуще нѣкоторымъ изъ *B*, и слѣдовательно, истинно, что оно присуще всѣмъ имъ. Если же предположить, что оно не присуще ни одному *B*, и умозаключеніе и невозможное получается, но требуемое доказано не будетъ, то-есть предположивъ противное [доказываемому], мы получимъ то же, что выше [2]). Но такое [3]) предположеніе должно дѣлать, когда доказывается частное [утвердительное] положеніе; если именно *A* не присуще ни одному *B*, и *C* присуще нѣкоторымъ изъ *B*, *A* будетъ присуще не всѣмъ *C*; если же это ложно, то истинно, что *A* присуще нѣкоторымъ изъ *B*. Если же *A* не присуще ни одному изъ *B*, предположимъ, что оно присуще инымъ изъ нихъ, и возьмемъ, что *C* присуще всѣмъ *B*; слѣдовательно, *A* присуще инымъ изъ *C*; но [въ дѣйствительности] оно не присуще ни одному *C*; слѣдовательно, ложно, что *A* присуще нѣкоторымъ изъ *B*. Если же предположить, что *A* присуще всѣмъ *B* [4]), требуемое будетъ доказано, но такое предположеніе должно сдѣлать для доказательства того, что *A* присуще не всѣмъ *B*; ибо если *A* присуще всѣмъ *B*, и *C* — нѣкоторымъ изъ *B*, то *A* присуще нѣкоторымъ изъ *C*; но въ дѣйствительности это иначе; слѣдовательно, ложно, что *A* присуще всѣмъ *B*; если же это такъ, то истинно, что оно присуще не всѣмъ

---

[1]) Доказывается всеобще утвердительное сужденіе черезъ противуположное ему частно отрицательное.

[2]) Именно доказывается частно (а не обще) утвердительное сужденіе. См. предыдущую главу.

[3]) Подразумѣвается: (не противное, а) обще отрицательное.

[4]) То-есть сдѣлать противное, а не противуположное предположеніе.

Если же предположить, что *A* присуще нѣкоторымъ изъ *B* [1]), получится то же, что въ разсмотрѣнныхъ выше случаяхъ [2]).

Итакъ, мы видимъ, что во всѣхъ умозаключеніяхъ отъ невозможнаго должно дѣлать предположенія противуположныя. Мы видимъ также, что по второй фигурѣ можно такимъ же способомъ доказывать утвердительныя положенія, а по третьей—общія [3]).

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Различіе прямаго доказательства отъ доказательства черезъ сведеніе къ невозможному.

Доказательство черезъ сведеніе къ невозможному отличается отъ прямаго тѣмъ, что оно полагаетъ то, что хочетъ отрицать, и сводитъ его къ признаваемому за ложное, а доказательство прямое выходитъ изъ признаваемыхъ за истину положеній. Правда, оба доказательства берутъ двѣ признанныя посылки, но прямое беретъ такія, изъ которыхъ получается умозаключеніе, а доказательство отъ невозможнаго беретъ лишь одну изъ такихъ посылокъ, а за другую принимается положеніе противорѣчивое [искомому] выводу, и [притомъ] въ первомъ случаѣ не необходимо, чтобы выводъ былъ уже извѣстенъ, и нѣтъ нужды заранѣе знать, будетъ ли онъ истиной или нѣтъ, а во второмъ должно заранѣе знать, что онъ не будетъ истиной. Будетъ ли выводъ утвердительнымъ или отрицательнымъ, это безразлично: въ обоихъ случаяхъ доказательство одинаково. То, что доказывается прямо, доказуемо и отъ невозможнаго, и то, что отъ невозможнаго—доказуемо и прямо черезъ тѣ же понятія, однако не по тѣмъ фигурамъ; именно если умозаключеніе отъ невозможнаго получается по первой фигурѣ, то истинный выводъ [4]) будетъ по второй или по третьей фигурѣ: именно утвердительный по второй, а отрицательный по третьей; если умозаключеніе отъ невозможнаго получается по второй фигурѣ, истинный выводъ при всѣхъ задачахъ будетъ по первой фигурѣ; если же умозаключеніе отъ невозможнаго—

---

[1]) То-есть сдѣлать предположеніе не противуположное, но противное доказываемому.

[2]) Будетъ доказано не частно, но обще отрицательное положеніе. См. предыдущую главу.

[3]) Тогда какъ при прямыхъ доказательствахъ по второй фигурѣ можно доказать только отрицательныя положенія, а по третьей—только частныя.

[4]) То-есть доказательство прямое.

по третьей фигурѣ, истинный выводъ — по первой или по второй. именно утвердительный — по первой. а отрицательный — по второй. Пусть именно доказано [отъ невозможнаго] по первой фигурѣ, что *A* не присуще ни одному или присуще не всему *B*; предположеніемъ было, что *A* присуще нѣкоторымъ изъ *B*, и мы знали, что *C* присуще всѣмъ *A*, и не присуще ни одному *B*: такъ именно получилось умозаключеніе отъ невозможнаго [1]); но это и составитъ вторую фигуру, если *C* присуще всѣмъ *A* и не присуще ни одному *B*, и изъ такихъ посылокъ очевидно, что *A* не присуще ни одному *B*. То же самое надо сказать и относительно доказательства [отъ невозможнаго] частно отрицательнаго сужденія: предположеніе состоитъ въ томъ, что *A* присуще всѣмъ *B*, и признано, что *C* присуще всѣмъ *A* и не всѣмъ *B* [2]). И то же, если посылка *CA* была бы взята отрицательной: и при этомъ получается вторая фигура [3]). Вовторыхъ, пусть должно доказать, что *A* присуще нѣкоторымъ изъ *B*; предположеніе было—*A* не присуще ни одному изъ *B*; но *B* признавалось присущимъ всякому *C*, и *A* присуще или всѣмъ, или нѣкоторымъ изъ *C*: таково доказательство отъ невозможнаго; но если *A* и *B* присуще всякому *C*, это будетъ третьей фигурой, и изъ такихъ посылокъ явствуетъ, что *A* присуще нѣкоторымъ изъ *B*. То же самое, если признавалось, что *B* присуще нѣкоторымъ изъ *C*.

Далѣе, пусть было доказано по второй фигурѣ, что *A* присуще всѣмъ *B*. Предполагаемо было: *A* присуще не всѣмъ *B*; но признано, что *A* присуще всѣмъ *C*, и *C*—всѣмъ *B*: такимъ именно образомъ

---

[1]) Доказать, что *ни одно B не есть A*; предположимъ, что *нѣкоторыя изъ B суть A*, но такъ какъ *всѣ A суть C*, то въ такомъ случаѣ и нѣкоторыя *B* были бы *C*, что невозможно, ибо *ни одно B не C*. Въ такомъ же порядкѣ выставляетъ Аристотель положенія и въ слѣдующихъ ниже случаяхъ: первое есть положеніе доказуемое, второе—противорѣчащее ему предположеніе, третье—присоединяемая со стороны посылка, четвертое—положеніе, изъ котораго явствуетъ, что заключеніе ложно. Вмѣстѣ съ тѣмъ второе и послѣднее изъ этихъ положеній составляютъ посылки при прямомъ доказательствѣ.

[2]) Доказать отъ невозможнаго, что нѣкоторыя *B* не суть *A*; предполагаемъ, что всѣ *B* суть *A*, но такъ какъ всѣ *A* суть *C*, то слѣдовало бы, по первой фигурѣ, что всѣ *B* суть *C*, что невозможно, такъ какъ нѣкоторыя *B* не суть *C*. То же доказывается прямо по второй фигурѣ: всѣ *A* суть *C*, нѣкоторыя *B* не суть *C*, слѣд. нѣкоторыя *B* не суть *A*.

[3]) Доказательство отъ невозможнаго: если бы нѣкоторыя *B* были *A*, то, такъ какъ ни одно *A* не *C*, нѣкоторыя *B* не были бы *C*, что ложно, ибо всѣ *B* суть *C*. Доказательство прямое: ни одно *A* не *C*, всѣ *B* суть *C*, слѣдовательно ни одно *B* не *A*.

мы приходимъ къ невозможному; но это составляетъ [также] первую фигуру: A присуще всѣмъ C, и C—всѣмъ B [1]). То же самое и въ томъ случаѣ, когда было доказываемо [отъ невозможнаго] частно утвердительное сужденіе; предполагаемо было, что A не присуще ни одному изъ B, и признавалось, что A присуще всѣмъ C, и C—инымъ изъ B [2]). При отрицательномъ же умозаключеніи: предполагалось, что A присуще инымъ изъ B, но признавалось, что A не присуще ни одному изъ C, и C присуще [3]) всѣмъ B; такъ что [опять] получается первая фигура. То же самое и тогда, когда умозаключеніе не было всеобще, но доказывалось только, что A не присуще нѣкоторымъ изъ B: предположено было, что A присуще всѣмъ B, но признавалось, что A не присуще ни одному C, и что C присуще нѣкоторымъ изъ B; а такимъ образомъ и получается первая фигура.

Далѣе, пусть было доказано по третьей фигурѣ, что A присуще всѣмъ B; предполагалось именно, что A присуще не всѣмъ B, и признавалось, что C присуще всѣмъ B и A—всѣмъ C: такъ именно обнаружится невозможность [предположенія]; но это и составляетъ первую фигуру [при прямомъ доказательствѣ] [4]). Также и при доказательствѣ частно утвердительнаго сужденія: предполагалось, что A не присуще ни одному B, признавалось же, что C присуще нѣкото-

[1]) *Доказать отъ невозможнаго,* что всѣ B суть A; предположимъ противуположное, то-есть что нѣкоторыя B не суть A; извѣстно, что всѣ C суть A, слѣд. *по второй фигурѣ* нѣкоторыя B не суть C, что невозможно, такъ какъ извѣстно, что всѣ B суть C, слѣд. и т. д. То же доказывается *прямымъ* образомъ по *первой* фигурѣ: всѣ C суть A, всѣ B суть C, слѣдовательно всѣ B суть A.

[2]) Доказывается отъ невозможнаго, что нѣкоторыя B суть A; предположимъ противуположное, именно, что ни одно B не A; такъ какъ извѣстно, что всѣ C суть A, то слѣдовательно, *по второй* фигурѣ, ни одно B не C, что ложно, такъ какъ признано, что нѣкоторыя B суть C; слѣдовательно и т. д. Прямое же доказательство изъ несомнѣнныхъ посылокъ опять происходитъ по *первой* фигурѣ: всѣ C суть A, нѣкоторыя B суть C, слѣдовательно и т. д.

[3]) Доказать отъ невозможнаго, что ни одно B не A; предположимъ, что нѣкоторыя B суть A, такъ какъ ни одно C не A, то отсюда слѣдовало бы, по *второй* фигурѣ, что нѣкоторыя B не суть C, что ложно, такъ какъ всѣ B суть C. То же доказывается прямымъ образомъ по *первой* фигурѣ: ни одно C не A, всѣ B суть C, слѣдовательно и т. д.

[4]) Доказать отъ невозможнаго, что всѣ B суть A; предположимъ, что нѣкоторыя B не суть A, но такъ какъ извѣстно, что всѣ B суть C, то, по *третьей* фигурѣ, слѣвало бы въ такомъ случаѣ, что нѣкоторыя C не суть A, что ложно, такъ какъ всѣ C суть A. Это же доказывается по *первой* фигурѣ прямымъ образомъ: всѣ B суть C, всѣ C суть A, слѣдовательно и т. д.

рымъ изъ *B*, и что *A* присуще всѣмъ *C*. Если же умозаключенiе отрицательно, предположенiе было, что *A* присуще нѣкоторымъ изъ *B*, признавалось же, что *C* не присуще ни одному *A*, и что оно присуще всѣмъ *B*; а это составляетъ вторую фигуру [при прямомъ доказательствѣ] [1]). Подобнымъ же образомъ и при доказательствѣ частно отрицательнаго сужденiя: предположено будетъ, что *A* присуще всѣмъ *B*, признается же, что *C* не присуще ни одному *A*, и что оно присуще нѣкоторымъ изъ *B*; а это составляетъ вторую фигуру [при прямомъ доказательствѣ].

Итакъ, мы видимъ, что прямое доказательство всякаго рода сужденiй совершается черезъ тѣ же термины [какъ и въ доказательствахъ отъ невозможнаго]. Такимъ же образомъ возможно, если даны прямыя умозаключенiя, сводить ихъ, сохраняя тѣ же термины, къ доказательствамъ отъ невозможнаго, именно беря [какъ предположенiе] то, что противуположно заключенiю [прямаго доказательства]: ибо при этомъ получаются тѣ же заключенiя, какъ и при превращенiи [умозаключенiй] [2]), такъ что мы прямо получаемъ и тѣ же фигуры, которыя даютъ [невозможный] выводъ. Итакъ, очевидно, что всякое сужденiе можетъ быть доказываемо двоякимъ образомъ, отъ невозможнаго и прямо, и что нельзя ихъ раздѣлять [3]).

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Объ умозаключенiяхъ изъ противорѣчащихъ посылокъ.

Слѣдующее [разсужденiе] покажетъ, въ какой фигурѣ можно получить заключенiе изъ противорѣчащихъ [4]) [другъ другу] посылокъ, а въ какой нельзя. Противорѣчащихъ, *по выраженiю*, посылокъ бываетъ четыре вида, именно всеобще утвердительная посылка проти-

---

[1]) Доказать отъ невозможнаго, что ни одно *B* не *A*; предположимъ, что нѣкоторыя *B* суть *A*; такъ какъ всѣ *B* суть *C*, то отсюда слѣдовало бы, по *третьей* фигурѣ, что нѣкоторыя *A* суть *C*, что ложно, такъ какъ ни одно *A* не *C*. Это же доказывается прямымъ образомъ по *второй* фигурѣ: всѣ *B* суть *C*, ни одно *A* не есть *C*, слѣдовательно и т. д.

[2]) О превращенiи умозаключенiй см. выше, гл. 8—10; объ отношенiи же его къ доказательству отъ невозможнаго гл. II, въ началѣ.

[3]) То-есть оба ведутся черезъ тѣ же термины.

[4]) Въ подлинникѣ сказано „противуположныхъ", но для избѣжанiя смѣшенiя этой противуположности съ той, о которой сказано ниже, а также говорилось и выше (гл. 8), мы употребляемъ здѣсь и въ другихъ соотвѣтственныхъ мѣстахъ терминъ „противорѣчiе".

ворѣчитъ всеобще отрицательной, всеобще утвердительная — частно отрицательной, частно утвердительная — всеобще отрицательной, и частно утвердительная—частно отрицательной; но *въ дѣйствительности* ихъ только три вида, такъ какъ частно утвердительная противорѣчитъ частно отрицательной только по выраженію. Изъ нихъ противными я называю всеобще утвердительную и всеобще отрицательную, какъ напримѣръ сужденія, что всякая наука хороша, и что никакая наука не хороша; остальные же виды называю противоположными.

Въ первой фигурѣ не получается силлогизма изъ противорѣчащихъ посылокъ, ни утвердительнаго, ни отрицательнаго; утвердительнаго не получается, потому что для того нужны двѣ утвердительныя посылки, а противуположныя посылки суть утвержденіе и отрицаніе; отрицательнаго же не получается потому, что противоположныя посылки одно и то же объ одномъ и томъ же утверждаютъ и отрицаютъ, а въ первой фигурѣ средній терминъ не приписывается двумъ другимъ, но отъ средняго термина отрицается одинъ терминъ, а за другимъ средній терминъ утверждается [1]).

Во второй фигурѣ можетъ получиться силлогизмъ какъ изъ противуположныхъ, такъ и изъ противныхъ посылокъ. Пусть *A*—благое, *B* и *C*—наука; если именно принято, что всякая наука хороша и никакая наука не хороша, то *A* присуще всякому *B*, и *A* не присуще ни одному *C*, такъ что *B* не присуще ни одному *C*: никакая наука не есть наука [2]). Также получается силлогизмъ, если принять, что всякая наука хороша, медицина же не хороша; тогда *A* присуще всякому *B*, но *A* не присуще ни одному *C*, такъ что такая-то изъ наукъ не будетъ наука. Получается силлогизмъ, и если *A* присуще всѣмъ *C*, но не присуще ни одному *B*; напримѣръ *B*—наука, *C*—медицина, *A*—предположеніе, то-есть признавъ, что никакая наука не есть предположеніе, утверждаютъ, что такая-то наука есть предположеніе [3]); отличается этотъ случай отъ предыдущаго перестановкой терминовъ: раньше утвердительной была посылка съ *B*, а теперь посылка съ *C*. Получается силлогизмъ, и если одна изъ посылокъ не общая, а другая, какъ выше, общая: вездѣ [и въ этихъ

[1]) То-есть въ противорѣчивыхъ сужденіяхъ мы имѣемъ общіе субъекты и общіе предикаты, а для первой фигуры необходимо, чтобы общимъ терминомъ былъ субъектъ одной посылки и предикатъ другой.

[2]) Модусъ AEE.

[3]) Модусъ EAE.

случаяхъ] среднiй терминъ есть то, что объ одномъ утверждается, а о другомъ отрицается [1]). Итакъ [въ первой фигурѣ] можно получать заключенiе изъ противорѣчащихъ посылокъ, однако не всегда и не вообще, а лишь тогда, когда или то, что содержится подъ среднимъ терминомъ [въ обѣихъ посылкахъ] тождественно [2]), или когда то, что содержится подъ среднимъ терминомъ [одной посылки], относится [къ тому, что содержится подъ среднимъ терминомъ другой], какъ цѣлое къ части [3]); иначе не получается заключенiя изъ противорѣчащихъ посылокъ, ибо посылки не будутъ ни противными, ни противоположными.

Въ третьей фигурѣ утвердительнаго силлогизма никогда не происходитъ изъ противорѣчащихъ посылокъ, по той же причинѣ, которая указана относительно первой фигуры [4]); отрицательный силлогизмъ получается, какъ при общихъ терминахъ, такъ и при не общихъ. Пусть именно *B* и *C*—наука, *A*—же медицина; если принять, что всякая медицина наука, и никакая медицина не наука, то *B* будетъ присуще всякому *A*, а *C* не присуще ни одному *A*; значитъ, такая-то наука не есть наука [5]). Подобнымъ же образомъ [получается заключенiе], когда посылка *BA* взята не общей; если именно такая-то медицина—наука, и никакая медицина—не наука, то выходитъ, что такая-то наука—не наука [6]). Когда термины взяты общiе, посылки бываютъ противными [другъ другу], когда же частные, противоположными [7]).

Должно замѣтить, что можно брать противорѣчащiя посылки такъ, какъ мы дѣлали, то-есть напримѣръ, что всякая наука хороша, а затѣмъ, что никакая или такая-то наука не хороша; при этомъ противорѣчивость обыкновенно очевидна. Но можно получить другую [противорѣчивую первой] посылку помощью вывода изъ вопросовъ [8])

---

[1]) Модусы АОО и EJO второй фигуры.

[2]) Тогда посылки противны одна другой.

[3]) Тогда посылки противуположны одна другой.

[4]) То-есть, потому что утвердительный выводъ всегда предполагаетъ обѣ посылки утвердительныя, при посылкахъ же противорѣчащихъ одна непремѣнно бываетъ отрицательной.

[5]) Модусъ EAO.

[6]) Модусъ EIO. Третiй отрицательный модусъ третьей фигуры, OAO, Аристотель оставляетъ безъ разсмотрѣнiя.

[7]) Это общее замѣчанiе относится, конечно, какъ ко второй фигурѣ, такъ и къ третьей.

[8]) То-есть понуждая противника послѣдовательными вопросами признать противорѣчащую посылку.

или брать ее такимъ способомъ, о которомъ сказано въ „Топикѣ“ [1]). Такъ какъ для утвердительныхъ сужденій существуетъ три противоположности [2]), то можетъ быть шесть противорѣчащихъ сужденій: всеобще утвердительное и всеобще отрицательное, всеобще утвердительное и частно отрицательное, частно утвердительное и общеотрицательное; эти противорѣчащія сужденія можно различно перемѣшать относительно терминовъ, именно [3]) A присуще всякому B и одному C или [наоборотъ] всякому C и ни одному B, и A присуще всякому B и не всякому C или наоборотъ, переставивъ термины [4]); то же самое можно дѣлать и въ третьей фигурѣ; отсюда видно въ сколькихъ случаяхъ и въ какихъ фигурахъ можно строить силлогизмы изъ противорѣчащихъ посылокъ.

Далѣе, хотя изъ ложныхъ посылокъ и можно получать истинное заключеніе, какъ о томъ сказано было выше [5]), однако изъ противорѣчащихъ—нельзя; такъ какъ [при этомъ] заключеніе всегда бываетъ противно дѣйствительности, напримѣръ если то-то хорошо, доказывается, что оно и не хорошо, или если то-то животное, доказывается, что оно и не животное; потому именно, что заключеніе получается [здѣсь] изъ противорѣчія, и составляющіе его термины или одинаковы, или относятся какъ цѣлое къ части. Ясно, что въ ошибочныхъ силлогизмахъ можетъ получаться и то, что противорѣчитъ предположенному, какъ напримѣръ если то-то есть кривое, что оно не криво; ибо изъ противорѣчащихъ посылокъ получается противорѣчивый выводъ, и слѣдовательно, если взять таковыя, то получимъ противорѣчащее предположенному [6]). Должно однако замѣтить, что изъ *одного* силлогизма такимъ образомъ нельзя получить противорѣчиваго вывода—напримѣръ заключенія, что то-то хорошее не хорошо, или какого-нибудь подобнаго,—если не взять и одну таковую же [то-есть противорѣчащую себѣ самой] посылку; то-есть напримѣръ должно взять посылками *всякое животное бѣло и не бѣло* и *чело-*

---

[1]) *Топика*, книга 8. Въ этой книгѣ Аристотель излагаетъ правила спора.

[2]) Сужденію А противорѣчатъ сужденію Е и О, а сужденію J—только сужденіе О.

[3]) Во второй фигурѣ (въ первой, какъ показано выше, противорѣчащія посылки не составляютъ умозаключенія).

[4]) Слѣдовательно, возможныя перестановки противорѣчащихъ посылокъ суть слѣдующія: AE, EA, OA, AO, JE, EJ.

[5]) См. выше, глава 2—4.

[6]) Примѣръ этого см. въ главѣ 4 (въ концѣ), гдѣ выводится, что B велико, если оно не велико.

вѣкъ—животное [1]). Впрочемъ [2]), можно для полученія такого вывода и придать противорѣчіе [въ другой посылкѣ], напримѣръ принять, что всякая наука—предположеніе, а затѣмъ взять, что медицина, хотя и наука, не есть предположеніе [3]), какъ то дѣлается при опроверженіяхъ [4]). Иначе же [5]) приходится выводить [противорѣчивыя заключенія] изъ двухъ силлогизмовъ [6]). Показать же, что взятыя посылки по истинѣ противорѣчатъ [одна другой] нельзя инымъ способомъ, кромѣ указаннаго [7]).

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

О постулированіи основы [8]).

Постулированіе основы [силлогизма] и ея признаніе составляетъ одинъ изъ видовъ тѣхъ доказательствъ, въ которыхъ не доказывается предположеннаго; происходятъ же эти послѣднія различнымъ образомъ: или вовсе не строятъ силлогизма, или доказываютъ [тезисъ] черезъ менѣе извѣстное [чѣмъ самъ тезисъ], или доказываютъ пре-

---

[1]) Тогда дѣйствительно получится заключеніе противорѣчивое: человѣкъ бѣлъ и не бѣлъ.

[2]) Аристотель ограничиваетъ вышесказанное.

[3]) И въ такомъ случаѣ получится выводъ противорѣчивый: нѣкоторыя изъ наукъ суть предположенія (простыя мнѣнія) и не суть предположенія.

[4]) Когда сводятъ извѣстное предположеніе къ нелѣпости (reductio ad absurdum).

[5]) То-есть не беря посылокъ указанной формы.

[6]) Изъ этихъ двухъ силлогизмовъ одинъ докажетъ, что A есть B, а другой, что A не есть B.

[7]) То-есть выводя изъ нихъ противорѣчащее самому себѣ заключеніе: *A* не есть *A*.

[8]) Такъ называемая petitio principii. Подъ *основой* разумѣется здѣсь основа для вывода, то-есть посылки. *Постулированіе* же Аристотель опредѣляетъ во „Второй Аналитикѣ“ (кн. I, гл. 10, стр. 76 b 23—35) слѣдующимъ образомъ: то, что необходимо существуетъ само по себѣ и необходимымъ является [то-есть аксіомы], не есть ни гипотеза [предположеніе], ни постулатъ; а то, что доказуемо, но принимается безъ доказательства, есть гипотеза, когда оно правдоподобно для поучаемаго (и притомъ не гипотеза вообще, а только для него); когда-же оно не представляетъ ничего правдоподобнаго или даже противно правдоподобію, это—постулатъ...; постулатъ есть то, что противно мнѣнію поучаемаго или то, что будучи доказуемымъ, утверждается и употребляется безъ доказательства. Наконецъ, *постулировать основу* значитъ ошибочно принимать за доказуемый тезисъ то, что должно служить основой доказательства (посылкой) и наоборотъ, брать посылкой въ доказательствѣ то, что есть слѣдствіе тезиса.

дыдущее изъ слѣдующаго, между тѣмъ какъ доказательство всегда должно идти отъ болѣе вѣрнаго и предыдущаго. Но все это не постулированіе основы. [Это послѣднее происходитъ слѣдующимъ образомъ: иному свойственно быть познаваемымъ черезъ себя [1]), иному же—черезъ другое (основы именно познаются черезъ себя, а то, что имъ подчинено—черезъ [нихъ, то-есть черезъ] другое); если же кто-нибудь предпринимаетъ нѣчто познаваемое не черезъ самое себя, доказать черезъ него самого, тогда основа постулируется. Дѣлать это можно слѣдующимъ образомъ: или прямо принять доказуемое за вещь доказанную, или перейдя къ тому, чему свойственно быть доказаннымъ черезъ первое, черезъ него доказывать искомое; напримѣръ, если доказываютъ A черезъ B, B—черезъ C, между тѣмъ какъ C должно было бы быть доказываемо черезъ A; тѣмъ, кто такъ силлогизируетъ, приходится слѣдовательно доказывать A черезъ него самого. Такъ поступаютъ напримѣръ тѣ, кто думаетъ проводить [извѣстнымъ способомъ] параллельныя линіи [2]): они забываютъ, что [въ основу доказательствъ] они берутъ то, что само не можетъ быть доказано безъ предположенія параллельныхъ линій [3]). Такимъ образомъ тѣмъ, кто такъ силлогизируетъ, приходится утверждать, что каждое [положеніе] существуетъ, потому что оно существуетъ; но такимъ образомъ все становится само черезъ себя познаваемымъ, что нелѣпо.

Если [4]) неизвѣстно, что A присуще [всякому] C, а равнымъ

---

[1]) Самоочевидныя аксіомы.

[2]) Подразумѣвается задача: черезъ данную точку провести прямую, параллельную данной прямой (*Элементы* Евклида, кн. I, предл. XXXI).

[3]) Равенство соотвѣтственныхъ угловъ Аристотель считаетъ слѣдствіемъ параллельности линій, а не наоборотъ. Примѣръ этотъ не можетъ быть названъ удачнымъ, ибо теорема о томъ, что линіи, образующія съ сѣкущей равные соотвѣтственные углы, параллельны, вовсе не есть слѣдствіе теоремы, что линіи параллельныя образуютъ съ сѣкущей соотвѣтственные углы равные (см. Евклида. *Элементы*, кн. I, предлож. XXVII), а напротивъ, эта послѣдняя теорема, которую Аристотель считаетъ основной, требуетъ для своего доказательства особаго предположенія, извѣстнаго подъ именемъ двѣнадцатой аксіомы Евклида (см. тамъ-же, кн. I, предлож. XXIX).

[4]) Слѣдующее разсужденіе касается petitio principii въ первой фигурѣ. Смыслъ этого разсужденія таковъ: пусть мы доказываемъ тезисъ *всѣ C суть A* черезъ посылки: всѣ B суть A и всѣ C суть B. Если доказуемый тезисъ CA столь же неизвѣстенъ, какъ BA, то очевидно, это не есть правильное доказательство, ибо правильное доказательство всегда идетъ отъ болѣе извѣстнаго къ менѣе извѣстному, а мы за основу приняли то, что ею быть не можетъ, то-есть постулатъ. Но, замѣчаетъ Аристотель, это неправильное доказательство еще не

образомъ неизвѣстно, что *A* присуще [всякому] *B*, и [тѣмъ не менѣе] мы станемъ постулировать, что *A* присуще [всякому] *B*, то еще не очевидно, что мы постулируемъ основу, хотя и очевидно, что мы [ничего] не доказываемъ, такъ какъ основа доказательства не можетъ быть столь же неизвѣстна [какъ доказуемый тезисъ]. Но если отношеніе *B* къ *C* таково, что оба одно и то же, въ томъ смыслѣ, что ихъ можно перестановлять, или въ томъ, что каждый содержится въ другомъ [1]), то тогда мы постулируемъ основу; ибо въ такомъ случаѣ [посылка] „*A* присуще всѣмъ *B*" доказывается черезъ два другихъ сужденія, когда мы обратимъ [сужденіе *BC*]. Итакъ, только это обстоятельство [2]) можетъ мѣшать [тому, чтобы доказательство было постулированіемъ основы], а не образъ [доказательства]. Если слѣдовательно, это допустить [3]), допускается указанная [неправильность доказательства] [4]) и послѣднее дѣлатеся обратимымъ черезъ перестановку трехъ [сужденій] [5]).—Равнымъ образомъ, если постулировать, что *B* присуще всѣмъ *C*, хотя это столь же неизвѣстно, какъ то, что *A* присуще [всѣмъ] *C*, то это еще не будетъ постулированіемъ основы, но только отсутствіемъ доказательности [6]); если же *A*

есть тѣмъ самымъ petitio principii, то-есть еще не извѣстно, можетъ ли то, что мы приняли за основу, само быть слѣдствіемъ, а то, что приняли за слѣдствіе, основой; для того, ттобы явилась petitio principii, надо, чтобы посылка *BA*, извѣстная не болѣе тезиса *CA*, могла быть доказана черезъ этотъ тезисъ и другую посылку, а это, по правиламъ первой фигуры, можно лишь тогда, когда посылка *CA* *вполнѣ* обратима (то-есть остается общей и послѣ обращенія), ибо только тогда мы будемъ имѣть силлогизмъ: всѣ *C* суть *A* (прежній тезисъ), всѣ *B* суть *C* (обращенная прежняя посылка), слѣдовательно всѣ *B* суть *A*.

[1]) Аристотель указываетъ въ этихъ словахъ условіе полученія petitio principii. Это условіе есть *полная* обратимость всеобще утвердительной посылки *CB*. Это очевидно возможно тогда, когда термины *C* и *B* тождественны въ своихъ объемахъ, то-есть какъ *C*, такъ и *B* свойственны только одной и той же группѣ предметовъ. Это бываетъ, замѣчаетъ Аристотель, или тогда, когда *C* и *B* суть одно и то же по содержанію, или когда, хотя и будучи различны по содержанію, одинаково могутъ быть утверждаемы одно о другомъ.

[2]) То-есть неполная обратимость посылки *CB*.

[3]) То-есть не полное обращеніе *CB*.

[4]) То-есть petitio principii.

[5]) „Дѣлается обратимымъ черезъ перестановку трехъ сужденій", то-есть перестановивъ сужденія мы можемъ принять выводъ за посылку и наоборотъ: прежде черезъ *BA* и *CB* доказывалось *AC*, а теперь черезъ *CA* и *CB* мы доказываемъ *BA*. Это и есть очевидная petitio principii.

[6]) Разсужденіе вполнѣ подобное предыдущему, только неизвѣстной берется посылка *CB*, а обратимой посылка *BA*.

и *B* суть то же самое, такъ что они или могутъ быть перестановляемы или [одинаково] присущи другъ другу, то, по той же причинѣ [что указана выше] постулируется основа. Ибо постулировать основу значитъ, какъ сказано выше, доказывать нѣчто не самоочевидное черезъ него самого.

Если [1]) постулировать основу значитъ доказывать нѣчто не самоочевидное черезъ него же самаго,—то-есть, очевидно, не доказать,—при чемъ какъ доказуемое, такъ и то, черезъ что доказываютъ, одинаково неизвѣстно, то такое постулированіе основы можетъ имѣть мѣсто какъ во второй, такъ и въ третьей фигурѣ, смотря по тому, приписываются ли [оба] тождественныхъ термина одному, или одинъ терминъ приписывается [обоимъ] тождественнымъ [2]). [Что касается качества вывода,] постулировать основу въ утвердительномъ силлогизмѣ можно по первой и по третьей фигурѣ [3]); въ отрицательномъ же

---

[1]) Аристотель переходитъ къ анализу petitio principii во 2 и 3 фигурахъ.

[2]) Весьма краткое замѣчаніе Аристотеля имѣетъ слѣдующее значеніе. Мы видѣли выше, что въ первой фигурѣ petitio principii можетъ имѣть два вида, смотря по тому, большая ли посылка (*BA*) или меньшая (*CB*) предполагается столь же неизвѣстной, какъ заключеніе; въ первомъ случаѣ эта неизвѣстная посылка *AB* доказывалась подъ условіемъ, что *B* тождественно съ *C*, во второмъ же посылка *CB* доказывалась подъ условіемъ, что *A* тождественно съ *B*; такъ какъ въ основномъ силлогизмѣ *CA* доказывалось черезъ *BA* и *CB*, то ясно въ первой petitio principii *одинъ и тотъ же терминъ* (*A*) *присущъ обоимъ тождественнымъ* (*B и C*), а во второй —*одному и тому же термину* (*C*) *присущи оба тождественныхъ* (*A и B*). То же самое, говоритъ теперь Аристотель, имѣетъ мѣсто и при petitio principii во II и III фигурахъ, именно при petitio principii во II фигурѣ одному и тому же термину присущи оба тождественныхъ, а въ третьей—обоимъ тождественнымъ присущъ одинъ и тотъ же терминъ. Возьмемъ вторую фигуру: *CA* доказывается черезъ *AB*, и *CB*; *CB*, столь же неизвѣстное, какъ выводъ *CA*, можетъ быть доказано по второй же фигурѣ черезъ *CA* и другую изъ посылокъ, однако лишь тогда, когда посылка *AB* можетъ быть *вполнѣ* обратима (тогда дѣйствительно *CB* доказывается черезъ *BA* и *CA*), то-есть, слѣдовательно, она доказуема, когда *A* и *B* тождественны; итакъ при petitio principii во второй фигурѣ общему термину (*C*) дѣйствительно присущи оба тождественные (*A* и *B*).—Возьмемъ теперь третью фигуру: *CA* доказывается черезъ *AB* и *BC*; *AB*, столь же неизвѣстное какъ выводъ *CA*, можетъ быть доказано по той же третьей фигурѣ, черезъ *CA* и другую посылку, однако лишь тогда, когда посылка *BC* вполнѣ обратима (тогда. дѣйствительно. *BA* доказывается черезъ *CA* и *CB*), то-есть, слѣдовательно, она доказуема, когда *C* и *B* тождественны; итакъ при petitio principii въ третьей фигурѣ, дѣйствительно, одинъ и тотъ же терминъ (*A*) присущъ обоимъ тождественнымъ терминамъ (*B* и *C*).

[3]) Ибо только въ нихъ бываютъ обѣ посылки утвердительными.

тогда, когда тождественные термины отрицаются у одного и того же термина [1]), и притомъ не каждая посылка можетъ стать заключеніемъ въ petitio principii, какъ во второй фигурѣ [2]), ибо въ отрицательномъ выводѣ термины не обратимы [3]). Постулированіе основы въ доказательствахъ относится къ тому, что дѣйствительно находится въ такомъ отношеніи, въ діалектическихъ же силлогизмахъ къ тому, что кажется находящимся въ такомъ отношеніи.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

О возраженіи противъ силлогизмовъ сводящихъ предположеніе къ нелѣпости.

Возраженіе „ложь вытекаетъ не изъ этого" [нашего тезиса], которое мы привыкли часто дѣлать при спорахъ, употребляется, вопервыхъ, при силлогизмахъ сводящихъ къ невозможному и служитъ именно для возраженія противъ того, что доказывалось сведеніемъ къ невозможному [4]). Ибо тотъ, кто не возражаетъ противъ сведенія [къ невозможному], не скажетъ „[это ложное] не есть слѣдствіе даннаго [предположенія]", но согласится, что въ предыдущемъ допу-

---

[1]) По первой и по второй фигурѣ. Что по второй фигурѣ petitio principii происходитъ въ случаѣ, когда оба тождественныхъ термина (*A* и *B*) отрицаются отъ одного и того же, видно изъ примѣч. 2 на предыд. стр. А что въ первой фигурѣ отрицательная petitio principii можетъ быть лишь при условіи, когда оба тождественныхъ термина отрицаются отъ одного и того же, видно изъ слѣдующаго: въ первой фигурѣ всеобще отрицательный модусъ есть EAE, слѣдовательно посылка *AB* (см. предыд. стр. пр. 2) отрицательна, а *CB* утвердительна; слѣдовательно для полученія petitio principii по первой фигурѣ приходится доказывать *AB* изъ *CA* и *BC*, при чемъ, какъ показано въ томъ же примѣчаніи, *B* должно быть=*C*; итакъ, и въ первой фигурѣ отрицательная petitio principii происходитъ, когда оба тождественныхъ термина (*B* и *C*) отрицаются отъ одного и того же (*A*).

[2]) Только посылка *BA* (въ первой фигурѣ), какъ и во второй фигурѣ только посылка *CB*.

[3]) Условіемъ petitio principii вездѣ была обратимость посылки, вслѣдствіе тождественности ея терминовъ. Такъ какъ въ отрицательномъ сужденіи термины не могутъ быть тождественны, то оно не соотвѣтствуетъ условію (замѣтимъ, однако, что за то такія сужденія вполнѣ обратимы по общимъ правиламъ обращенія).

[4]) Когда противникъ въ спорѣ, доказывая свой тезисъ, утверждаетъ, что нашъ тезисъ приводитъ къ нелѣпости, мы, защищаясь, говоримъ: „эта нелѣпость выведена не изъ опровергаемаго вами тезиса; опровергаемый тезисъ не имѣетъ отношенія къ полученному невозможному выводу; иначе говоря, ваша reductio ad absurdum не вѣрна".

щено нѣчто ложное [1]); не выставляется это возраженіе и противъ прямыхъ доказательствъ, ибо въ нихъ и не утверждается того, что отрицаетъ [это возраженіе] [2]); или если прямымъ доказательствомъ черезъ термины ABC и отрицается нѣчто [3]), все-таки здѣсь не приложимо возраженіе, что выводъ вытекаетъ не изъ первоначально принятаго; ибо мы въ томъ случаѣ говоримъ, что ложь вытекаетъ не изъ принятаго предположенія, когда силлогизмъ все-таки остается, хотя бы предположенія и не было; въ прямыхъ же доказательствахъ это не имѣетъ мѣста: въ нихъ, разъ посылки отрицаются, не получается и силлогизма [4]). Итакъ, очевидно, что возраженіе „[ложь] вытекаетъ не изъ этого" дѣлается противъ силлогизмовъ, сводящихъ [предположеніе] къ невозможному, и именно тогда, когда это невозможное находится къ основному предположенію въ такомъ отношеніи, что невозможное остается, все равно будетъ ли сдѣлано это предположеніе, или нѣтъ.

Наиболѣе очевидное примѣненіе возраженія „ложь вытекаетъ не изъ предположенія" имѣетъ мѣсто, когда умозаключеніе отъ предположенія не даетъ связнаго перехода отъ среднихъ терминовъ къ

---

[1]) Когда мы защищаемся противъ сведенія нашего тезиса къ нелѣпости, мы можемъ отвергнуть правильность или самого силлогизма, или его посылокъ. Только въ первомъ случаѣ мы скажемъ: нелѣпость не есть слѣдствіе взятыхъ посылокъ; во второмъ же постараемся показать, что полученный нелѣпый выводъ есть слѣдствіе не нашего тезиса (взятаго противникомъ за одну изъ посылокъ въ его силлогизмѣ), а другой взятой противникомъ посылки, которую однако онъ считаетъ истинной.

[2]) Въ прямыхъ доказательствахъ прямо доказывается терминъ, а о томъ, что противорѣчащее ему положеніе приводитъ къ нелѣпости, нѣтъ и рѣчи.

[3]) Къ прямому доказательству разсматриваемое возраженіе не имѣетъ отношенія. Однако вѣдь и въ доказательствѣ черезъ reductio ad absurdum нѣкоторая часть доказательства есть силлогизмъ (именно та часть, въ которой изъ условно принятаго опровергаемаго предположенія выводится нелѣпое слѣдствіе; объ этомъ см. выше, книга I, гл. 44), и въ этой части доказательства утверждается то, что отрицаетъ наше возраженіе. Но и здѣсь, продолжаетъ Аристотель, возраженіе это не примѣнимо.

[4]) Дѣлая наше, указанное выше возраженіе, мы не отвергаемъ посылки оппонента, а только утверждаемъ, что полученный нелѣпый выводъ обязанъ не нелѣпости нашего предположенія, а чему то иному. Иначе говоря, мы утверждаемъ, что полученный имъ нелѣпый выводъ одинаково сохранится, если и не дѣлать предположенія опровергаемаго оппонентомъ и защищаемаго нами. Въ прямыхъ же доказательствахъ отрицаніе посылки ведетъ къ устраненію самого силлогизма.

невозможному, какъ о томъ сказано въ *Топикѣ* [1]). Это бываетъ, когда принимаютъ за причину то, что не есть причина, какъ, напримѣръ, поступаетъ тотъ, кто пожелалъ бы доказать, что діагональ [квадрата] несоизмѣрима [съ его стороною], выдвинулъ бы разсужденіе Зенона, что движеніе невозможно [2]), и къ этому свелъ бы невозможность [предположенія, что діагональ соизмѣрима со стороною]; ложность здѣсь никоимъ образомъ не связана ни съ однимъ изъ первоначальныхъ предположеній.—Другое примѣненіе [нашего возраженія] имѣетъ мѣсто, если невозможное связано съ предположеніемъ, однако происходитъ не вслѣдствіе его; это случается и тогда, когда берется связь [терминовъ] вверхъ, и когда—внизъ [3]). Напримѣръ, если принято, что *A* присуще [всему] *B*, *B*—[всему] *C*, *C*—[всему] *D*, а то, что *B* присуще [всему] *D*, оказывается ложнымъ; оставивъ *A* въ сторонѣ, *B* все-таки будетъ присуще [всему] *C* и *C*—[всему] *D*, то-есть, ложность [вывода] не есть слѣдствіе перваго предположенія [4]). Или, наоборотъ, когда берется связь терминовъ внизъ, напримѣръ, *A* присуще [всему] *B*, *E* присуще [всему] *A*, и *Z* присуще [всему] *E*, выводъ же, что *Z* присуще [всему] *A*—ложенъ: и

---

[1]) Въ *Топикѣ*, кн. 9 (о софистическихъ доказательствахъ), гл. 5, стр. 167 *b* 21 и слѣд. Аристотель разсматриваетъ софизмы, основанные на томъ, что за причину принимаютъ то, что не есть причина. Это имѣетъ мѣсто въ софистическихъ reductiones ad absurdum; въ нихъ выводится нѣчто нелѣпое какъ слѣдствіе опровергаемаго тезиса, тогда какъ въ дѣйствительности эта нелѣпость съ тезисомъ не связана. Напримѣръ, слѣдующимъ образомъ опровергаютъ тезисъ о томъ, что душа и жизнь одно и то же: уничтоженіе противоположно происхожденію, жизнь противоположна смерти, смерть есть уничтоженіе, слѣдовательно жизнь есть происхожденіе, что нелѣпо, а слѣдовательно и предположеніе (тезисъ) что жизнь и душа одно и то же, невозможно. Здѣсь нелѣпый выводъ, что жизнь и происхожденіе одно и то же, софистически выдается за слѣдствіе опровергаемаго тезиса, тогда какъ онъ есть слѣдствіе не его, а другихъ посылокъ.

[2]) *Зенонъ* (род. около 490—485 г. до Р. Хр.), ученикъ Парменида, доказывалъ, что въ понятіи движенія заключены неразрѣшимыя противорѣчія, а потому движенія не существуетъ.

[3]) То-есть когда переходимъ отъ частнаго къ общему, и когда отъ общаго къ частному.

[4]) Примѣры: доказывается черезъ reductio ad absurdum, что нельзя считать всякое животное (B) существомъ одушевленнымъ (A); если всякое животное (B) есть существо одушевленное (A), и все бѣлое (C) есть животное, и всякій снѣгъ (D)—бѣлъ (C), то получается нелѣпый выводъ, что всякій снѣгъ (D) есть животное (B). Однако этотъ выводъ не есть слѣдствіе нашего тезиса, ибо одинаково получается и безъ него.—Въ этомъ примѣрѣ мы нисходимъ отъ наиболѣе общаго термина (A) къ наиболѣе частному (D).

здѣсь невозможный выводъ получается, если оставить въ сторонѣ основное предположеніе [1]).

Слѣдуетъ же, напротивъ, невозможное ставить въ связь съ главнымъ предположеніемъ; ибо такимъ образомъ невозможное будетъ его слѣдствіемъ. Именно, когда берется связь терминовъ вверхъ, должно доходить до термина составляющаго предикатъ [главнаго предположенія]; ибо если невозможно, чтобы *A* было присуще [всѣмъ] *D*, то, оставивъ *A* въ сторонѣ, не получимъ никакого ложнаго вывода. Когда же берется связь терминовъ внизъ, должно доходить до того термина, который составляетъ субъектъ [главнаго предположенія]; ибо если *Z* не можетъ быть присуще ни [одному] *B*, то, оставивъ *B* въ сторонѣ, не получимъ невозможнаго.—Подобное должно сказать и объ отрицательныхъ силлогизмахъ.

Отсюда слѣдуетъ, что, когда невозможное не находится въ связи съ главными терминами, ложный выводъ вытекаетъ не изъ [главнаго] предположенія. Но и при этомъ условіи [2]) будетъ ли ложное всегда слѣдствіемъ [главнаго] предположенія? Вѣдь если принять, что *A* присуще не [всѣмъ] *B*, а [всѣмъ] *K*, и что *K* присуще [всѣмъ] *C*, а это—[всѣмъ] *D*, и при этомъ одинаково получится невозможный выводъ [3]); и то же самое, если брать термины вверхъ [4]); такъ что, ввиду того, что невозможное одинаково получается, все равно при-

---

[1]) Здѣсь ложно доказывается нелѣпость тезиса „*B* есть *A*“: если *B* есть *A*, и *A* есть *E*, и *E* есть *Z*, то получается выводъ „*A* есть *Z*“; такъ какъ этотъ выводъ признается нелѣпымъ, то, слѣдовательно, предположенный тезисъ невозможенъ. На это мы возражаемъ: выводъ полученъ не изъ тезиса, а изъ другихъ посылокъ, и сохраняется, хотя бы мы тезисъ и отбросили. Переходя отъ *Z* къ *B*, мы восходимъ отъ наиболѣе частнаго термина къ наиболѣе общему.

[2]) То-есть, когда полученъ выводъ, мы не идемъ до терминовъ главнаго предположенія.

[3]) Въ предыдущемъ невозможность предположенія, что *B* есть *A*, доказывалась слѣдующимъ образомъ: если *B* есть *A*, и *C* есть *B*, и *D* есть *C*, то *D* есть *A*, что признается за нелѣпость, слѣдовательно и предположеніе *B есть A* невозможно. Теперь же оказывается, что тотъ же нелѣпый выводъ получается и безъ предположенія „B есть A“, именно изъ слѣдующаго силлогизма: *K* есть *A*, *C* есть *K*, *D* есть C, слѣдовательно *D* есть *A*. Аристотель спрашиваетъ, нельзя ли и въ такомъ случаѣ выставить прежнее возраженіе, то-есть сказать, что нелѣпый выводъ есть слѣдствіе не тезиса (*B* есть *A*), такъ какъ онъ (выводъ) получается и безъ предположенія тезиса.

[4]) То-есть, вмѣсто предыдущаго силлогизма (*B* есть *A*, *A* есть *E*, *E* есть *Z*, слѣдовательно *B* есть *Z*) можно взять силлогизмъ: *B* есть *K*, *K* есть *E*, *E* есть *Z*, слѣдовательно опять *B* есть *Z*.

нято ли [главное] предположеніе [объ AD], или нѣтъ; нельзя ли сказать и здѣсь, что невозможное не есть слѣдствіе этого предположенія? Однако не лучше ли будетъ выраженіе „ложный выводъ одинаково получается, примемъ ли мы данное предположеніе или нѣтъ", не лучше ли будетъ это выраженіе понимать не въ томъ смыслѣ, что невозможное получимо и изъ какихъ нибудь иныхъ предположеній [1]), а въ томъ, что тотъ же невозможный выводъ получается и изъ [однѣхъ] остальныхъ посылокъ, оставивъ въ сторонѣ [главное] предположеніе? [Такъ понимать вышеуказанное выраженіе будетъ лучше], ибо вѣдь въ томъ, что ложный выводъ получимъ изъ нѣсколькихъ предположеній, нѣтъ ничего нелѣпаго [2]), напримѣръ, выводъ, что параллельныя линіи пересѣкаются, получается и изъ предположенія, что внутренній уголъ треугольника больше внѣшняго [ему противуположнаго] [3]), и изъ предположенія, что въ треугольникѣ [сумма внутреннихъ угловъ] больше двухъ прямыхъ [4]).

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Ложность вывода въ связи съ ложностью посылокъ.

Ложный выводъ есть слѣдствіе ложности въ предположеніи. Всякій силлогизмъ именно происходитъ или изъ двухъ, или изъ большаго числа посылокъ. Если изъ двухъ, то одна изъ нихъ или обѣ должны быть ложны, такъ какъ изъ истинныхъ посылокъ не бываетъ ложнаго силлогизма. Если же силлогизмъ происходитъ черезъ большее число посылокъ, какъ напримѣръ, [сужденіе] C доказывается черезъ [посылки] A и B, а эти—черезъ [посылки] D, E, F, G, то что нибудь въ этихъ верхнихъ посылкахъ ложно, а отъ того ложенъ и

---

[1]) То-есть, какъ въ вышеуказанныхъ примѣрахъ, когда вмѣсто главнаго предположенія „B есть A" мы принимали, что K есть A, или что B есть K.

[2]) И слѣдовательно, нельзя дѣлать то возраженіе, котораго приложимость изслѣдуется въ настоящей главѣ.

[3]) Примѣръ Аристотеля нельзя назвать удачнымъ, ибо теорема, что внѣшній уголъ треугольника больше внутренняго, ему противуположнаго, доказывается помимо ссылки на параллельность линій (См. *Элементы* Евклида, кн. I, предложеніе XVI).

[4]) Замѣтимъ однако, что эту теорему (сумма внутреннихъ угловъ треугольника$=2d$) Евклидъ доказываетъ не черезъ reductio ad absurdum, а прямо (*Элементы*, кн. I, предл. XXXII).

выводъ. такъ какъ *A* и *B* получаются изъ этихъ верхнихъ посылокъ. Итакъ выводъ и [его] ложность есть слѣдствіе [ложности] посылокъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Правила для спора.

Чтобы не быть припёрту [въ спорѣ] силлогизмомъ, должно, когда [оппонентъ] задаетъ вопросы, но скрываетъ выводъ, остерегаться признавать дважды одинъ и тотъ же терминъ въ посылкахъ, такъ какъ мы знаемъ, что безъ средняго термина силлогизма не будетъ, а средній терминъ есть то, что нѣсколько разъ повторяется. Какого средняго термина должно относительно каждаго вывода остерегаться, указываетъ знаніе о томъ, какіе выводы доказуемы по какой фигурѣ. А это послѣднее отъ насъ не укроется, если мы знаемъ, какъ поддержать свой тезисъ.

То, чего мы отвѣчающимъ совѣтуемъ остерегаться, того же нападающимъ совѣтуемъ скрыто достигать. Это дѣлается вопервыхъ тѣмъ, что [изъ посылокъ] не дѣлается [тотчасъ же] предварительныхъ выводовъ, но когда посылки уже взяты, предварительные выводы оставляются неизвѣстными; вовторыхъ же это достигается тѣмъ, что вопросы ставятся не въ послѣдовательности доказуемаго, а о предметахъ, между которыми наименѣе связи [1]); напримѣръ, пусть должно доказать, что *A* присуще *Z*, черезъ средніе термины *B*, *C*, *D*, *E*; въ такомъ случаѣ должно поставить вопросъ, *A* присуще ли *B*, а затѣмъ спросить не о томъ, *B* не присуще ли *C*, но о томъ [напримѣръ], *D* не присуще ли *E*; а затѣмъ о томъ, *B* присуще-ли *C*, и такъ далѣе въ остальномъ. Если же силлогизмъ имѣетъ только одинъ средній терминъ, нужно начинать со средняго термина, ибо такимъ образомъ [наша цѣль] наиболѣе скрыта [отъ противника] [2]).

---

[1]) Для того, чтобы до времени утаить отъ противника ходъ нашего доказательства.

[2]) *Беконъ Веруламскій* въ своемъ „Новомъ Органѣ“ (1620 г.) слѣдующимъ образомъ говоритъ о склонности грековъ къ спорамъ: „Находящіяся въ нашемъ распоряженіи науки почти цѣликомъ получены нами отъ грековъ.... Но эта греческая мудрость отзывалась учительскимъ тономъ и разводилась безконечными словопреніями, занятіемъ въ высшей степени предосудительнымъ для изслѣдованія истины“. (Сочин. Бэкона въ пер. Бибикова, т. II. Новый Органъ, кн. I, аф. LXXI).

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Объ опроверженіи через силлогизмъ.

Такъ какъ намъ уже извѣстно, когда является силлогизмъ и при какихъ отношеніяхъ между терминами, то мы знаемъ и то, когда можетъ явиться опроверженіе [1]), и когда не можетъ. Оно можетъ явиться, если на все даются [2]) утвердительные отвѣты, или если отвѣты бываютъ поперемѣнными, то утвердительными, то отрицательными. Ибо при первомъ и при второмъ отношеніи терминовъ являлся силлогизмъ, такъ что въ случаѣ, если признаваемое [3]) противно заключенію [4]), необходимо явится опроверженіе, ибо вѣдь опроверженіе есть силлогизмъ. Если же не дается утвердительнаго отвѣта ни о чемъ, опроверженія быть не можетъ, ибо когда всѣ термины отрицательны, не бываетъ силлогизма, а слѣдовательно, и опроверженія. Ибо опроверженіе есть необходимо силлогизмъ, хотя силлогизмъ не необходимо опроверженіе. Равнымъ образомъ [опроверженіе невозможно], если ничто въ отвѣтахъ не утверждается всецѣло; ибо [и въ томъ отношеніи] опроверженіе подчинено тому же ограниченію, какъ и силлогизмъ [5]).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Объ ошибкахъ въ умозаключеніяхъ.

Подобно тому, какъ намъ случается ошибаться въ выборѣ терминовъ, бываетъ, что мы впадаемъ въ ошибку и въ [самыхъ] предположеніяхъ [7]). Можетъ именно случиться, что одно и то же свойство присуще многому, но нѣкоторая часть [изъ этого многаго] отъ насъ укрылась, и мы думаемъ, что ей [это свойство] вовсе не присуще, а о прочемъ знаемъ, что оно ему присуще. Пусть [8]) [во-первыхъ] *A*

---

[1]) Опроверженіе есть силлогизмъ, доказывающій то, что противорѣчитъ опровергаемому тезису.

[2]) Защитникомъ тезиса.

[3]) То, что соглашается признать защитникъ тезиса, отвѣчая на вопросы оппонента.

[4]) То-есть защищаемому тезису.

[5]) То-есть изъ частныхъ посылокъ нѣтъ вывода.

[7]) То-есть выбираемъ посылки невозможныя, противорѣчащія другъ другу.

[8]) Аристотель указываетъ первый случай такихъ несоединимыхъ посылокъ. Если въ дѣйствительности всѣ *B* и всѣ *C* суть *A*, всѣ *D* суть *B* и всѣ *D* суть

исконнымъ образомъ присуще и всѣмъ B и всѣмъ C, а B и C также присуще всему D; если теперь мы предполагаемъ, что A присуще всему B, а B — всему D, но что A не присуще ни одному C и C присуще всему D, то объ одномъ и томъ же и въ одномъ и томъ-же отношеніи будетъ существовать и знаніе, и незнаніе. Во-вторыхъ [1], если мы ошибаемся относительно того, что принадлежитъ къ одному ряду понятій, напримѣръ если A присуще всему B, B—всему C и C — всему D, а мы предполагаемъ, что A присуще всему B и не присуще ни одному C,—и въ такомъ случаѣ мы будемъ знать, что то-то присуще тому-то, и вмѣстѣ предполагать, что оно второму не присуще [2]). Но вѣдь это значитъ предполагать иное, чѣмъ то, что намъ уже извѣстно [3]). Ибо вѣдь [во второмъ случаѣ] мы знаемъ, что A присуще всѣмъ C, знаемъ мы это черезъ [средній терминъ] B, знаемъ такъ же, какъ знаемъ частное, разъ намъ извѣстно общее; слѣ-

---

C, мы же ошибочно предполагаемъ, что C не суть A, а относительно прочаго имѣемъ правильное знаніе, то въ нашемъ знаніи возникаетъ внутреннее противорѣчіе, ибо, съ одной стороны, всѣ B суть A и всѣ D суть B, а слѣдовательно, *всѣ D суть A*; а съ другой, — ни одно C не есть A, всѣ D суть C, слѣдовательно *ни одно D ни есть A*. Это показываетъ уже, что въ трехъ посылкахъ истинныхъ (B есть A, D есть B и D есть C) внутреннимъ образомъ заключено нѣкоторое знаніе объ отношеніи C къ A, но мы, предположивъ, что ни одно C не A, этого скрытаго знанія не замѣтили, то-есть, слѣдовательно, о C въ его отношеніи къ A здѣсь существуетъ и знаніе, и незнаніе.

[1]) Второй случай несоединимыхъ посылокъ отличается отъ перваго тѣмъ, что здѣсь всѣ термины составляютъ рядъ послѣдовательныхъ субъектовъ и предикатовъ („вполнѣ принадлежатъ одному ряду понятій"), тогда какъ въ первомъ случаѣ этого не было (тамъ было два ряда понятій: B и C были субъектами A, а D былъ субъектомъ для B и C).

[2]) Пусть данъ рядъ терминовъ:

B есть A,
C есть B,
D есть C,

а мы ошибочно предполагаемъ сверхъ того, что ни одно C не есть A. Очевидно, въ такомъ случаѣ мы впадаемъ во внутреннее противорѣчіе, ибо если всѣ B суть A и ни одно C не A, то ни одно C не $Б$. Такимъ образомъ, дѣлая подобныя предположенія, мы и знаемъ, что C есть B, и вмѣстѣ съ тѣмъ, предполагая, что C не есть A, скрыто утверждаемъ тѣмъ самымъ, что C не есть B.

[3]) Какъ возможно однако, продолжаетъ Аристотель, впадать въ такія противорѣчивыя предположенія? Вѣдь это значитъ дѣлать предположеніе, зная, на основаніи другихъ посылокъ, что это предположеніе ложно? Объясненіе такой возможности и ея условій Аристотель даетъ ниже, сначала же показываетъ, что дѣйствительно допущенныя предположенія вели къ противорѣчіямъ.

довательно, [въ этомъ случаѣ] то, что намъ нѣкоторымъ образомъ извѣстно, мы вообще отказываемся предположить; а вѣдь это невозможно. Въ первомъ же изъ приведенныхъ случаевъ, гдѣ средній терминъ не принадлежитъ [вмѣстѣ съ другими] къ одному и тому же общему ряду понятій, невозможно принять каждую изъ обѣихъ посылокъ въ отношеніи къ каждому изъ обоихъ среднихъ терминовъ, то-есть принять, что *A* присуще всему *B*, но не присуще ни одному *C*, и что *B* и *C* присуще всему *D*; ибо [при этомъ] оказывается, что первая посылка взята вполнѣ или отчасти противорѣчащей [другимъ]: ибо если *A* предполагается присущимъ всему тому, что есть *B*, и мы знаемъ, что *B* присуще [всѣмъ] *D*, то знаемъ, что *A* присуще [всѣмъ] *D*; если же, съ другой стороны, предполагается, что *A* не присуще ничему изъ того, что есть *C*, то мы должны думать, что иному, изъ того, чему присуще *B* [то-есть инымъ изъ *D*] не присуще *A*; а думать, что всему тому, чему присуще *B* [то-есть всѣмъ *D*] присуще *A*, съ другой же стороны, полагать, что иному изъ того, чему присуще *B*, *A* не присуще,—значитъ брать сужденія или вполнѣ, или отчасти противорѣчащія другъ другу. Итакъ [очевидно, что] дѣлать такія предположенія невозможно; но ничто не мѣшаетъ [брать такъ предположенія], чтобы или относительно каждаго изъ обоихъ [среднихъ терминовъ] было по одной посылкѣ, или чтобы относительно одного изъ нихъ были обѣ [относительно же другаго—только одна] [1]), какъ напримѣръ *A* присуще всѣмъ *B*, и *B*—всѣмъ *D*, а съ другой стороны, *A* не присуще ни одному *C*. Эта ошибка подобна той, въ которую мы впадаемъ относительно частнаго [2]); если напримѣръ *A* присуще всему *B*, и *B* — всему *C*, *A* будетъ присуще всему *C*; [поэтому] когда мы знаемъ, что *A* присуще всему, что есть *B*, мы знаемъ и то, что *A* присуще всему *C*; но вполнѣ возможно не знать [о нѣкоторой вещи], что она есть *C*; напримѣръ если *A*—два прямыхъ угла, *B*—треугольникъ, *C* — чув-

[1]) Показавъ воочію, что сдѣланныя предположенія въ обоихъ случаяхъ противорѣчатъ допущеннымъ нами же посылкамъ, Аристотель говоритъ, что если всѣ эти посылки налицо, то, очевидно, мы не впадемъ въ такое явное противорѣчіе съ ними; но за то вполнѣ возможно впасть въ такое противорѣчивое предположеніе, если не всѣ посылки (обнаруживающія это противорѣчіе) налицо, а именно или въ обоихъ (противорѣчащихъ другъ другу) силлогизмахъ меньшія посылки опущены, или, по крайней мѣрѣ, въ одномъ (примѣръ такого случая и даетъ Аристотель).

[2]) На примѣрѣ объясняется, какъ возможно, зная нѣчто вообще, не узнать его въ частномъ.

ственный треугольникъ; мы можемъ предполагать, что [эта чувственная вещь] не есть C, хотя знаемъ, что во всякомъ треугольникѣ внутренніе углы равны двумъ прямымъ, и такимъ образомъ объ одномъ и томъ же будемъ и знать, и незнать; ибо имѣть знаніе о томъ, что треугольникъ имѣетъ два прямыхъ угла, не есть нѣчто простое, но это значитъ, во-первыхъ, имѣть знаніе объ общемъ, а во-вторыхъ, о частномъ; такимъ образомъ, мы вообще можемъ знать, что C имѣетъ два прямыхъ угла, въ частности же не знать этого, и оба предположенія не противорѣчатъ [прямо] другъ другу. Подобнымъ же образомъ доказывается въ „Менонѣ", что ученіе есть воспоминаніе [1]). Но ни въ какомъ случаѣ не бываетъ, чтобы частное было извѣстно заранѣе; знаніе о частномъ мы получаемъ одновременно съ индукціей, какъ бы воспризнавая [въ частномъ общее]; такъ мы немедленно узнаемъ, что [данная фигура] имѣетъ сумму внутреннихъ угловъ равную двумъ прямымъ, когда мы знаемъ, что это треугольникъ; и подобнымъ же образомъ относительно остальнаго.

[Такимъ то образомъ] [2]) мы знаемъ частное въ общемъ, частнымъ же образомъ не имѣемъ о немъ знанія; поэтому то и возможно ошибаться [относительно частнаго], при чемъ эта ошибка не есть противорѣчіе, ибо мы имѣемъ [въ такомъ случаѣ] знаніе объ общемъ, ошибку же дѣлаемъ относительно частнаго [3]). Подобное же должно сказать и относительно вышесказанныхъ случаевъ [ошибочныхъ предположеній]; и тамъ ошибка въ среднемъ терминѣ, такъ же какъ и относящееся къ среднимъ терминамъ [ошибочное] предположеніе, не находится въ противорѣчіи съ [общимъ] касающимся силлогизма знаніемъ. Вполнѣ даже возможно, зная, что A присуще всему B, а также, что B присуще всему C, тѣмъ не менѣе думать, что A не присуще C; напримѣръ, зная, что ни одинъ мулъ не имѣетъ потомства, и что *это* животное есть мулъ, думать, что это животное зачало; въ этомъ случаѣ мы, не соединяя знаній въ одно, не знаемъ,

---

[1]) „Менонъ"—діалогъ Платона.

[2]) Аристотель возвращается къ прежнему вопросу о возможности предположеній противорѣчивыхъ.

[3]) Такимъ образомъ (объясняетъ это мѣсто *Г. Гротъ*) мы при помощи общаго пріобрѣтаемъ теоретическое знаніе о частностяхъ, но мы можемъ не знать ихъ по спеціальнымъ наблюденіямъ, касающимся каждаго отдѣльнаго случая; поэтому мы можемъ ошибаться относительно каждаго изъ этихъ отдѣльныхъ случаевъ, безъ того, чтобы явилось прямое противорѣчіе между нашимъ знаніемъ и нашей ошибкой, ибо то, что мы знаемъ, есть общее, а то, относительно чего ошибаемся, частное (*G. Grote*, Aristotle, Third edition, p. 183).

что A присуще C. Отсюда ясно [1]), что, зная одно [общее], а не зная другаго [частнаго], мы впадаемъ въ ошибку относительно того, какъ относится знаніе общаго къ знанію частнаго. Ибо о чувственныхъ [предметахъ] мы, помимо ощущенія, неимѣемъ дѣйствительнаго знанія, даже если намъ уже случалось раньше ощущать [этотъ чувственный предметъ]; о чувственномъ предметѣ мы, помимо ощущенія, знаемъ только вообще и по спеціальной наукѣ объ этомъ предметѣ [2]). Ибо *знать* можно трояко: или вообще, или въ частности, или дѣйствительно; такъ что и ошибаться можно трояко. Поэтому возможно относительно одно и того же и знать, и ошибаться, однако не противнымъ образомъ [3]). Это случается, когда мы обѣ посылки въ отдѣльности знаемъ, но прежде въ нихъ не вникали [4]); напримѣръ предполагая, что [этотъ] мулъ зачалъ, мы не имѣемъ дѣйствительнаго знанія, но однако, съ другой стороны, и не дѣлаемъ этимъ предположеніемъ ошибки противной [общему] знанію, ибо ошибка противная общему знанію должна имѣть форму силлогизма [5]).

Тотъ же, кто предполагаетъ, что сущее хорошее есть сущее дурное, будетъ, очевидно, предполагать, что понятія хорошаго и дурнаго тождественны [6]). Пусть именно A—хорошее, B—дурное и C—

---

[1]) A fortiori.

[2]) Знаніе по спеціальной наукѣ о данномъ чувственномъ предметѣ есть тоже лишь общее знаніе. *Дѣйствительное* же знаніе, какъ видно изъ слѣдующаго, слагается, по Аристотелю, изъ трехъ моментовъ: общаго знанія, чувственнаго ощущенія и ихъ объединенія. Послѣдній моментъ предполагаетъ два первыхъ, но оба первые независимы, хотя тотъ, кто обладаетъ общимъ знаніемъ, въ *нѣкоторомъ отношеніи* знаетъ и частное. Такъ тотъ, кто знаетъ онтологію (то-есть науку о существующемъ вообще, какъ существующемъ) знаетъ *въ нѣкоторомъ отношеніи* все познаваемое (*Grote*, Aristotle, p. 184).

[3]) То-есть можно знать, напримѣръ, о данной вещи вообще, ошибаться же въ частности. Знаніе не совмѣстимо съ ошибкой только тогда, когда они относятся къ одному моменту познавательнаго процесса (см. примѣчаніе предыдущее), то-есть, прямо противны другъ другу.

[4]) Не соединяли идеи въ сознаніи.

[5]) О такихъ силлогизмахъ см. *Вторую Аналитику*, книга I, гл. 16 (стр. 79 *b* 23).

[6]) Второй родъ ошибочныхъ предположеній, состоящій въ томъ, что ошибочно считаютъ тождественнымъ то, что реально противуположно; напримѣръ худое ошибочно принимаютъ за хорошее. Такого рода ошибки исправляются тѣмъ, что въ силлогизмѣ, основанномъ на такомъ предположеніи, производятся всевозможныя обращенія сужденій и разсматриваются различнѣйшія перестановки терминовъ, и такимъ образомъ обнаруживаютъ противорѣчіе тамъ, гдѣ простое мнѣніе его

хорошее. Такъ какъ предполагается, что B и C тождественны, то должно предположить, что C есть B; далѣе, B такъ же есть A; а слѣдовательно, C есть A. Ибо какъ въ томъ случаѣ, когда было истиной, что B присуще C, и A присуще B, было истинной и что A присуще C, также должно быть это и относительно предположеній, и какъ относительно бытія было истиной, что если C и B тождественны, и далѣе, B и A тождественны, то C и A должны быть тождественны, также должно быть это и относительно предположительныхъ утвержденій. Неужели, слѣдовательно, это необходимо, если признать первое? Можетъ быть, ложно самое предположеніе, что сущее хорошее есть сущее дурное, истиннымъ же оно является только случайнымъ образомъ? Ибо вѣдь это предположеніе можетъ имѣть разнообразный смыслъ. Это надо изслѣдовать основательнѣе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

О перестановкѣ терминовъ въ силлогизмѣ.

Когда крайніе термины могутъ быть перестановлены [одинъ на мѣсто другаго], можетъ быть перестановленъ и средній терминъ съ каждымъ изъ крайнихъ [1]). Если именно A присуще [всему] C, черезъ [средній терминъ] B [2]), и если A и C взаимно перестановимы, то-есть C присуще всему A, то B перестановимо съ A, то-есть B присуще всему A [черезъ средній терминъ C], и C перестановимо съ B [черезъ средній терминъ A] [3]). Такъ же и при отрицательномъ заключеніи, когда напримѣръ B присуще всему C, A не присуще ни одному B, и слѣдовательно A не присуще ни одному C [4]). Если именно B

не замѣчаетъ. Поэтому то въ слѣдующей главѣ Аристотель и изслѣдуетъ вопросъ о перестановкѣ терминовъ въ силлогизмахъ (*Prantl*, Geschichte der Logik, I, стр. 314).

[1]) Иначе говоря, если заключеніе можетъ быть вполнѣ обращено, то обратимы вполнѣ и посылки.

[2]) Аристотель разбираетъ сначала утвердительный силлогизмъ: всѣ B суть A, всѣ C суть B, слѣдовательно всѣ C суть A.

[3]) Если заключеніе вполнѣ обратимо, то-есть если всѣ C суть A=всѣ A суть C, то вопервыхъ всѣ B суть A=всѣ A суть B (ибо всѣ C суть B и всѣ A суть C), и во-вторыхъ, всѣ C суть B=всѣ B суть C (ибо всѣ A суть C и всѣ B суть A).

[4]) Не совсѣмъ *такъ же*, какъ это видно изъ слѣдующаго. Въ отрицательномъ силлогизмѣ, вопервыхъ, если большая посылка обратима, обратимо и заключеніе; вовторыхъ, если меньшая посылка обратима, обратима и большая; и въ третьихъ, если обратимы заключеніе и меньшая посылка, обратима и большая.

перестановимо съ *A*, то *C* перестановимо съ *A*: пусть именно *B* не присуще ни одному *A*, тогда и *C* не будетъ присуще ни одному *A*, ибо вѣдь *B* присуще всему *C* [1]). И если *C* перестановимо съ *B*, то *A* перестановимо [съ *B*], ибо всему тому, чему присуще *B*, присуще и *C* [2]). И если *C* перестановимо съ *A*, *B* перестановимо [съ *A*], ибо то, что есть *B*, есть *C*, а тому, что есть *A*, *C* не присуще [3]). [Въ отрицательномъ силлогизмѣ] только въ томъ послѣднемъ случаѣ мы начинаемъ съ обращенія вывода [какъ то дѣлали въ силлогизмѣ утвердительномъ], въ остальныхъ же [двухъ случаяхъ] мы начинаемъ [здѣсь] иначе, чѣмъ въ утвердительномъ силлогизмѣ [4]).—Далѣе, если *A* и *B* взаимно обратимы, а также *C* и *D*, и если каждой вещи необходимо присуще или *A*, или *C*, то и отношеніе *B* къ *D* будетъ таково, что каждой вещи одно изъ нихъ будетъ присуще. Ибо тому, что есть *A*, присуще *B*, и тому, что есть *C*, присуще *D*; каждой же вещи присуще *A* или *C*, но не оба вмѣстѣ; слѣдовательно каждой вещи присуще *B* или *D*, но не оба вмѣстѣ. Напримѣръ, если все не рождающееся безсмертно, и все безсмертное не рождается, то слѣдовательно все рождающееся смертно, и все смертное рождается; это вытекаетъ изъ двухъ соединенныхъ силлогизмовъ [5]).—Далѣе, если

---

[1]) Первый изъ указанныхъ случаевъ: если въ отрицательномъ силлогизмѣ (ни одно *B* не *A*, всѣ *C* суть *B*, слѣдовательно ни одно *C* не *A*) большая посылка ни одно *B* не *A*=ни одно *A* не *B*, то и заключеніе ни одно *C* не *A*=ни одно *A* не *C* (ибо ни одно *A* не *B* и всѣ *C* суть *B*).

[2]) Второй изъ указанныхъ случаевъ: если всѣ *C* суть *B*=всѣ *B* суть *C*, то ни одно *B* не *A*=ни одно *A* не *B*. Объясненіе этого случая породило разныя толкованія. Дѣло въ томъ, что изъ посылокъ: ни одно *C* не *A* и всѣ *B* суть *C* не слѣдуетъ *обращенной* большой посылки (ни одно *A* не *B*), а сама большая посылка (ни одно *B* не *A*), такъ что доказательство не достигаетъ цѣли. Въ виду этого комментаторъ *Pacius* предлагаетъ доказывать эту обращенную посылку отъ невозможнаго (если-бы хотя нѣкоторые изъ *A* было *B*, то, такъ какъ всѣ *B* суть *C*, эти *A* были-бы *C*, что невозможно). *Вайтцъ*, не находя въ текстѣ Аристотеля указаній на *такое* доказательство, считаетъ весь этотъ второй случай посторонней вставкой (то-есть, слова *перестановимо* [*съ B*], *ибо всему тому, чему присуще B, присуще и C. И если C перестановимо съ A*).

[3]) Третій изъ указанныхъ случаевъ: если ни одно *C* не есть *A*=ни одно *A* не *C*, и если всѣ *C* суть *B*=всѣ *B* суть *C*, то ни одно *A* не *B*=ни одно *B* не *A*.

[4]) Именно начинаемъ съ обращенія посылокъ.

[5]) Примѣръ этотъ подходитъ болѣе къ слѣдующему за симъ разсужденію Аристотеля. Для даннаго же онъ долженъ быть нѣсколько измѣненъ: если все нерожденное (*A*) безсмертно (*B*), и все рожденное (*C*) смертно (*D*)—и все рождено или не рождено,—то все или смертно, или безсмертно. *Соединенный силлогизмъ*, на который намекаетъ Аристотель, будетъ таковъ: все сущее или рождено,

всему присуще A или B, но не оба вмѣстѣ, и если A и C взаимно перестановимы, то B и D взаимно перестановимы; ибо если нѣкоторымъ изъ D не было бы присуще B, то ясно, что имъ было бы присуще A; если же имъ присуще A, то присуще и C, ибо A и C взаимно перестановимы; слѣдовательно [въ такомъ случаѣ] нѣчто было бы и C, и D вмѣстѣ, а это невозможно [1]).—Если же A присуще всѣмъ B и всѣмъ C, и ничему другому не присуще, и если B присуще всѣмъ C, то необходимо A и B будутъ взаимно перемѣстимы; ибо, такъ какъ A утверждается лишь о B и C, а B утверждается и о себѣ самомъ, и о C, ясно, что обо всемъ томъ, что есть A, будетъ утверждаться B, хотя само A есть нѣчто иное, чѣмъ B [2]).—Далѣе, когда A и B присущи всѣмъ C, а C и B взаимно перемѣстимы, A необходимо присуще всѣмъ B; такъ какъ именно A присуще всѣмъ C, а C—всѣмъ B (черезъ перемѣщеніе), то и A будетъ присуще всѣмъ B [3]).—Когда изъ двухъ противуположностей A желательнѣе, чѣмъ B, и *изъ двухъ [другихъ] противуположностей* D *и* C, *одна желательнѣе другой*, и если $A+C$ желательнѣе, чѣмъ $B+D$, то A предпочтительнѣе, чѣмъ D; ибо A столь-же желательно, какъ B—не желательно, такъ какъ они противуположны; и C *находится въ такомъ же отношеніи къ* D, ибо и они противуположны; если, слѣдовательно, [во-первыхъ] A было-бы столь-же желательно, какъ D, то B было бы столь же желательно, какъ C, ибо каждое равно каждому, желательное—не желательному; такъ что и оба, $A+C$ были бы равны съ $B+D$; но $A+C$ [по условію] болѣе желательны, чѣмъ $B+D$; слѣдовательно A не можетъ быть столь же нежелательнымъ, какъ D; иначе $B+D$ было бы столь же желательно, какъ $A+C$. Если [во-вторыхъ] D было-бы желательнѣе, чѣмъ A, то B было бы менѣе не желательно, чѣмъ C, ибо меньшее противуположно меньшему; а большее

или не рождено; то, что рождено смертно; слѣдовательно все сущее или смертно или не рождено; но все не рожденное безсмертно; слѣдовательно все сущее или смертно, или безсмертно.

[1]) A—не рожденное, B—рожденное, C—безсмертное, D—смертное.

[2]) A—способный смѣяться, B—разумный, C—человѣкъ. Если всѣ разумныя существа и всѣ люди способны къ смѣху, и смѣхъ свойственъ лишь имъ, и если человѣкъ есть существо разумное, то способность къ смѣху и разумность суть понятія взаимныя. Дѣйствительно, такъ какъ способность смѣха приписывается лишь существамъ разумнымъ и людямъ, а разумъ есть свойство существъ разумныхъ и людей, то всѣмъ существамъ, считаемымъ за людей, должно приписать разумность, хотя разумность и человѣчность суть всетаки понятія различныя.

[3]) Напримѣръ, A—животное, B—существо разумное, C—человѣкъ.

благо и меньшее зло предпочтительнѣе, чѣмъ меньшее благо и большее зло; слѣдовательно цѣлое, $B+D$, было-бы предпочтительнѣе, чѣмъ $A+C$; но оно [по условію] не таково. Итакъ, [если D не можетъ быть ни столь-же желательнымъ, какъ A, ни болѣе его желательнымъ.] A желательнѣе, чѣмъ D, и C менѣе желательно, чѣмъ B [1]).—Если

---

[1]) Это мѣсто Вайтцъ и Прантль объясняютъ различно. Вайтцъ, основываясь на первой изъ курсивомъ набранной въ нашемъ переводѣ фразъ, полагаетъ, что A обозначаетъ большое благо, B—большое зло, C—*малое зло*, D—*малое благо*; затѣмъ онъ разъясняетъ наше мѣсто слѣдующимъ образомъ. „Если оба блага равны (по желательности), то и противуположные имъ два зла тоже равны (по нежелательности), ибо каждое благо столь же желательно, сколь нежелательно противуположное ему зло. Итакъ, предположивъ, что $A=D$, мы найдемъ, что и $B=C$; слѣдовательно и $A+C$ будетъ равно $B+D$; но мы ранѣе признали, что $A+C>$ (то-есть желательнѣе, чѣмъ) $B+D$, слѣдовательно $A=D$ не можетъ быть истиннымъ, ибо изъ этого равенства слѣдуетъ, что $A+C=B+D$. Далѣе, если мы предположимъ, что $D>A$, то B будетъ$>$ (то-есть менѣе нежелательнымъ), чѣмъ C; ибо большему благу противуположно большее зло (D противуположно C), а меньшему—меньшее (A—C); а такъ какъ большее благо предпочтительнѣе меньшаго, а меньшее зло—большаго, то и $B+D>$(предпочтительнѣе, чѣмъ) $A+C$; но это противорѣчитъ раньше признанному. Итакъ, если A не можетъ быть ни одинаково желательнымъ съ D, ни менѣе его, остается утверждать, что оно болѣе желательно, чѣмъ D“ (*Waitz*, I, стр. 531). Прантль, основываясь болѣе на второй изъ подчеркнутыхъ нами фразъ, полагаетъ, что A означаетъ большое благо, B—большое зло, *но C—малое благо и D—малое зло*. Онъ начинаетъ свое разъясненіе съ указанія общаго значенія нашего мѣста для ученія о раскрытіи ошибокъ въ предположеніяхъ. „Въ случаяхъ, когда мы имѣемъ пару противуположностей, являющуюся въ двухъ различныхъ видахъ, легко можетъ возникнуть смѣшеніе противуположныхъ понятій, разъ мы стоимъ на точкѣ зрѣнія лишь простыхъ мнѣній и предположеній. Однако, если мы будемъ строго сохранять, хотя бы въ одномъ отношеніи, различіе этихъ противуположностей, то логическое изслѣдованіе можетъ показать, какъ избѣжать ихъ смѣшенія и тамъ, гдѣ оно угрожаетъ, такимъ образомъ исправить простое мнѣніе и предположеніе. Положимъ напримѣръ, что A—большое благо, B—большое зло, C—малое благо и D—малое зло; въ такомъ случаѣ извѣстная поговорка, что изъ двухъ золъ должно желать меньшаго, легко можетъ повести къ „предположенію“ или „мнѣнію“, что малое зло есть благо (желательно) или что малость зла есть великое благо; это предположеніе, полагающее тождественными противоположности, исправляется слѣдующимъ образомъ: A и B суть противоположности, и A всегда желательнѣе, чѣмъ B, равнымъ образомъ C и D противоположности, и C желательнѣе, чѣмъ D *); такимъ образомъ степень желательности для обоихъ утверждена и при-

---

*) У Прантля на оборотъ: „D wünschenswerter, als C“; но это очевидная опечатка.

напримѣръ каждый любящій предпочиталъ бы имѣть, въ отношеніи къ любимому, свойства заслуживающія любовь (A), хотя бы и не нравиться (C), чѣмъ нравиться (D), но не быть достойнымъ любви (B), то ясно, что A (быть достойнымъ любви) предпочтительнѣе, чѣмъ нравиться. Слѣдовательно дружба предпочтительнѣе, въ отношеніи любимаго, чѣмъ [физическая] связь, и любовь болѣе осуществляется въ дружбѣ, чѣмъ въ связи. А если она болѣе всего осуществляется въ дружбѣ, то она и есть цѣль въ дружбѣ, связь же или вовсе не имѣетъ значенія, или только ради любви; ибо такія же отношенія имѣемъ мы и въ остальныхъ желаніяхъ и въ искусствахъ [1].

Глава двадцать третья.

Объ индукціи.

Какъ относятся термины при обращеніи и какихъ изъ нихъ должно избѣгать, а какіе принимать, показано [въ предыдущемъ]. Теперь же слѣдуетъ показать, что черезъ разсмотрѣнныя выше фигуры [силлогизма] происходятъ не только діалектическія и аподиктическія

знано, что благо, все равно большое, или малое, или оба вмѣстѣ желательнѣе, чѣмъ зло, все равно большое, или малое, или оба вмѣстѣ, то-есть утверждено, что соединеніе A и C желательнѣе, чѣмъ соединеніе B и D; здѣсь мы имѣемъ положеніе, исходя изъ котораго, мы въ состояніи устранить смѣшеніе возникшее между A и D, поскольку оба они оказались желательными. Именно, если-бы A и D были бы равны (по желательности), то и B и C оказались бы тоже равными, а слѣдовательно и соединеніе A съ C было бы равно соединенію B съ D (что невозможно); если же D было бы даже желательнѣе, чѣмъ A, то-есть, малое зло было бы въ большей степени благомъ, чѣмъ большое благо, то и B было бы меньше зломъ, чѣмъ малое благо C; а такъ какъ степень желательности блага и зла по величинѣ обратная (то-есть большее благо желательнѣе, чѣмъ меньшее, а меньшее зло желательнѣе, чѣмъ большее), то въ такомъ случаѣ соединеніе этого (мнимо) большаго блага D съ (мнимо) меньшимъ зломъ B было бы желательнѣе, чѣмъ соединеніе (мнимо) меньшаго блага A съ (мнимо) большимъ зломъ C; между тѣмъ какъ выше было признано а показано, что соединеніе A съ C желательнѣе, чѣмъ соединеніе B съ D; итакъ D не можетъ быть ни въ равной степени благомъ съ A, ни въ большей; слѣдовательно D въ меньшей степени благо, чѣмъ A, и такимъ образомъ существенное различіе по желательности между благомъ и зломъ сохраняетъ свое значеніе и при маломъ злѣ, въ каковомъ случаѣ оно „мнѣніемъ легко смѣшивалось" (*Prantl*, Gesch. d. Logik, I, стр. 316).

[1]) То-есть и въ прочихъ желаніяхъ, какъ и въ искусствахъ, сущность составляетъ цѣль желанія или искусства.

умозаключенія [1]), но и риторическія [2]), и вообще всякая увѣренность, какимъ бы путемъ она ни получалась. Всякая именно наша увѣренность является или черезъ силлогизмъ или изъ индукціи [3]).

Индукція и выводъ черезъ индукцію умозаключаетъ, черезъ одинъ изъ крайнихъ терминовъ, о томъ, что другой крайній терминъ присущъ среднему; напримѣръ, если для *АС* средній терминъ *В*, то доказывая черезъ *С*, что *А* присуще [всѣмъ] *В*, мы дѣлаемъ индукцію [4]). Пусть напримѣръ *А*—животныя долговѣчныя, *В* животныя не-

---

[1]) ***Аподиктическимъ*** умозаключеніемъ Аристотель называетъ то, что выходитъ изъ необходимыхъ принциповъ (*Вторая Аналитика*, кн. I, гл. 6, стр. 74 b11), ***діалектическимъ*** же то, которое выходитъ изъ правдоподобныхъ посылокъ (*Топика*, кн. I, гл. I, стр. 100 а 30).

[2]) *Риторическими* умозаключеніями Аристотель называетъ тѣ доказательства, въ которыхъ принимаются въ соображеніе нравы и страсти слушателей (*Риторика*, кн. I, гл. 2, стр. 1356 а1 и слѣд.). Сюда онъ причисляетъ *примѣръ* и *энтимему* (*Вторая Аналитика*, кн. I, гл. 1, стр. 71 а 9), о которыхъ см. ниже, гл. 24 и 27.

[3]) Въ научномъ мышленіи (говоритъ *Целлеръ*, излагая теорію познанія Аристотеля) должно различать два направленія: одно восходящее къ принципамъ, другое нисходящее отъ принциповъ; второе есть переходъ отъ общаго къ частному, отъ того, что *само по себѣ* очевидно, къ тому, что таково *для насъ*; первое же идетъ отъ частнаго и намъ болѣе знакомаго къ тому, что само по себѣ очевиднѣе, къ общему. Въ первомъ направленіи движется силлогизмъ, во второмъ—индукція (*Zeller*, Philosophie der Griechen, II, 2, стр. 241 третьяго изданія).

[4]) Силлогизмъ, переходя отъ общаго къ частному, заключаетъ, черезъ средній терминъ, о томъ, что большій терминъ присущъ меньшему. Индукція же, переходя отъ частнаго къ общему, заключаетъ (черезъ тотъ терминъ, который былъ въ силлогизмѣ меньшимъ) о принадлежности большаго термина тому, что былъ въ силлогизмѣ среднимъ. Напримѣръ, ходъ индуктивнаго вывода таковъ:

Кругъ, эллипсъ, парабола и гипербола суть кривыя втораго порядка;
Кругъ, эллипсъ, парабола и гипербола суть коническія сѣченія;
Слѣдовательно, всѣ коническія сѣченія суть кривыя втораго порядка.

Если же этотъ общій выводъ мы приняли бы за большую посылку силлогизма, то получимъ слѣдующее умозаключеніе:

Всѣ коническія сѣченія суть кривыя втораго порядка;
Кругъ, эллипсъ, парабола и гипербола суть коническія сѣченія;
Слѣдовательно, кругъ, эллипсъ, парабола и гипербола суть кривыя втораго порядка.

Иначе говоря, схема индукціи такова:

C_1, C_2, C_3 суть А
C_1, C_2, C_3 суть В

Слѣдовательно, всѣ В суть А;

желчныя и C—отдѣльныя [нежелчныя] животныя [1]), какъ то человѣкъ, лошадь, мулъ; [при этомъ] [2]). A будетъ присуще всѣмъ C, ибо каждое нежелчное животное [B] долговѣчно [A], и вмѣстѣ съ тѣмъ C [человѣкъ, лошадь, мулъ] суть B, то-есть суть животныя нежелчныя; если же [3]) обратить [посылку] CB и если [при этомъ] средній терминъ [B] не превышаетъ [объема термина] C, то A необходимо будетъ присущимъ [всѣмъ] B [4]); ибо уже выше было доказано, что когда оба термина [A и B] присущи тому же [C], и при томъ одно изъ этихъ сужде-

---

тогда какъ схема соотвѣтствующая силлогизму слѣдующая:

Всѣ B суть A,
C_1, C_2, C_3 суть B

Слѣдовательно C_1, C_2, C_3 суть A

Итакъ очевидно, что въ индукціи среднимъ терминомъ служитъ меньшій терминъ силлогизма (C_1, C_2, C_3, и что въ ней доказывается, что большій терминъ (A) присущъ тому, который былъ въ силлогизмѣ среднимъ (B).

[1]) Мы принимаемъ здѣсь коньектуру *Грота* (*Grote*, Aristotle) и *М. Кунсбрука* (Archiv f. Gesch. d. Philosophie, V, 3), то-есть считаемъ слово μακρόβιον за глоссу.

[2]) Аристотель строитъ изъ этихъ терминовъ силлогизмъ.

[3]) Аристотель показываетъ, какъ изъ этихъ же терминовъ строится индукція. Ея условіемъ, очевидно, является *полное* превращеніе меньшей посылки (силлогизма), то-есть утвержденіе, что если всѣ C_1, C_2, C_3 суть B, то и всѣ B суть C_1, C_2, C_3. Внѣ этого условія индукція представляетъ третью фигуру силлогизма, дающую только частный выводъ, а не общій. При принятіи же этого условія она имѣетъ видъ модуса AAA первой фигуры съ общимъ заключеніемъ, а именно:

всѣ C_1, C_2, C_3 суть A,
всѣ B суть C_1, C_2, C_3,

Слѣдовательно всѣ B суть A.

[4]) Такимъ образомъ, индукція у Аристотеля оказывается, въ сущности, силлогизмомъ третьей фигуры, съ вполнѣ обратимой меньшей посылкой. Чтобы нѣсколько уяснить этотъ странный результатъ, должно обратить вниманіе на слѣдующія два обстоятельства: a) Индукція у Аристотеля не есть то, что извѣстно подъ этимъ именемъ въ новой философіи; его индукція есть пріемъ полученія общаго черезъ *полное* перечисленіе всего, что входитъ въ это общее (такъ называемая полная индукція); мы должны были перечислить *всѣ* коническія сѣченія, въ вышеприведенномъ примѣрѣ, чтобы заключеніе было доказаннымъ, безъ того же условія оно, очевидно, не будетъ общимъ. b) Сводя индукцію къ силлогизму Аристотель не устраняетъ своеобразія, а только *доказываетъ* тѣмъ ея правильность, такъ же какъ въ книгѣ первой онъ доказывалъ правильность второй и третьей фигуръ силлогизма, сводя ихъ первой, истинность которой очевидна изъ опредѣленія общихъ сужденій.

ній [напримѣръ *BC*] вполнѣ обратимо, то А присуще всѣмъ *B* [1]). Должно однако [въ томъ индуктивномъ выводѣ] мыслить *C* сложеннымъ изъ всѣхъ частныхъ предметовъ, ибо индукція происходитъ именно черезъ всѣ [2]).

Таково [индуктивное] умозаключеніе къ первой непосредственной посылкѣ [3]). Ибо умозаключеніе къ тому, что имѣетъ посредствующій терминъ, происходитъ черезъ силлогизмъ съ посредствующимъ терминомъ, а заключеніе къ тому, что посредствующаго термина не имѣетъ, происходитъ черезъ индукцію. Индукція противоположна силлогизму и по формѣ, ибо этотъ послѣдній доказываетъ, черезъ средній терминъ, что большій терминъ присущъ меньшему; индукція же доказываетъ, черезъ меньшій терминъ, что большій терминъ присущъ среднему, [Замѣтимъ еще, что,] по существу, умозаключеніе черезъ средній терминъ есть нѣчто болѣе первичное, болѣе знакомое; для насъ же умозаключеніе черезъ индукцію является болѣе очевиднымъ [4]).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Доказательство черезъ примѣръ.

[Доказательство черезъ] примѣръ бываетъ, когда доказано, черезъ терминъ подобный [меньшему] крайнему, что [большій] крайній терминъ присущъ среднему [5]). Для этого должно быть извѣстнымъ, и

---

[1]) Эта фраза въ переводѣ нѣсколько упрощена, въ подлинникѣ же сказано: „ибо выше уже доказано, что когда два какіе-нибудь термина присущи одному и тому же, и крайній перестановимъ съ однимъ изъ нихъ, то перестановимому присущъ и другой изъ присущихъ“.

[2]) Указывается именно то условіе полноты индукціи, о которомъ сказано выше въ примѣчаніи 1: $C_1+C_2+C_3$ должны быть$=B$, безъ чего *полное* обращеніе этого сужденія невозможно.

[3]) Большая посылка силлогизма, которая въ немъ берется недоказанной, то-есть въ которой между *A* и *B* нѣтъ средняго термина, въ индукціи доказывается.

[4]) Какъ показалъ съ особенной настойчивостью Прантль, силлогизмъ въ системѣ Аристотеля имѣетъ не только логическое, но и своеобразное метафизическое значеніе.

[5]) Силлогизмъ есть доказательство частнаго изъ общаго, индукція—общаго изъ частнаго, примѣръ же—доказательство частнаго изъ частнаго, на основаніи аналогіи или неполнаго сходства. Напримѣръ, желая доказать, что война, предпринятая аѳинянами противъ ѳивянъ (C) гибельна (A), мы ищемъ, какъ доказательнаго примѣра, такую войну, которая, будучи сходной съ этой, оказалась гибельной, и находимъ этотъ примѣръ въ войнѣ ѳивянъ съ фокейцами (D): эта война

что средній терминъ присущъ меньшему, и что большій—подобному [1]). Пусть, напримѣръ, *A*—зло, *B*—начинать войну съ сосѣдями; *C*—война

сходна съ первой, ибо обѣ они суть войны противъ сосѣдей (B), и она оказалась гибельной, слѣдовательно и т. д. Очевидно, что такое доказательство слагается изъ двухъ половинъ, а именно сначала доказывается, изъ частнаго примѣра войны ѳиванъ, гибельность вообще войнъ съ сосѣдями, а затѣмъ изъ этой общей истины выводится, какъ ея частный случай, гибельность войны аѳинянъ. Такимъ образомъ схема доказательства отъ примѣра такова: надо доказать, что *C* есть *A*; ищемъ такое *D*, которое сходно съ C (именно оба суть B) и вмѣстѣ съ тѣмъ есть A; и такъ

D есть A,
D есть B,

слѣдовательно всѣ B суть A
но C есть B

слѣдовательно C есть A, и т. д.

Итакъ, вторая половина доказательства отъ примѣра есть обыкновенный силлогизмъ, первая же половина, дающая общее заключеніе, когда при такихъ условіяхъ силлогизмъ даетъ заключеніе частное (по третьей фигурѣ), своеобразна для нашего доказательства. Чтобы понять ея отличительныя черты, сопоставимъ ее съ соотвѣтственными ей формами силлогизма:

а) доказательство отъ примѣра

D (подобное C) есть A,
D есть B,

всѣ B есть A;

б) доказательство черезъ индукцію (см. гл. 23):

C_1, C_2, C_3 суть A,
C_1, C_2, C_3 суть B,

всѣ B суть A;

в) и, наконецъ, соотвѣтственная схема силлогизма:

B есть A,
C есть B,

C есть A.

Итакъ, дѣйствительно, мы видимъ, что доказательство отъ примѣра (если сравнить его съ силлогизмомъ) доказываетъ, черезъ терминъ (D) подобный меньшему термину силлогизма (C), что большій терминъ (A) присущъ среднему (B). Отличіе же этого доказательства отъ индукціи сводится къ двумъ признакамъ: 1) въ примѣрѣ вторую часть доказательства составляетъ силлогизмъ о меньшемъ терминѣ (c), чего въ индукціи нѣтъ, 2) въ идукціи выводъ совершается (какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ) черезъ *всѣ* частные случаи, ибо $C_1+C_2+C_3=B$, въ примѣрѣ же взятъ одинъ частный случай (война ѳиванъ). Изъ этого видно, что примѣръ не есть строгое, съ формальной стороны, доказательство, но принадлежитъ къ риторическимъ умозаключеніямъ (ср. гл. 23, въ началѣ).

[1]) Дѣйствительно, какъ видно изъ приведенной въ предыдущемъ примѣчаніи

начатая аѳинянами противъ Ѳивъ, D—война, начатая ѳивянами противъ фокейцевъ. Если мы желаемъ доказать, что воевать съ ѳивянами есть зло, должно взять [посылкой], что воевать съ сосѣдями есть зло; достовѣрность же это положеніе получаетъ изъ подобнаго; именно изъ того, что война ѳивянъ противъ фокейцевъ есть зло; итакъ, очевидно, что B присуще и C, и D (ибо обѣ войны суть войны съ сосѣдями), и что A присуще D (ибо ѳивянамъ не была полезна война противъ фокейцевъ), а что A присуще B, будетъ доказано черезъ D. Такимъ же образомъ ведется доказательство и тогда, когда увѣренность въ томъ, что крайній терминъ [A] присущъ среднему [B], получается изъ многихъ подобныхъ терминовъ [1]). Итакъ, ясно, что примѣръ не есть [переходъ] отъ общаго къ частному, ни отъ частнаго къ общему, но отъ частнаго къ частному же, при чемъ оба частные [термина] заключены подъ однимъ [общимъ], и одинъ изъ нихъ извѣстнѣе другаго [2]). Отъ индукціи примѣръ отличается тѣмъ, что индукція доказываетъ черезъ всѣ частные [случаи], что [большій] крайній терминъ [то-есть A] присущъ среднему [то-есть B], и относительно меньшаго крайняго термина [то-есть C] не присоединяетъ силлогизма; примѣръ и присоединяетъ этотъ силлогизмъ, и доказываетъ не черезъ всѣ [частные случаи].

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Доказательство черезъ редукцію.

Редукція [3]) имѣетъ мѣсто тогда, когда [вопервыхъ] ясно, что большій терминъ присущъ среднему, а что средній присущъ меньшему, хотя и неясно, но столь же или болѣе вѣроятно, чѣмъ и

схемы, для доказательства отъ примѣра необходимо, чтобы было извѣстно, что C есть B, и что D есть A (третья необходимая посылка—D есть B—есть простое выраженіе сходства D съ C).

[1]) Въ приведенномъ примѣрѣ сужденіе, что всякая война съ сосѣдями гибельна, было слѣдствіемъ *одного* частнаго случая (войны ѳивянъ); но очевидно, что въ подтвержденіе этого сужденія можно привести и еще нѣсколько примѣровъ, отчего, однако, общій способъ доказательства не измѣнится.

[2]) Исходъ войны ѳивянъ былъ извѣстнѣе исхода войны аѳинянъ, но обѣ войны суть частные случаи войнъ съ сосѣдями.

[3]) Редукціей, то-есть отведеніемъ (въ противоположность индукціи, наведенію) называется такое доказательство, въ которомъ мы сводимъ доказуемое положеніе къ другому, болѣе легкому или легче доказуемому.

заключеніе [1]); и, вовторыхъ, когда посредствующихъ [членовъ] между среднимъ и меньшимъ терминомъ немного [2]): при всѣхъ этихъ условіяхъ мы [черезъ редукцію] короче достигнемъ знанія. Пусть, напримѣръ, *A*—изучимый, *B*—наука, *C*—справедливость; что наука изучима, ясно, но что добродѣтель изучима, неясно; если же *BC* столь же или болѣе вѣроятно, чѣмъ *AC*, имѣетъ мѣсто редукція [3]). Или, во второмъ случаѣ, когда немного посредствующихъ членовъ между *B* и *C*, мы тоже [редукціей] короче достигаемъ знанія; пусть, напримѣръ, *D*—обращать въ [равновеликій] квадратъ, *E*—прямолинейная фигура и *F*—кругъ; если бы *E* и *F* можно было соединить черезъ одинъ только средній терминъ (напримѣръ, черезъ луночки кругъ обращается въ равновеликую прямолинейную фигуру), то [такимъ способомъ] скоро достигалось бы знаніе [4]). Если же и *BC* не вѣроятнѣе, чѣмъ *AC*, и нѣтъ немногихъ посредствующихъ членовъ, я не называю [доказательство] редукціей. Не называю его такъ и тогда, когда [посылка] *BC* непосредственная: тогда это [не доказательство, а] знаніе.

---

[1]) Въ такомъ случаѣ выгодно взять меньшею посылкою такое болѣе вѣроятное положеніе, то-есть редуцировать къ нему нашъ тезисъ.

[2]) *Немного*, то-есть число среднихъ терминовъ въ редуцируемомъ больше, чѣмъ въ томъ, къ которомъ мы его редуцируемъ.

[3]) Доказывая положеніе, что справедливость изучима, выгодно свести его къ болѣе ясному положенію, что справедливость есть наука (а, слѣдовательно, какъ всякая наука, изучима).

[4]) Доказывая положеніе, что кругъ можно обратить въ равновеликій квадратъ (всякая прямолинейная фигура обратима въ равновеликій квадратъ, кругъ—обратимъ въ равновеликую прямолинейную фигуру, слѣдовательно и т. д.) выгодно вставить, между терминами меньшей посылки, посредствующій членъ „луночка", ибо всякое другое доказательство потребуетъ большаго числа среднихъ терминовъ. Подъ „луночками" здѣсь разумѣются луночки Иппократа Хіосскаго, математика V вѣка, который показалъ, что фигура образуемая пересѣченіемъ двухъ дугъ, изъ которыхъ одна проведена изъ середины стороны квадрата, какъ центра, радіусомъ равнымъ половинѣ его стороны, а другая—изъ пересѣченія діагоналей квадрата, какъ центра, радіусомъ равнымъ половинѣ его діагонали,—что эта фигура (похожая на четверть луны) равновелика четверти квадрата. Замѣтимъ однако, что отъ луночекъ до геометрическаго построенія квадратуры круга, которое имѣетъ здѣсь въ виду Аристотель, еще очень далеко, ибо для этого надо было бы показать, какъ можно построить луночку равновеликую четверти круга, что средствами геометріи невозможно. Такимъ образомъ, и этотъ примѣръ у Аристотеля, какъ и большинство другихъ математическихъ примѣровъ, находимыхъ у него, основанъ на недоразумѣніи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

О возраженіи.

Возраженіе есть посылка противная посылкѣ [отвергаемаго силлогизма] [1]); отличается же оно отъ [этой послѣдней] посылки тѣмъ, что возраженіе можетъ быть и частнымъ [2]), посылка же вообще не можетъ быть частной, или [по крайней мѣрѣ] не въ общихъ силлогизмахъ. Возраженіе бываетъ двояко и употребляется по двумъ фигурамъ: двояко—потому, что оно всегда бываетъ или общимъ, или частнымъ,—по двумъ же фигурамъ потому, что возраженіе противоположно посылкѣ [отвергаемаго силлогизма], а противоположные выводы получимы только по первой и по третьей фигурѣ [3]). Когда выставляется [какъ посылка] всеобще утвердительное положеніе, мы возражаемъ на него обще или частно отрицательнымъ сужденіемъ; первое доказывается по первой фигурѣ, второе—по третьей [4]). Напримѣръ, пусть *A*—быть [предметомъ изученія] одной и той же науки, *B*—противныя [другъ другъ вещи]; если защищается [положеніе], что противныя другъ другу суть предметы изученія одной и той же науки [5]), мы дѣлаемъ возраженіе, *или*, что вообще противоположныя вещи не суть предметъ изученія одной науки, а противныя другъ другу вещи противоположныя, такъ что является первая фигура; *или* дѣлаемъ возраженіе, что извѣстное и неизвѣстное не есть предметъ изученія одной науки, и такимъ образомъ получается третья фигура: о *C*, то-есть извѣстномъ и неизвѣстномъ, утверждается что они суть вещи другъ

---

[1]) Возраженіе, если придать ему доказательную форму, состоитъ въ томъ, что мы выставляемъ противъ извѣстной посылки нашего противника такую посылку, изъ которой можетъ быть доказано положеніе, разрушающее его, то-есть противника, посылку. Для пониманія слѣдующаго должно твердо помнить, что противоположными Аристотель называетъ здѣсь всякія противорѣчащія сужденія, то-есть, слѣдовательно, какъ *A* и *E*, такъ и *A* и *O*; противными же только *A* и *E*; такъ что противность есть одинъ изъ видовъ противоположности.

[2]) Частное возраженіе уже разрушаетъ общее положеніе.

[3]) Въ первой и третьей фигурѣ заключенія бываютъ и утвердительными, и отрицательными; слѣдовательно, какова бы ни была опровергаемая посылка, то-есть будетъ-ли она утвердительной или отрицательной, по этимъ фигурамъ можно доказать противорѣчащее ей отрицательное или утвердительное возраженіе. Во второй же фигурѣ, гдѣ всѣ заключенія отрицательны, это невозможно.

[4]) Ибо третья фигура даетъ только частныя заключенія.

[5]) Объ этомъ см. кн. 1, гл. 1.

другу противныя. и отрицается, что они составляютъ предметъ изученія одной и той же науки [1]). Далѣе, если [отвергаемая] посылка отрицательная, опроверженіе ведется такимъ же образомъ; ибо если утверждается, что [всѣ] противныя другъ другу вещи не суть предметъ изученія одной науки, мы возражаемъ, *или*, что противоположныя вещи суть предметъ изученія одной науки [2]), *или*, что нѣкоторыя изъ нихъ, какъ то здоровье и болѣзнь, суть предметъ изученія одной науки [3]); такимъ образомъ, [возраженіе] о всѣхъ [противныхъ другъ другу] вещахъ получается [опять] по первой фигурѣ, а о нѣкоторыхъ—по третьей. Вообще [4]), во всѣхъ случаяхъ, дѣлая общее возраженіе, мы должны высказать положеніе, противорѣчащее общей изъ выставленныхъ [противникомъ посылокъ, и болѣе общей, чѣмъ эта послѣдняя]; напримѣръ, если [противникъ] утверждаетъ, что противныя [другъ другу вещи] не составляютъ предмета изученія одной науки, должно возразить, что противоположныя вещи изучаются одною и тою же наукой [5]); а такимъ образомъ необходимо является первая фигура, въ которой среднимъ терминомъ будетъ то, что болѣе обще, чѣмъ основное [то-есть опровергаемое] положеніе [6]). Въ частномъ же возраженіи мы говоримъ о томъ, относительно чего

---

[1]) Опровергаемая посылка: „противныя другъ другу вещи изучаются одною и тою же наукой". Опроверженіе по *первой* фигурѣ.

Противополагаемыя другъ другу вещи не изучаются одною и тою же наукой;
противныя другъ другу вещи противуположны;
слѣдовательно, противныя другъ другу вещи не изучаются одною и тою же наукой.

Опроверженіе по *третьей* фигурѣ:

Извѣстное и неизвѣстное не изучаются одною и тою же наукой;
извѣстное и неизвѣстное противны другъ другу;
слѣдовательно, *нѣкоторыя* изъ противныхъ другъ другу вещей не изучаются одною и тою же наукой.

[2]) А противоположное противно другъ другу.

[3]) А здоровье и болѣзнь суть противныя другъ другу вещи.

[4]) Показавъ въ предыдущемъ на примѣрахъ, какъ развиваются возраженія общія (по первой фигурѣ) и частныя (по третьей), Аристотель теперь доказываетъ, что въ первыхъ средній терминъ долженъ быть болѣе общимъ, чѣмъ субъектъ опровергаемаго положенія, а во вторыхъ онъ долженъ быть болѣе частнымъ, чѣмъ этотъ послѣдній.

[5]) Противоположность же заключаетъ *подъ собою* противность.

[6]) Или, лучше сказать, средній терминъ въ опроверженіи [противоположныя вещи] болѣе общъ, чѣмъ субъектъ опровергаемаго положенія [противныя другъ другу вещи].

субъектъ [опровергаемой] посылки является [болѣе] общимъ [поня тіемъ], напримѣръ „извѣстное и неизвѣстное изучаются одной и тою же наукой“: [здѣсь] противныя другъ другу вещи есть общее [понятіе] для „извѣстнаго и неизвѣстнаго“; такимъ образомъ происходитъ третья фигура, въ которой среднимъ терминомъ взято частное понятіе, напримѣръ „извѣстное и неизвѣстное“. Тѣ фигуры, по которымъ можно доказывать противныя [другъ другу положенія], употребляются нами для доказательныхъ возраженій; поэтому возраженія дѣлаются только по указаннымъ двумъ фигурамъ, ибо только въ нихъ имѣютъ мѣсто противоположные силлогизмы [1]); по второй же фигурѣ нельзя получать утвердительныхъ заключеній. Притомъ возраженіе по второй фигурѣ требовало бы болѣе долгаго разсужденія, напримѣръ если бы отрицалось, что A присуще B, на основаніи того, что C не присуще A; это послѣднее потребовало бы доказательства черезъ новую посылку. Возраженіе же не должно отклоняться въ сторону, но иная [чѣмъ опровергаемая] посылка должна быть самоочевидной [2]). Поэтому-то признакъ [возраженія] и не подходитъ только къ этой [второй] фигурѣ.

Должно еще разсмотрѣть и другія возраженія, какъ-то возраженія отъ противнаго, отъ сходнаго, отъ правдоподобнаго [3]); слѣдуетъ

---

[1]) Въ частномъ возраженіи, говоритъ Аристотель, субъектъ возраженія есть болѣе частное понятіе, чѣмъ субъектъ опровергаемаго положенія. Напримѣръ, если опровергается положеніе, что противныя другъ другу вещи изучаются одной наукой, то мы возражаемъ, что извѣстныя и неизвѣстныя вещи изучаются не одною наукой, извѣстныя же и неизвѣстныя вещи противны другу другу, слѣдовательно (по крайней мѣрѣ) не всѣ противныя другъ другу вещи изучаются одною наукой. Субъектъ возраженія (извѣстныя и неизвѣстныя вещи) есть частное понятіе сравнительно съ субъектомъ опровергаемаго положенія (противныя другъ другу вещи).

[2]) То-есть, только въ 1 и 3 фигурахъ есть модусы съ противорѣчащими заключеніями.

[3]) Возраженіе по второй фигурѣ не дѣлается, потому что она не заключаетъ модусовъ съ противорѣчащими заключеніями. Но если бы мы, говоритъ Аристотель, и воспользовались этой фигурою для доказательства только отрицательнаго возраженія (что возможно), то и тогда это было бы неудобно, ибо такое доказательство потребовало бы нѣкотораго дополнительнаго пріема, именно обращенія большей посылки. Пусть именно опровергаемое положеніе будетъ: всѣ B суть A ибо C есть A и B есть C). Доказать по второй фигурѣ противорѣчащее ему возраженіе, именно, что ни одно B не A, возможно черезъ посылку A не C (и B есть C). Доказать же по первой фигурѣ это возраженіе можно черезъ посылку C не A (и B не C). Слѣдовательно опроверженіе по первой фигурѣ мы

также изслѣдовать, возможно ли частное возраженіе вести по первой фигурѣ, и отрицательное—по второй.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Объ энтимемѣ.

Сужденіе вѣроятное и сужденіе на основаніи признака не одно и тоже. Сужденіе вѣроятное есть лишь посылка согласная съ ходячимъ мнѣніемъ: то, о чемъ люди думаютъ, что оно *обыкновенно* такимъ-то образомъ происходитъ (или не происходитъ) или *обыкновенно* такимъ-то образомъ существуетъ (или не существуетъ)—то и есть вѣроятное; такъ напримѣръ вѣроятно, что завистливые [люди] ненавидятъ [другихъ], или, что [люди] любимые любятъ [любящихъ]. Сужденіе же по признакамъ стремится стать посылкой доказательной, или необходимой, или [по крайней мѣрѣ] правдоподобной: то именно, при существованіи или происхожденіи чего [другая вещь] существуетъ, [все равно] раньше или позже первой, есть признакъ происхожденія или существованія [этой вещи] [2]). Энтимема же есть умозаключеніе отъ вѣроятнаго или отъ признака [3]). Признакъ [въ энтимемѣ] имѣетъ троякое значеніе, также какъ средній терминъ въ фигурахъ [силлогизма]: именно или такое значеніе, какое [имѣетъ средній терминъ] въ первой фигурѣ, или такое, какъ во второй, или такое, какъ въ третьей. Такъ напримѣръ доказательство [по энтимемѣ]: [эта] женщина беременна, ибо имѣетъ молоко [4])—принадлежитъ къ первой фигурѣ; здѣсь *A*—быть беременной, *B* имѣть мо-

---

противополагаемъ утвержденію противника что *C* есть *A*, наше прямое отрицаніе: *C* не есть *A* или, иначе говоря, только не признаемъ его посылки. Въ опроверженіи же по второй посылкѣ мы не только не признаемъ его посылки (*C* есть *A*), но и противополагаемъ ей свою (*A* не *C*), которая, очевидно, требуетъ въ свою очередь доказательства.

[1]) Объ этомъ говорится въ *Риторикѣ* Аристотеля, кн. II, гл. 25.

[2]) Итакъ, вѣроятное есть вполнѣ не мотивированное мнѣніе, признакъ же придаетъ ему извѣстное обоснованіе.

[3]) Аристотелевское опредѣленіе энтимемы отличается, слѣдовательно, отъ общепринятаго въ формальныхъ логикахъ, въ которыхъ энтимемой называются силлогизмы съ опущенной большей посылкой. Это опущеніе, какъ видно изъ слѣдующаго, Аристотель не считаетъ существеннымъ признакомъ (Ср. *W. Hamilton*, Discussions on philosophy etc., стр. 152 и слѣд.).

[4]) Имѣть молоко—признакъ беременности. *B* есть *A*, *C* есть *B*, слѣдовательно, *C* есть *A*.

локо, *C*—женщина. Доказательство же [по энтимемѣ]: мудрецы добры, ибо Питтакъ добръ [1])—къ третьей фигурѣ; здѣсь *A*—быть добрымъ. *B*—мудрецъ, *C*—Питтакъ, при чемъ правильно о *C* утверждать и *B*, и *A*, но первое (то-есть *C* есть *B*] мы не высказываемъ, ибо предполагаемъ извѣстнымъ, второе же утверждаемъ. [Наконецъ,] доказательство: [эта] женщина беременна, ибо желтовато-блѣдна, принадлежитъ ко второй фигурѣ; такъ какъ желтоватая блѣдность свойственна беременнымъ, а эта женщина желтовато-блѣдна, слѣдовательно она беременна; здѣсь *A*—быть желтовато-блѣднымъ, *B*—быть беременной, *C*—эта женщина [2]). Если взята [только] одна посылка, является лишь признакъ; если же присоединена и другая посылка, то силлогизмъ [отъ признака], напримѣръ силлогизмъ, что Питтакъ щедръ, ибо всѣ великодушные щедры, а Питтакъ великодушенъ,—или силлогизмъ, что мудрецы добры, ибо Питтакъ добръ и вмѣстѣ съ тѣмъ мудръ. Такимъ образомъ получаются силлогизмы отъ [признака], но съ тѣмъ [между собою] различіемъ, что силлогизмъ [отъ признака] по первой фигурѣ неопровержимъ, если онъ истиненъ (ибо онъ всеобщъ), а силлогизмъ [отъ признака] по третьей фигурѣ можетъ быть опровергаемъ, хотя бы заключеніе и было истиной, ибо этотъ силлогизмъ и не всеобщъ, и не даетъ искомаго, ибо если Питтакъ и добръ, изъ этого не слѣдуетъ необходимо, что таковы же и прочіе мудрецы; [наконецъ,] силлогизмъ [отъ признака] по второй фигурѣ всегда и во всѣхъ случаяхъ опровержимъ, ибо при такомъ отношеніи терминовъ никогда не получается вывода [3]): если беременныя желтовато-блѣдны, и если эта женщина желтовато-блѣдна, не необходимо чтобы она была беременной. Итакъ во всѣхъ заключеніяхъ отъ признака можетъ быть нѣчто истинное, но они различаются сказаннымъ образомъ.

Должно, слѣдовательно, или различать, согласно сказанному, между [различными] признаками и называть знаменіемъ тотъ признакъ, который бываетъ [истиннымъ] среднимъ терминомъ [4]), ибо знаменіемъ называется то, что даетъ [настоящее] знаніе, а таковъ средній терминъ [первой фигуры]),—или можно называть признаками средніе термины [исключительно] во второй и третьей фигурахъ, а знаме-

[1]) Питтакъ есть тотъ признакъ, по которому мы судимъ о добротѣ мудрецовъ.

[2]) *B* есть *A*; *C* есть *A*, слѣдовательно *C* есть *B*.

[3]) Вторая фигура съ обѣими утвердительными посылками не даетъ заключенія.

[4]) Только въ первой фигурѣ средній терминъ дѣйствительно занимаетъ среднее мѣсто: *B* присуще *A*, *A* присуще *C*.

ніемъ [но не признакомъ] средній терминъ въ первой, ибо то, что получается по первой фигурѣ имѣетъ наиболѣе вѣса и наиболѣе истинно [1]).

Заниматься физіогномикой (то-есть узнавать душевныя качества [по внѣшнимъ признакамъ] возможно [2]), если признать, что природные аффекты измѣняютъ тѣло вмѣстѣ съ душею; (изучавшій, напримѣръ, музыку хотя измѣнилъ въ извѣстномъ отношеніи душу, но это состояніе въ насъ не отъ природы; состояніе же въ родѣ гнѣва и и пожеланій принадлежатъ къ волненіямъ природнымъ); если признать это, а также и то, что каждое состояніе имѣетъ свой [особый] внѣшній признакъ, и далѣе, если мы въ состояніи указать отличительный аффектъ для каждаго рода [животныхъ] и соотвѣтственный ему внѣшній признакъ, то физіогномика возможна. Ибо если для какого-нибудь нераздѣльнаго [на виды] рода отличителенъ извѣстный аффектъ, напримѣръ для львовъ храбрость, то долженъ существовать и [соотвѣтственный] внѣшній признакъ (такъ какъ [мы согласились, что] тѣло и душа испытываютъ вмѣстѣ извѣстныя состоянія); пусть этотъ внѣшній признакъ будетъ длинныя конечности: этотъ признакъ можетъ быть свойственъ и [животнымъ] другихъ родовъ, однако не цѣлымъ другимъ родамъ; въ томъ именно смыслѣ этотъ внѣшній признакъ и отличителенъ [для львовъ], что—употребляя обычное наше возраженіе—аффектъ [ему соотвѣтствующій] отличителенъ для всего рода [львовъ], а не только для отдѣльныхъ [львовъ]; но этотъ же аффектъ будетъ присущъ и [отдѣльнымъ] существамъ другихъ родовъ, такъ напримѣръ будетъ храбръ человѣкъ и какое-нибудь другое животное; слѣдовательно, этимъ существамъ будетъ присущъ и внѣшній признакъ [храбрости], ибо у каждаго природнаго состоянія есть, какъ сказано, свой внѣшній признакъ. Если же это такъ, и если мы по тѣмъ животнымъ, которымъ свойственъ *одинъ* только отличительный аффектъ, будемъ въ состояніи собрать такіе внѣшніе признаки (а каждый аффектъ имѣетъ свой внѣшній признакъ, ибо хотя одинъ таковой онъ долженъ имѣть), то физіогномика для насъ доступна. Если же цѣлый родъ имѣетъ *два* отличительныхъ аффекта, какъ напримѣръ львы и храбры, и великодушны,

---

[1]) Греческіе термины σημεῖον (признакъ) и τεκμήριον (знаменіе) рѣзче оттѣняютъ разницу между случайнымъ и вѣрнымъ, чѣмъ нашъ переводъ.

[2]) На примѣрѣ физіогномики Аристотель выясняетъ значеніе заключеній по признакамъ.

то какъ узнать, который изъ отличительнымъ образомъ присущихъ имъ внѣшнихъ признаковъ есть знакъ какого аффекта? Мы узнаемъ это, если оба эти аффекта присущи еще какому-нибудь другому роду [животныхъ], но не въ цѣломъ его объемѣ, и если среди тѣхъ изъ нихъ, которымъ не всѣмъ присущи оба признака, нѣкоторые имѣютъ одинъ изъ нихъ, другаго же не имѣютъ; ибо если они, напримѣръ, храбры, но не великодушны и имѣютъ *такой-то* изъ двухъ внѣшнихъ признаковъ, то ясно, что и для львовъ этотъ же внѣшній признакъ есть знакъ храбрости.

Физіогномическія заключенія возможны по первой фигурѣ, когда средній терминъ обратимъ съ большимъ, но превосходитъ [по объему] меньшій; напримѣръ, если *A*—храбрость, *B*—длинныя конечности и *C*—левъ; всему тому, что есть *C*, присуще *B*, но послѣднее присуще и иному [кромѣ *C*]; и всему тому, чему свойственно *B*, присуще *A*, и не присуще ничему иному, такъ что это сужденіе обратимо: если же это иначе, данному [внѣшнему признаку] не будетъ [исключительно] соотвѣтствовать какого-нибудь одного аффекта [1])

[1]) Для того, чтобы физіогномическое заключеніе было возможно, необходимы два условія: вопервыхъ извѣстный внѣшній признакъ долженъ всегда сопутствовать извѣстному психическому свойству (*B* и *A* должны имѣть одинаковый объемъ), и вовторыхъ, должны быть еще иныя, кромѣ *C*, существа, которымъ свойственъ внѣшній признакъ *B*, ибо иначе не будетъ объекта для физіогномическаго заключенія.